

ДАРЬЯЛ

5

2023

ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

ВЛАДИКАВКАЗ

2 • 0 • 2 • 3

ДАРЬАЛ

**Республика
Северная
Осетия-Алания**

**Литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
А. И. ЦХУРБАЕВ**

**Зам. главного редактора
О. Э. ТОТРОВА**

Редакционный
совет:

**И. Г. ГУРЖИБЕКОВА
М. С. ДЗАСОХОВ
В. О. КОЛИЕВ
Т. А. САЛАМОВ
И. А. ТАБОЛОВА
Ф. С. ХАБАЛОВА
А. Л. ЧИБИРОВ
В. Т. ЧШИЕВ**

5'2023

(178) СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Адрес редакции:

362040,
г. Владикавказ,
ул. Маркуса, 1.
Тел.: 53-60-30
53-58-10
54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru
<http://www.darial-online.ru>

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ТУ 15-00144 от 22.05.2017.
Выдано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель: Комитет по делам
печати и массовых коммуникаций
Республики Северная Осетия-Алания
362040, Республика Северная Осетия-
Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2,
офис 202
Тел.: (8672) 33-33-69

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

16+

Выход в свет 31.10.2023.
Формат бумаги 60 × 90^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура шрифта Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15+1 печ. л.
цветная вклейка на мелованной бумаге.
Заказ № 489. Тираж 600 экз.

АО «Осетия-Полиграфсервис».
362015, г. Владикавказ, пр. Коста, 11.
Тел.: 25-97-94.

Цена свободная

КОЛОНКА
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»

ИЗ ИНГУШСКОЙ ПОЭЗИИ

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И КРИТИКА

ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ
ИСКУССТВО

ЦИТАТА

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

АВТОРЫ НОМЕРА

- 4 **Алан ЦХУРБАЕВ.** Тот самый книжный клуб
- 6 **Казбек МАМУКАЕВ.** Фантазмагория. *Стихи*
- 14 **Азамат КАРГИНОВ.** Три закона. *Рассказ*
- 24 **Виктория ДАУРОВА.** Неизведанная terra. *Стихи*
- 30 **Илья ПЕНКНОВИЧ.** Палитра осени дерзка. *Стихи*
- 34 **Владимир МАЛАХОВСКИЙ.** Ровно в десять... *Стихи*
- 40 **Али ХАШАГУЛЬГОВ.** А солнце будет светить. *Стихи*
- 44 **Уильям Батлер ЙЕЙТС.** Розе на изломе времен. *Стихи. Перевод А. Золоева*
- 48 **Смарок ЗАКИР.** Аллеи и закоулки сердца. *Стихи. Перевод Е. Данченко*
- 54 **Сергей ХУГАЕВ.** Танец Чиколы. *Рассказ*
- 82 **Ольга РЕЗНИК.** Начало
- 96 **Антон ЧЕХОВ.** Гусев. *Рассказ*
- 108 **Мария БУРЦЕВА.** Картина мира рядового Гусева
- 114 **Вилен УАРЗИАТИ.** Чепена
- 120 **Татьяна ОСТАЕВА.** Павел Хасиев. История и судьба
- Павел ХАСИЕВ.** Живопись
- 129 **Коста ХЕТАГУРОВ**
- 130 «НАШ ГОРОД». Конкурс книжного клуба
- 188 **НИНА К.** Про бахилы. *Стихи*
- 192 **Денис ДЫМЧЕНКО.** Выкидыш. *Рассказ*
- 204 **Дарья ШОМАХОВА.** Осторожно, двери закрываются. *Стихи*
- 210 **Ренат ДЖАНИБЕКОВ.** Нотр-Дам горит. *Стихи*
- 216 **Ахмат ШИДАКОВ.** День утконосов. *Рассказ*
- 220 **Саня ХОЛОДНЫЙ.** Про летчика. *Рассказ*
- 224 **Асват ЯНГИЕВА.** Матрешка эмиграции
- 238

ВКЛЕЙКА

Алан ЦХУРБАЕВ

ТОТ САМЫЙ КНИЖНЫЙ КЛУБ

Идея книжного клуба, непохожего на остальные, бродила у меня в голове довольно давно, но я никак не решался на этот шаг, пока кто-то из знакомых не подтолкнул меня, предложив провести встречу в своем арт-пространстве. Уже через несколько дней мы собрались на наше первое заседание. Идея была проста — выбирать для обсуждения только местных, осетинских авторов (ну или как-то связанных с Осетией, с Кавказом). Как показало время, идея того стоила: чередуя наших классиков с современниками (а порой и вовсе новичками), мы начали погружаться в особенный мир осетинской литературы. Ведь чем уже тема, тем глубже копаешь, и то, что казалось простым и поверхностным, вдруг обретает интересное наполнение.

А после второго заседания мы проснулись знаменитыми на всю страну, и это не преувеличение. На той встрече мы говорили о рассказах Азамата Габуева, и двое участников обсуждения, начав с громкой перепалки в помещении, закончили ее уже на улице — дракой. Ну а мне пришлось выйти из образа ведущего книжного клуба и примерить образ разнимающего. Слухи об этом тут же поползли по городу, история о драке любителей чтения всем почему-то показалась до того забавной, что назавтра мы стали темой дня в региональных СМИ, а еще через пару дней эту историю обыграл в своем вечернем шоу на Первом канале Иван Ургант. Так мы словили свои пять минут славы.

На третье заседание пришло с полсотни человек, жаждущих увидеть поединок рестлеров, но с тех пор мы ведем себя пристойно, держим себя в руках, хоть и всегда наготове.

И все-таки, те несколько капель крови, пролитых на втором заседании, сослужили нам хорошую службу — о нашем книжном клубе теперь говорят исключительно как о «том самом». История с дракой стала одной из городских легенд, а сам книжный клуб — предметом для бескончаемых шуток и баек (кто-то даже написал небольшой рассказ по мотивам).

Поменяв всего одну букву в известной песне рок-группы The Doors, я наконец дал клубу и название — Readers on the storm. Его можно перевести как «Читатели во время шторма». Пока этот мир катится туда, куда и всегда — к черту, мы продолжаем читать книжки.

Время шло, постепенно у клуба сформировался свой костяк, но каждый раз приходили и новые люди. Мы обсудили десятки текстов, сменили несколько локаций (простите мне это модное словечко), и, размышляя о том, как мы стали частью городской культуры, я понял, что пришло время для литературного конкурса. Я назвал его просто — «Наш город». Спонсором стало заведение с таким же названием — Notre ville. Это бельгийское брассерри, что расположено у нас на улице Горького. Там, кстати, тоже дрались, но не столь легендарно.

Из 23 соискателей, приславших свои рассказы на конкурс, семеро вошли в шорт-лист и, по условиям конкурса, опубликованы в этом номере. Пусть читатель «Дарьяла» примет во внимание, что это начинающие авторы. Для некоторых это и вовсе первый литературный опыт, на который они решились только потому, что посещали заседания клуба. И тем не менее конкурс удался и, надеюсь, будет продолжен.

В одном из рассказов (не самом лучшем) встречаются такие слова: «Книги, которые мы обсуждали, и вообще все прочитанное и увиденное нами формирует наш теперешний мир». Это самое точное и лично для меня самое комплиментарное описание того, что делает «тот самый книжный клуб».

Казбек МАМУКАЕВ

ФАНТАСМАГОРИЯ

СТИХИ

В оформлении использована иллюстрация из свободного доступа сети Интернет

ПОЛНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Солнце с луною целуются,
 Это — затмение, страсть.
 Протуберанцы волнуются,
 Ярость их оборвалась.

Солнце ли молит о холоде,
 Голь свою греет луна,
 Пой, не молчи уже, полноте,
 Рвись от натуги, струна!

Пой, пока солнце стеснительно
 Прячет свой лик за луной!..
 В вальсе, в обнимку, волнительном
 Кружат они надо мной...

* * *

Там лес и дол видений полны...

А. С. Пушкин

На берегу, на невысоком,
 У моря синего горит
 Мой стих, налившись солнца соком
 Из сердца утренней зари.

И, словно вырвавшись из плена,
Из слоя вековой пыли,
Уходят в странствие катрены,
Как призрачные корабли.

Они видений чудных полны,
Их палубы отворены,
Несите ж их, несите, волны,
К сердцам из донца старины!..

* * *

Был бы я юнец, пострел,
Плел бы строки,
Век на радуге б сидел,
Свесив ноги.

Я писал бы и писал
Чудо-песни,
Всем друзьям бы разослал,
Если б, если...

ДОСТОЕВСКИЙ

Тяжело... достается Достоевскому Россия...

Б. А. Чичибабин

Тяжело ль ему юродство перенести,
Болью мира было стать неумогу ли?..
Безнадега ли, благой ли вести нести,
Или враги в нем огонь борьбы задули?..

Письмена его иссохнут ли в столе,
И дадим мы негасимому угаснуть?..
Неужель лишен был зренья Достоев...
И слезою брэнной жег нас понапрасну?!

Не поверю! А поверю я звезде
В немерцающем своем надмирном блеске,
О спасительной для мира красоте
Вновь поведает нам Федор Достоевский...

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Зрелищ ли, хлеба ль треба?
Солнышку — непролаз...
Сырость — в глазу у неба,
Слякоть ли — в небе глаз...

Ночи бредут беззвездно,
В днях — нулевой прирост,
Поздняя осень... Поздно
Ставить столпом вопрос...

Что же в предзимье все же
Может душа узреть?
Мерзнуть и стыть негоже,
Гоже не тлеть — гореть.

БАБЬЕ ЛЕТО

Янтарем и златом бредит осень,
Гладь пруда колышут крылья птиц...
Свет очей ли опрокинут оземь,
Перечеркнут строчками ресниц...

Перистые облака — все тоньше,
Будто перелетные они,
Дремлют совы — милые святоши,
Ясновидцам древности сродни...

Спит земля под разноцветным пледом,
Снятся ль ей безоблачные сны?..
Не спешి прощаться, бабье лето,
Погоди хотя бы до... весны!..

* * *

Если сердце не на месте,
Вера болью сожжена,
Вслушайся: у края бездны
Тихо плачет тишина.

Если лезет в душу скаред,
Ты гони его взашей,
Если ноет рана-варедь,
Сдобри сыростью очей.

Черных дыр низринь пучину,
Сеть и звезды извлеки,
Обличи ночи личину,
Темень в солнце облеки!

* * *

Не зима ли кончается,
Не весна ль началась?!
Дай со стругом причалиться,
Озерца очей-глаз!

Мачта струга, как перл, легка,
Рея — тонкая нить.
У родного у берега
Дай мне парус спустить.

Музе-птице на сосенке
Любо-гнездышко свей.
В моем образе простеньком
Путь свершил Одиссей...

ТАИНСТВО ТВОРЧЕСТВА

Тень и свет, свет и тень — и во мне, и вовне,
Дверь отверзнута в сердце-острог,
Звезды вместе с лучами кричали во мне,
Учащая биение строк.

От биения строк засиял белый лист
Бриллиантом в миллионы карат,
Строки в строфы сомкнулись, и рифмы сплелись
В наднебесный венец-звукоряд.

Наднебесный оркестр предвечный, играй
В унисон с моей тонкой струной!
Пусть в умах и в сердцах пробуждается рай.
Пойте, строки, сонату с луной!..

* * *

Немиром мир и невойна войною,
Нежизнью жизнь и недобром добро, —
Порхает голубь веры надо мною,
Ловлю его я весточку-перо.

Шифровка в нем: любовь не затухает,
Себя надежда щедро раздает, —
Несвета свет, неглухота глухая.
Почто же душу ваша ярость рвет?..

ПОЛУДРЕМА

Я в объятии белых берез —
В полудреме... Проснуться — не скоро бы!
Но в суму мою, полную слез,
Небо высыпало звезды с три короба.

Что ж! Осушат ли слезы и боль
Мою выпьют ли гости нежданные?
Иль сожжет моя слезная соль
Их святые огни первозданные?..

* * *

Ночной порой, когда продрог
Последний лист под сердцем клена,
Лучи серебряные строк
Мне шлет луна из небосклона.

Из них я строфы-гнезда вью,
В которых таинство творится.

Вершится сказка наяву,
Крылами веет чудо-птица.

И звезд бесчисленных закрома
Там, наверху, открыли маги,
Внизу же — призраки-дома —
Видений древних саркофаги.

ФАНТАСМАГОРИЯ

Волны радио неба взорвали
Не Медведицы ль Малой редут?
Гребень айсберга — в вышнем астрале,
Широко на нем звезды цветут...

Их созвездие Дева сбирала,
Брачный замок из коих совет,
А луна, словно чаша Грааля,
В руки рыцаря плавно плывет.

Необъятны ночные просторы,
Волшебства же так короток миг!
Пролетят наши дни-метеоры,
Как страницы нечитанных книг...

* * *

Я уж стар... И, конечно, устал...
Кризис... сердце... душа... эндокрины...
Голос... лысина... зренье... седины...
Ну куда уж мне на пьедестал?!

Но костями ль предначертано лечь —
Непременно за Родину лягу,
Лишь бы внуков блаженных сберечь,
Лишь бы дать им любовь и отвагу.

Поздновато ль молиться и петь,
Сожалеть ли о том рановато?!
Я мечтаю в любви преуспеть,
Брежу тем, что незримо, но свято...

* * *

В небесный сад ступаю,
Стихи — запретный плод —
Срываю и вкушаю
Полночи напролет.

Ночь бденье растеряла,
И звезд открылась течь,
Росинки расстреляла
Стихов моих картечь.

Не глупо и не мудро —
Под звон и перезвон
Приходит пост под утро,
А с ним приходит сон...

* * *

Я есть везде, и я — нигде,
Но погляди-ка:
Висит гвоздика на гвозде,
Висит гвоздика.

Нет края боли и тоске,
Поникли вежды, —
Душа висит на волоске,
На дне надежды...

Азамат КАРГИНОВ

ТРИ ЗАКОНА

РАССКАЗ

НЕ БОЛЬНО

Черное выпуклое небо, распластанное на глазу мертвого оленя, медленно затягивалось вязкой мутной поволокой. Ресницы животного уже не дрожали, сведенные судорогой задние ноги постепенно расслаблялись, красиво, почти кокетливо опускаясь на землю. Гена точно знал, что первый выстрел, перебивший позвоночник, был верным, потому спокойно спустился с лабаза на сосне и подошел к еще брыкавшемуся животному. Молодая важенька затихла очень быстро: ее бока уже не дрожали судорожным дыханием, когда Гена присел на корточки перед подстреленным животным. Быстро окинув взглядом замершие ноздри и слепые глаза, он хмуро кивнул сам себе и достал нож. Времени подвешивать и аккуратно свежевать тушу не было: весеннее солнце быстро заходило за кромку деревьев, а ночевать в лесу охотник не то чтобы не мог, просто не хотел. Десять, да даже пять лет назад Гена бы не колебался: тридцатилетний, легкий на подъем, жилистый, вечно голодный до жизни мужик, он мог не спать по несколько суток, преследуя уходящее с его участка стадо. Но теперь, под сорок, Гена все чаще выбирал скудный комфорт крохотной незаметной сторожки, которую он ладно поставил ровнехонько посреди своей деланки.

Потому и сейчас, бросив короткий взгляд на небо, настоящее голубое небо, а не страшное мертвое в глазах убитой важеньки, он принялся свежевать по-грязному, прямо на земле. Скупым точным движением он раскрыл шкуру от горла до небольшого вымени

и мелкими частыми надрезами стал расширять зазор между кожей и мышцами молодой самки, пока не получилась причудливая пелерина, подбитая сворачивающейся кровью.

Почему-то Гена всегда медлил перед первым ударом. Сколько лет уже ходил на зверя, а каждый раз, когда надо было бить ножом в еще теплый живот, его рука начинала дрожать. Дальше шло уже просто, но самое первое проникновение в плоть было барьером, высотой, которую было трудно взять. Каждый раз. И в этот раз. Глубоко вдохнув, Гена прикрыл глаза и ударил. Хлестко, быстро, с потягом, рассекая упругий живот, оплетенный тугими мышцами молодого здорового животного. Ударил так, чтобы не разрезать внутренности, просто вскрыть.

Странное ощущение полоснуло холодом под свитером, заставив Гену широко раскрыть глаза. Какие-то секунды он будто видел двойную картинку. Распростертая на черной, сырой после дождя земле важенка, винного цвета лужицы с алой вихрящейся дымкой, белесо-лиловые кишки, любопытными червячками выглядывающие из рассеченного живота — все это было понятным. Но в другой, куда более дремучей части Гены он видел самого себя: крепкого мужчину со с м е р т е л ь н о бледным лицом и детским страхом в глазах, склонившегося над... Над другим собой? Ему показалось, что это не он скрючился с ножом в руке над жертвой, а кто-то другой, злой, сопящий, пахнущий металлом, режет его самого. Наваждение прошло. Гена трясущимися руками, оставляя пятна крови, с трудом расстегнул куртку и задрал свитер к подбородку. На животе не было никаких отметин, если не считать старого грубоватого шрама бежевого цвета от аппендицита. Тряхнув головой, он судорожно и оттого неряшливо досвеживал убитое животное, забросав шкуру и кишки палой листвой, будто стесняясь чего-то. Однако к голове важенки он не смог прикоснуться, так и бросив ее там, на красной земле.

Возвращаясь домой, он все время чувствовал мокрый взгляд черного мертвого неба, смотрящего ему в спину. Без обвинений, без морали, похожий на резкую тишину после громкого взрыва.

НЕ СТРАШНО

Зотов едва-едва шевелил ручкой приемника, продираясь через статику. Радио тут ловило плохо, но если очень постараться, то можно было добиться нескольких фраз, с трудом складывающихся во что-то осмысленное. Далекий голос захлебывался в океане

белого шума, но Зотов не сдавался, едва заметно, на волос подталкивая красную полосу. Когда речь диктора стала максимально внятной, он замер с рукой на ручке, боясь испортить настройку движением.

— Сегодня ожидается метель, во второй половине дня возможен туман. Температура воздуха минус двадцать семь — минус двадцать девять...

— Тьфу, зараза, — проворчал Зотов в ответ.

Словно обидевшись на оскорбление, голос нырнул в помехи и умолк. Зотов поправил меховую засаленную шапку и посмотрел в окно. Стекло было покрыто толстым слоем инеевых разводов. Он зашаркал тапками в предбанник, где в темноте нашарил двухстволку, прислоненную к косяку. Радио — это хорошо, но одними словами сыт не будешь — надо идти на промысел. Поверх стеганки он накинул еще один бушлат, вслепую потыкался ногой, одетую в три носка, пока не нашел дутые сапоги. Дома было не сильно теплее, чем снаружи, едва хватало, чтобы вода в чайнике не подергивалась пленкой льда хотя бы днем. Напоследок вздохнув, Зотов быстро открыл дверь и так же проворно закрыл ее за собой, чтобы не выстужать и без того холодное жилье.

С тихими матаками он вычесал из бороды какую-то колючую соринку, проверил, плотно ли прикрыта дверь. Результат его не устроил, пришлось подпирать штакетом. Уже немеющими руками он вытащил пару рукавиц. Вот теперь к бою готов. Как язык трогает соленую дырку, на месте которой был зуб, так и он с застарелой болью глянул на пустую конуру. Умка. На охоту она не годилась, только хвостом виляла да радостно напрыгивала передними лапами на бедра, вечно довольная даже скупой ласке Зотова. Да, Умка. Собаку он съел еще в первый год.

Зычно сморкнувшись, охотник пошел по припорошенной тропинке в снегу, огибая сарай, к калитке в заборе. В который раз пообещав себе смазать петли, Зотов встал на распустье. Налево от двора Зотова было три дома, направо улица шла еще на пять. Правда, жилыми из них были два с половиной. В четвертом доме жил Михась, мужик крепкий, но в возрасте, на промысел ходить не мог. А старуху Крупко из седьмого Зотов за человека не считал уже давно. Примерно с тех самых пор, как все и случилось. Бабка как-то в одночасье оскотинилась, превратилась в запуганное забитое животное. Каждый раз, когда Зотов заходил к ней, чтобы подкинуть немного еды, Крупко пряталась за грудками объедков, маслянисто блестя на него слезящимися глазами. Ходить к ней Зотов не любил еще до всего произошедшего, теперь совсем

брезговал старухой, с порога бросая полутушку в вонючую берлогу. Тряхнув головой, он потянул носом морозный воздух и недовольно посмотрел на серые низкие облака. Метель вот-вот начнется, надо успеть обойти силки. Кивнув своим мыслям, он повернулся направо и пошел по едва заметному углублению между сугробами. Впереди, выступая черной мертвой стеной, стоял лес. Как и за спиной Зотова, на другой стороне деревни. Хотя туда ему смотреть совсем не хотелось, глаза против его воли раз за разом возвращались туда.

Остановившись, Зотов с осторожностью начал поворачиваться к лесу с другой стороны. Через прищуренные глаза он увидел все ту же картину: застыв в небе, над деревьями спокойно висел гигантский крест красного цвета с толстыми перекладинами, слегка мерцающими в сумрачных облаках.

Раньше, когда Зотову все-таки удавалось найти нужную радиоволну, он слышал одно и то же: всех эвакуировали, проблемы нет, работы по изучению ведутся. Вроде бы крест был не единственным, такой же висел и над Минском, и над Москвой. Вроде бы они были не крестами, а чем-то связанным друг с другом, какой-то гигантской структурой, а дальше начинались термины. Зотов их не понимал, уж слишком умно все объясняли. А вот умники те, они все сразу поняли. Понять-то поняли и изучали все тщательно, да только вот крест как висел над лесом, так и висит. И зима все не кончается, пятый год подряд. Надо бы уехать отсюда, как и остальные, но куда же старики без него. Вот и получается, что пять лет в вечной зиме, никому не нужные. Только вот радио и есть. И зима на много километров вокруг. На сколько точно, Зотов не знал: дальше, чем на дневной переход, уходить было опасно. И стариков не бросишь. А не было бы стариков, бросил бы? Ушел бы? Не ушел бы. Некуда было идти, незачем. Где родился, там и пригодился.

На глаза навернулись злые слезы. Зотов поднял кулак и погрозил безучастной крестовине в небе. Ну его. Пора на промысел.

* * *

Замерзать оказалось не так страшно, как он думал. Сначала, когда еще были силы идти, было больно, будто в сапоги и рукавицы напустили ос. Но это прошло, когда Зотов лег в сугроб и решил больше никуда не идти. Ледяной туман быстро оседал на нем коркой хрупкого льда, пока еще не затрагивая лица. Но и это ненадолго. Медленные ртутно-тяжелые мысли стекали куда-то на самое дно головы, пригибая ее все ниже и ниже. Жаль, что компас

не взял. Хотя что толку, все равно стрелка, как приклеенная, смотрит на красную крестовину в небе. Жаль, что не вернулся до тумана. Хотя обещали вечером, а оно вон как вышло. Жаль, что ружье бросил, но сил тащить его не было. Да и выстрелить в себя сейчас он не смог бы. Какая разница, и так можно. Спокойно и без боли.

Интересно, что теперь будет с Михасем и бабкой Крупко. Дед еще поживет с пару дней, а она вряд ли. Нет, и это тоже уже неинтересно. А вот спать уже хочется. Только бы не встретить там Умку. Не хочется смотреть ей в глаза.

Красное сияние медленно затопило мир Зотова. Зотов умирал. Зотов испарялся тонкой красной струйкой. Зотов понял, что такое Красный Крест. А Красный Крест понял, что такое Зотов.

НЕ СМЕШНО

— С чего начинается Родина...

Суропин заморгал на лампу под потолком кухни. Свет был желтый и слабый, его едва хватало, чтобы разглядеть бардак на столе, но грязь на полу милосердно скрадывалась мягкими тенями. Хотя никому здесь не было никакого дела до грязи. Липкая клеенчатая скатерть, давно и накрепко вросшая в столешницу, была покрыта старыми разводами от всего понемногу. Суропин посмотрел на эти пятна. Так великие полководцы древности смотрели на поле боя с вершины холма. Блистательная компания бычков в томате (толстым, чайного цвета ногтем мужчины подвинул банку мертвых рыб в красном соусе) против охотничьих колбасок в нарезке, двести пятьдесят рублей по акции, вакуумная упаковка (еще одно движение ногтя). Из горла мужчины раздалось не то кудахтанье, не то кваканье, переросшее в громовую отрыжку. Воистину, грозный рык великого стратега. Когорты, сомкнуть ряды. На с м е р т ь, на с м е р т ь.

Пьяным неверным движением Суропин подхватил стакан со стола и поднес ко рту, но не рассчитал — стекло больно стукнуло мужчину по зубам, оставив россыпь капель на тяжелых очках с толстыми линзами. Решимость бывшего воина такие шалости поколебать, конечно же, не могли, но звонок был тревожный. Уже аккуратнее он допил жгучую жидкость, игриво цыкнул в щель между зубов остатки вперемешку со слюной прямо на стол. Очередная безупречная победа. Рука с давно потухшей сигаретой прямо за стекла линз стянула очки с длинного носа и принялась тереть о шерстяной свитер с оленями. Без очков Суропин практически

ничего вокруг не видел, что, безусловно, было к добру. Когда очки вернулись на свое место, мужчина обнаружил, что все это время задерживал дыхание после выпитых пятидесяти грамм. С легким стоном он выпустил воздух из легких и игриво подмигнул ходикам в виде кота на стене. Один глаз животного навсегда остановил свой немигающий взгляд на Суропине, а второй, закатившись, рассматривал что-то интересное внутри часового механизма.

Брезгливо затушив сигарету в банку бычков, мужчина вытащил еще одну из смятой пачки, закурил и снова забыл, оставив ронять пепел на скатерть. Тяжелые битвы требуют своих жертв. Но грозные мужи не боятся потерь, лишений и тягот. Грозные мужи идут вперед. «С чего начинается Родина». Знать бы еще остальные слова этой песни. Но и эти вполне себе, очень даже ничего. Суропин подслеповато заморгал на желтую лампу, перевел взгляд на часы с окосевшим котом и начал смеяться. Сначала тихо, под нос, он расхохотался все громче и громче, пока не стал громко, с криками хохотать, широко разевая рот. Язык, покрытый толстым белым налетом, бился о крупные желтые зубы, слезы выступали на глазах, Суропин утирал их рукой, не замечая, как размазывает по вспотевшему лицу пепел. Очки слетели с переносицы, упав куда-то за пределы доступности света, а он все смеялся и смеялся, хлопая себя по бедру, отчего табак разлетался всюду, одна крошка прилипла к нижней пухлой губе.

Если бы кто-то сейчас спросил Суропина, над чем тот смеется, он бы не смог сказать наверняка. Не от опьянения, хотя да, он был изрядно пьян. Просто пальцем показать не на что было. Все как-то по-дурацки прошло. Смешно так. Глупенько. Все началось с часов. Вернее, с глаза, который одним утром просто закатился куда-то в череп жестяного кота и с тех пор больше не показывался. Второй какое-то время еще ходил влево-вправо, потом замер. Потом умерла его Лидочка. Единственное, что сдерживало его от вот этого полуживотного состояния. Умерла тихо, во сне, врачи это называют «хорошая с м е р т ь».

Суропин всхохотнул и снова залился смехом.

Первое время он держался, давая волю своему горю только по вечерам. Тихо поскуливал, закусывая губу, когда шел от автобуса к дому через темные дворы. Только в квартире он позволял себе начать подвывать уже по-настоящему, не стесняясь. А потом он запил. Сначала он говорил себе, что это от горя. Наверное, так оно и было. Потом твердил себе о поминках. А дальше перестал оправдываться. Просто пил, и все. Спал тут же, прямо за столом. Стало хуже со зрением, но для главного инженера шлифовально-

го цеха на оптическом заводе это не было проблемой. Очки толстели, на какое-то время помогало. Уволить его теоретически могли, но на деле это было почти невозможно. Завод медленно-медленно умирал, но перебивался госзаказами год от года.

Детей у них с Лидочкой не было, друзей, в принципе, тоже. Нет, Суропин иногда выпивал с генеральным в его кабинете с красивыми дубовыми панелями на стенах, но другом назвать не мог. И как-то вот все проходило по-дурацки. Глупо. Смешно.

Смех оборвался так же внезапно, как и начался. Суропин снял мутную каплю с кончика носа.

— Не смешно, — всхлипнул он. — Не. Смешно. Я тебе говорю, не смешно это!

Бутылка водки полетела в часы с котом, попала прямо в мордочку животному и разбилась. Суропин не успел удивиться своей меткости: один из осколков отлетел в мутную желтую лампочку. Раздался второй звон, тоньше и слабее. Свет погас. В темноте Суропин сучил руками по столу, прилипая ладонями к скатерти и опрокидывая мелкие предметы. Что же он искал, что же он искал? Фонаря у него и не было никогда. Что же было, что-то ведь было. Суропин замер. Действительно, что-то было не то. Неправильно.

Тик-так, тик-так. На ощупь, с трясущимися потными руками он встал и медленно подошел к стене, где висели часы. Когда он нашарил часы, он понял, что было не так: корпус вздрагивал, мерно выдавливая из себя секунду за секундой.

В комнате за стенкой что-то тихо зашуршало, потом второй раз. Так шуршит накрахмаленное белье, когда в постели кто-то шевелится. Раздался тихий голос.

— Валерка, ты где там?

Суропин обмер. Голос был, нет, точно сказать было нельзя, но очень знакомый, родной даже.

Громко проглотив горько-соленую слюну, он несколько раз набирал воздух, чтобы ответить, но из горла доносилось криканье. Наконец, хакнув гортанью, он прокашлялся.

— Иду, Лидочка, иду, — прокаркал Суропин.

И пошел к своей Лидочке.

ТАК БУДЕТ ПРАВИЛЬНО

Он бродил по городу, выискивая истории старых чердаков и мертвых окон. Мокрые тяжелые ботинки глухо шелестели по комковатому снегу, чертя две колеи: одну потоньше, от здоровой

правой ноги, другую потолще — от сухой левой. Чутье его было почти безупречным: он всегда знал, где и когда надо быть, чтобы найти то, за чем он охотился. Легкий, заметный ему одному запах приводил его туда, куда надо было прийти. Лишь пару раз он ошибался, когда жилье было занято новыми владельцами: бездомными, облюбовавшими заброшенный дом, но не успевшими пропитать его духом пусть полудикого, но все же людского быта. Но большой беды в том не было. С непосредственностью и простотой он вливался в их круг, за тем лишь, чтобы переночевать и уйти с рассветом. Вопросы эти люди не задавали, а в их глазах было только облегчение оттого, что пришедший был таким же, как они — калечным бродягой.

Только один раз он ошибся тяжелой, уже непоправимой ошибкой. Тогда, в темноте стылой комнаты наполовину вросшего в бурелом сруба, он был уверен, что нашел то, что гнало его каждый вечер из мастерской. И он стал слушать слабое эхо пустого вздыхающего дома, горестно жалующегося на отгоревшую в нем жизнь. Но вместо тихого шепота, вместо тайнописи разрухи и шелеста серого прошлого пришел дикий, рвущийся на высокой ноте рев безумия. Оглушенный болью, он шарил вспотевшими ладонями по плесневелым стенам, сопротивляясь этому потоку, пытаясь схватиться хоть за что-нибудь по эту сторону, за что-нибудь материальное. И мир не дал ему соскользнуть. Резкая боль прочертила полосу, от брови до челюсти. Он отпрянул, схватившись за лицо руками. Вторая вспышка резанула уже по локтю. С трудом разглядев мутную фигуру перед собой, он неловко кинулся вперед, подминая под себя чье-то невесомое, удивительно хрупкое тело. Кости под его весом легко дробились на острые осколки, человек тихо вздохнул и затих. Когда ему удалось встать и зажечь оплывший огарок свечи, он увидел старуху, лежавшую на полу с раззявленным ртом. Ярко винные капли крови, его собственной — на старухе ран не было, — еще сильнее оттеняли молочную белизну этого существа, будто никогда не видевшего свет солнца. Бледная кожа, жидкие седые волосы, тонкая ночная рубашка — пещерный мотылек. И, конечно, бельма на глазах. Вот почему не было света внутри, вот почему ржавый топор прошел мимо цели два раза. Вздохнув, он взвалил легкое тело на плечо и вышел из дома.

Так, в первый раз за много лет, ему пришлось вспомнить, как работать с людьми. Гроб вышел хорошим, крепким, могила по весне копалась споро. Вот только старуху это не устроило. Не захотела она покоя. С тех пор и ходила с ним. Он даже привык к ней:

какая-никакая, а компания. Белые одежды развевались на ветру, когда она присаживалась на очередную щербатую печную трубу. Тихая изломанная фигура, никогда не смотревшая на него. Он кивал ей, как старой знакомой, но старуха, кажется, не замечала: просто была тут, когда приходило время. Потом, когда место уже рассказывало свою историю до конца, а он уходил, старуха исчезала. Обоих все устраивало.

Уже глубокой ночью в мастерской он почесывал косой шрам, от брови до челюсти, и старательно все записывал, мелкими ровными рядами выводя чужие жизни на листах, одну за другой. Там же, за верстаком, он засыпал. Но никогда не ложился лицом на испланную желтоватую бумагу. Это было бы неправильно.

* * *

Тук-тук-тук.

Заскорузлые, уже морщинистые, все еще сильные руки ладили почерневшие, но прочные доски, оставляя тонкие швы без зазора.

Тук-тук.

Пусть на гвоздях было немного ржавчины, но именно таким, старым, вырванным из косых стен, он доверял куда больше.

Тук.

Небольшая домина, меньше, чем нужна для грудного ребенка, легла на верстак. Едва заметным дуновением с запахом полыни и ладана он сдул невесомые опилки и погладил шершавой ладонью доски. Вышло ладно.

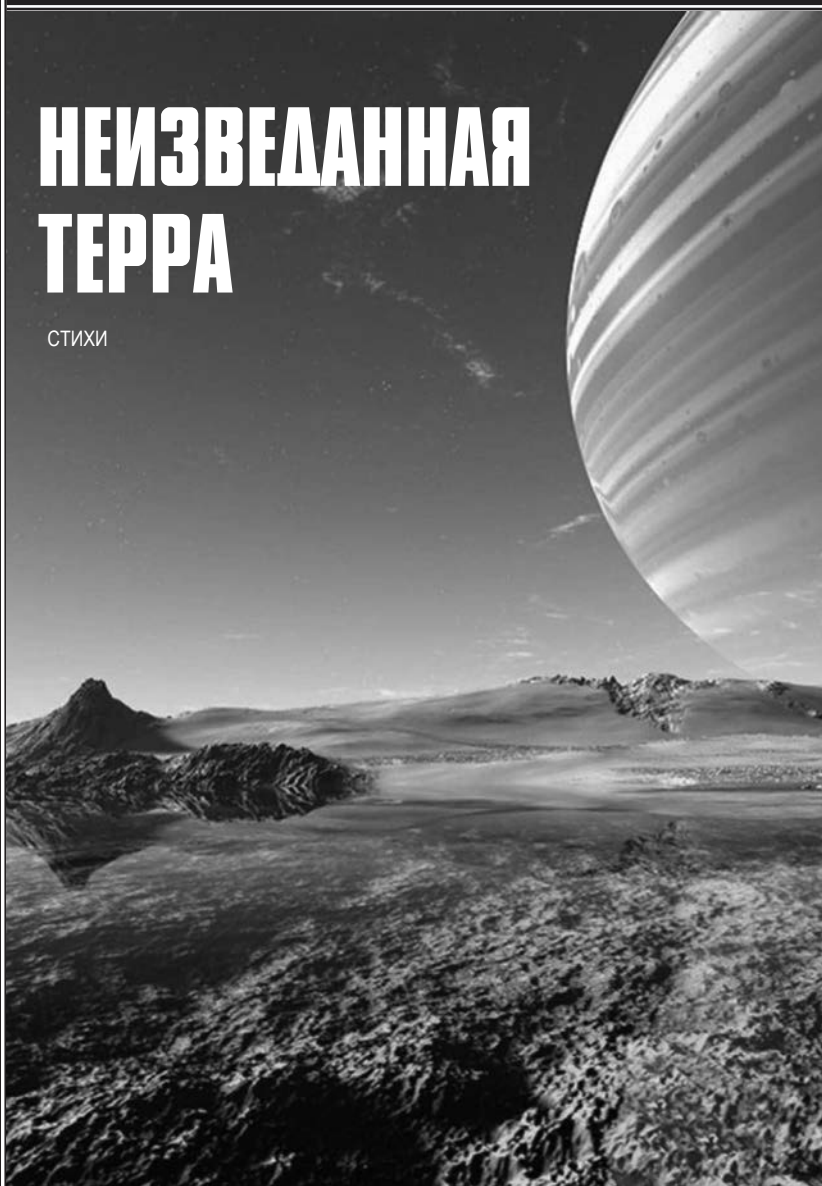
Слегка щурясь, он в последний раз пробежал глазами по строчкам: «...он все время чувствовал мокрый взгляд черного мертвого неба, смотрящего ему в спину. Без обвинений, без морали, похожий на резкую тишину после громкого взрыва».

Это было правильно, это было хорошо. Желтые листы легли в крохотный гроб, сверху он придавил их большим охотничьим ножом и опустил крышку. Теперь можно закапывать.

Виктория ДАУРОВА

НЕИЗВЕДАННАЯ ТЕРРА

СТИХИ

В оформлении использована иллюстрация из свободного доступа сети Интернет

* * *

Духом воспрянуть?
Не про тебя, забудь.
Ты — всегда пряник
И никогда — кнут?

Рукой поводит —
Наконец мы тут.
Ищет и не находит
Привычных пут.

Неизведанная Терра.
Не нова, но инкогнито.
Место, где хоронят веру.
Неважно, кто ты там.

Подойди сюда
И вдосталь взирай,
Какая ерунда —
Придуманный рай.

* * *

Стоит ли кто-то бодрствования в 4:53?
Будто после мысленной атомной бомбардировки,
С кипящим огненным жерлом внутри?
Дать ответ — ни смелости, ни сноровки.

Апокалипсис рядом, он настал неотвратимо;
Но история — банальна, кто-то пожмет плечом.
А у тебя внутри горит Хиросима,
И тебя — мотылька — это пламя влечет.

Этот город дымит, ты пробираешься сквозь руины,
Хотя приехал в поисках счастья, но не приобретение то —
пропажа;
Ты оставил в багаже чемоданчик, никогда не надеясь вернуться
за ним, но,
Доверху набитая одиночеством, заждалась поклажа.

Отодвиньте любовь — она неприятно пахнет;
То, что без, — пока не наделила смыслом.
То, что дальше, — это не то чтобы страх, нет,
Рука за ценным грузом потянулась и безвольно повисла.

В этой круговерти разрушения и дерьма
На последний поезд у меня билет зайцем.
Тумблером в тамбуре черная растеклась тьма,
Значит, на следующей остановке пора выбираться.

* * *

Беспощадно и бессмысленно лгут часы:
Беспощадно и бессмысленно люди лгут.
Время идет, но где пресловутые те весы,
Ошибки взвешивающие за пройденный нами маршрут?
Жизнь бьет ключом — носом уткнушь тебе в ключичную ямку.
Счастье — здесь, но в одно мгновение его смахнут, как слезу.
Вдруг руки твои оказались тесными ему — как рамки,
Вдруг из зазнобы ты стала — нервно саднящий зуб.

С кем флиртовать, чтобы этот заполучить сценарий?
Я обещаю выучить назубок свою роль.
Вы еще меня не знаете, я покажу вам, сыграю
Очищенную от примесей боль.

Время — девятый вал, оцифрованная копия ада.
Я — соринка, застрявшая меж двух его стрелок.
Что есть после тебя? Ничто — нулевое сальдо.
Фейерверк — вспыхнула и сгорела.

* * *

Косы распустив, бежать из дома отчего...
Отчего ты всегда весела?
Потому что живет в тебе червоточина,
Как бы мякоть красна ни была...

Вычеркну, а оно ведь выжжено,
Как мне это исчерпать, истребить?
И сколько ни теряй насиженное,
Вьется и вьется тонкая нить.

Эту яблоню новое хорошо привечает.
К солнцу вскинувшись, сучья растут.
Но кто-то зерна обронил нечаянно,
И сорняки ее облепили то там, то тут.

Ширится и ширится червоточина,
Разверзнув свою широкую пасть.
Кому следующим напропорочено
В нее, как в омут с головой, упасть?

* * *

Заплутал, запутался по пути.
Плюнешь — тьфу ты — по какой дороге теперь пойти?
По поверьям, направо — не оберешься потерь,
Посмотри налево — притаился пугающий зверь.

Снова ты, выбрасывающая якоря,
Яркими лезвиями раскалывающая моря.
Ясными названиями блестят «семья», «друзья»,
Ядом наполняется взгляд — туда нельзя.

Целое утро пытаешься восстановить цепь.
Расцветшие в темноте целуешь цветы,
Царапаясь к выходу, в глазах цементируя цель,
Клацаешь кольцами устало ты.

Магнетически манной небесной манит даль,
Монотонно зовет: «Ко мне, ко мне».
Замысловатый купол мечети что миндаль,
Безымянное море молит о волне.

Ожиданием до краев наполнен жаркий порт,
Жаждет воочию, вживую тебя посмотреть.
Желание жмется в груди — вот-вот,
Провожаяшь чаек жадно, но все же — нет.

Мозаика забывается, хоть замысел прост,
Запылился где-то недостающий кусочек пазла.
Загогулинка, запятая на фоне других звезд,
Мелочь, не сразу заметная глазу.

Думая о предстоящей дороге, дрожишь,
Кутаешься подостроверней в свой драный тренч.
Долго ли еще до то бишь
Предвкушаемых добрых встреч?

Скособоченный покинутый порт
Равнодушным окинул оком.
Холодом осенним очертил небосвод,
Мол, смотри, ты, глупая, как одинока!

Хватит, не схватить, пора понять,
Это — схватка, ее суждено проиграть.
Оплеухой одарят, если охмутать хотела,
Хоть поняла, что не в хваткости дело.

Странная ты, странница — это ведь непрочитанная страница,
Стараешься перелистать, думая, что завершится,
Но — стираются начертанные чернила,
Чтобы ты новые начертила.

* * *

На голом теле черной ночи — созвездий сыпь.
Нестерпимый начавшийся зуд.
Эй, аптекарь, пожалуй, и мне отсыпь
Два коротких и емких «любят», «ждут».

Сожми пилюли в большой и потной своей горсти,
В тонких стенках тела скопился хлам,
И без очереди меня отпусти,
Я и убогим, и нищим духом его раздам.

Потому что я как фонарь, случайно зажегшийся посреде дня.
Руками скрадываю и извиняюсь за этот свет.
Но не ругай, аптекарь, за него меня,
Потому что другого у меня и нет.

Пусть люди — черная жижа, серая хмарь.
Дымящееся сигаретное черное дуло
Можно огнем моим разжечь в янтарь,
А пессимисты воскликнут: «Дура!»

В заднем ряду на моноспектакле, на плохонькой пьесе,
Это я — единственный и восхищенный зритель,
Который восторженно рукоплещет
Тем, кто его не замечает и не видит.

Илья ПЕНКНОВИЧ

ПАЛИТРА ОСЕНИ ДЕРЗКА

СТИХИ

В оформленни използвана картина Роналда Палмазъртса (фрагмент)

ЭЛЕКТРОД

Сварив деталь, сгорает электрод.
Но что с того?
Он жизнь недаром прожил,
И в этот шов, дымящийся еще,
Был весь огонь, весь смысл жизни вложен.

* * *

Зареван лес дождями частыми,
И капли бьют мой плащ навывлет,
Я прихожу сюда за счастьем,
Оно в насквозь промокнутой выси,
Оно в деревьях затуманенных,
В траве, что жарче малахита,
Оно не где-то за туманами —
Бери его, оно открыто!
Беру! Беру, беру все полностью!
Беру, а все равно мне мало,
Беру, пусть сердце переполнится,
Лишь только б биться не устало.
Не пропущу травинки крохотной,
Коры холодной на ладони...
А тишина грохочет грохотом
Стеклянных капелек зеленых.
А тишина зеленым заревом
Зовет настойчиво: «Останься!..»
И кажется: обиды зажили,
Я им теперь уже не сдамся.

* * *

Две ивушки — две девушки
Склонились над прудом.
С распущенными косами
Под ветром и дождем.

Июльский ветер высушит
Промокшее белье.

Станица Ессентукская —
Отечество мое.

Есть улица Базарная,
Нет улице конца.
Погодка лучезарная,
Кот Васька у крыльца.

В саду дорожка склизкая,
Как мне забыть ее?
Станица Ессентукская —
Отечество мое.

Да-да, грязелечебница
И санаторный рай...
Казачи рассказаны,
О них не вспоминай.

Вот школа ненавистная,
Ты, школа номер три.
Приди же, мама Лялечка,
И слезы мне утри!

Наш сад — калитка узкая,
Безбедное житье.
Станица Ессентукская —
Отечество мое...

РОМАНС

Ветку белой сирени
Из недалежного сада
Ты принес мне, любимый,
Большого и не надо.

Мне для счастья, для грусти
Ничего и не надо,
Кроме этой сирени
Из недалежного сада.

Только глубже зарыться
В половодье «четверок»,
И проявятся лица
Тех, кто был тебе дорог.

С этой веткой сирени
Убегу от ненастья
Незаметною тенью.
Что мне нужно для счастья?!

А для счастья, для грусти
Ничего и не надо,
Кроме этой сирени
Из недалекого сада.

* * *

Палитра осени дерзка,
Палитра осени близка
Тому, кто жаркие ладони кленовые
В листе искал.
Палитра осени ярка...
И ей созвучны облака багряные,
И ветер, словно друга вздох,
И стебель сломанный у ног —
Все ей одной окрашено,
И даже голос твой багряным кажется.
Палитра осени смела...
Палитра осени смела
Все одноцветье лип, дубов,
Как однозвучье серых слов
Хочу смести,
Чтобы мой стих, чтоб голос мой
Сродни был осени самой.
Как этот вечер, этот лист кленовый,
Вобравший солнца жар.
Здесь воздух терпок, как вино, —
Все скрытой мудрости полно.
Я понял:
Мне судьбой дано пить это горькое вино.

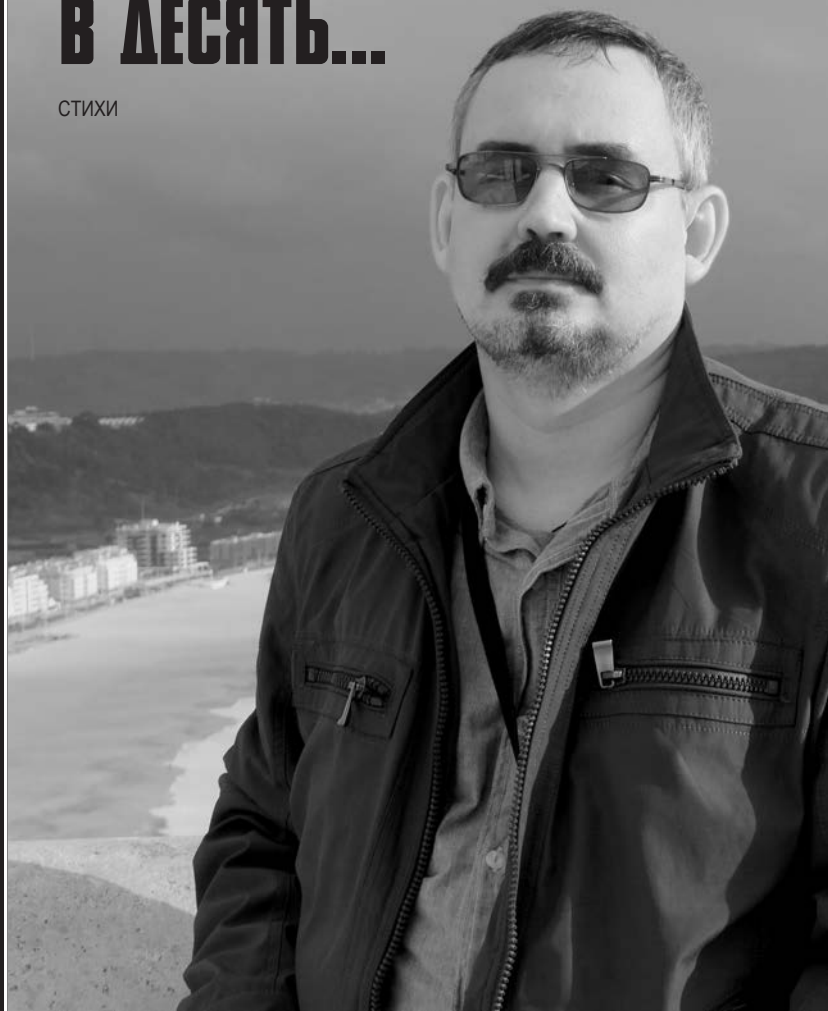
* * *

Друзья, я жив! Любовь, как прежде,
Звенит во мне на склоне дней, —
То жаворонок сердце держит
На нитке песенки своей.

Владимир МАЛАХОВСКИЙ

РОВНО В ДЕСЯТЬ...

СТИХИ

* * *

Ты в начале пути. Пеший ли, на коне...
Нет дороги для тех, кто не сделает шага.
Есть мишень на груди. Есть мишень на спине.
Есть и планы, и страсть, и любовь, и отвага.

По полям и пустыням, долам и лесам
Разбегаются тропки, шоссе, автобаны.
Виден след на дорогах сапог, колеса...
И скрываются в дымке веков караваны.

Для того, кто останется в точке «zero»,
Свет погаснет, потушенный вдруг безвозвратно.
Все, что сказано, знаешь, не ново — старо...
А кто сделает шаг, тот вернется обратно.

И откроется дверь в удивительный мир,
Для которого мы — только точка пространства...
То рубин находя, то алмаз, то сапфир,
Каждый ищет себя на пути к постоянству...

МЕРЫ...

Сменялись, растворяясь, дни за днями.
Ночь наступала — береглись огнем.
Зимой дороги мерили санями.
А летом версты — вороным конем.

Но иногда случайно и неспешно
Нас поглощала счастья новизна.
И то серьезно, то чуть-чуть потешно
Зеркал души менялась кривизна.

Светлела жизнь, казавшаяся серой,
Грусть выметала нежности метла...
Свет той любви нельзя измерить мерой,
Ведь ты ушла и меру унесла.

* * *

Читая произведение Алана Цхурбаева
«Бледные пятна»

Чье-то детство стучится в мой мир...
языки, звук которых не знаю.
Чье-то прошлое, словно клавир,
чью-то грусть и восторг открываю.

Чья-то радость и чья-то судьба...
в счастье сломанном и возрожденном.
Чья-то ненависть, боль и борьба
в мозаичном панно поврежденном.

Чье-то детство стучится в ворота
наших душ.

И меняется путь.

Где-то мы повстречаем кого-то,
чтобы в зеркало вновь заглянуть.

ГОД ДРАКОНА

Год за годом, сгорая, дымятся,
Оставляя лишь пепел и грусть.
Мне все чаще глаза твои снятся,
Звуки голоса, волосы... Пусть.

Круг замкнулся. Приходят Драконы,
И взрываются стены в ночи.
Снова действуют те же законы,
И в душе закипают ключи.

ПОСЛЕДНИЙ...

Последний поезд, как последний день,
В последний путь увозит миг последний.
Последняя безудержная лень
Поймать стремится душу. Ставит бредни.

Последний мельком виденный перрон...
 Последний вздох, что был случайно слышен...
 Последний выстрел и последний стон.
 Последний вкус немного кислых вишен.

Последних слов едва заметный звук.
 Последний взгляд. Последнее «прости»...
 Последнее касанье теплых рук.
 Последний шаг последнего пути.

* * *

День уходит, за окном темнеет.
 И картина та же и не та.
 Чем-то серым и холодным веет.
 Отравляет вечер суета.

Хочется и плакать, и смеяться.
 Тихо выть и бить в огромный гонг.
 Хочется уснуть и растворяться
 В чувствах, полноводных, как Меконг.

И волна желаний, как цунами,
 Возникает в море суеты.
 Пламя разжигая между нами,
 Оживляя мысли и мечты,

Открывая двери тайных комнат,
 Канувших давно во тьму времен.
 И с собой уносит, словно в омут,
 Как в Мальстрём, поток иных имен.

* * *

Ворота открыты, и черное пламя пути
 Сапог моих лижет не менее черную кожу.
 Дорога ложится под ноги... Нельзя не идти.
 И шаг предыдущий шагами иными итожу.

И темное марево — вязкий дрожащий туман —
 Клубится над полем, засеянным чем-то неясным.

И fata Morgana — давно позабытый обман —
Рисует картины вокруг только черным и красным.

* * *

Вечер тих и пушист, словно кошка.
В вязком сумраке — гул голосов.
В темноте исчезает дорожка
Под печальное уханье сов.

Голос призрака — шутка природы,
Голос памяти — правда судьбы...
Лает пес неизвестной породы,
Возвещая конец ворожбы.

* * *

Странные ночи и странные дни...
Странные всполохи странных желаний.
Странно поверить, что снова одни
В странном плену колдовских ожиданий.

Странно понять по прошествии лет.
Странно почувствовать это всем телом.
Странно увидеть под вечер рассвет
И разглядеть что-то черное в белом...

* * *

Фонтаны...
Жизнь взаймы — вечерняя судьба.
Предвестники зимы —
за длинный день борьба.
Сияние звезды...
Приносит холод ночь.
Осенние сады...
Жизнь — яблоко. Точь-в-точь.

* * *

Закрывается дверь, и туманная синь
Остается в душе, как осколок надежды...
Где-то ласковый Yang ищет нежную Yin,
Для которой туман — только форма одежды.

РОВНО В ДЕСЯТЬ...

Кто на работу, а кто домой.
Кто радостен, кто грустен.
Он вышел из гостей с женой
поймать такси, допустим.

Но голосуй не голосуй,
поступки время взвесит.
Автобус с черной полосой
приедет ровно в десять.

А кто-то в офисе с утра.
И вечером на ужин.
Ему и завтра, как вчера,
таксист к подъезду нужен.

Но голосуй не голосуй,
поступки время взвесит.
Автобус с черной полосой
приедет ровно в десять.

Кто держит бар, кто казино,
а кто спортивный зал.
Зовут дела,
и нужно им на аэровокзал.

Но голосуй не голосуй,
поступки время взвесит.
Автобус с черной полосой
приедет ровно в десять.

Но, даже если не у дел,
не едешь, не гуляешь,
ты молод или поседел,
с судьбою ты играешь...

Умойся потом, как росой.
Нас всех, бывает, бесит...
Но транспорт с черной полосой
приедет ровно в десять.

Али ХАШАГУЛЬГОВ

А СОЛНЦЕ БУДЕТ СВЕТИТЬ

СТИХИ

В глотку ущелья лавина летит
и попадает без промаха.
Пылью осыпана снежной, стоит,
словно в цвету, черемуха.

Волчьи я вижу следы на снегу,
туры рога огромные...
Даже костей не осталось — не лгу.
Трапеза очень скромная

для отощавших зимой зверей.
Снег — как кровавая простыня.
Падают тихо снежинки с ветвей
стылой черемухи — звездами.

* * *

Осень. Ветер.
Словно водопад,
все деревья
и кусты шумят.

На вершине,
там, где белый снег,
облака
остановили бег.

На вершине —
потемневший храм:
слышно
иволги рыданье там.

Ниже, в роще,
перепел кричит
и листва
шуршащая летит.

* * *

Сыплются без остановки снега.
Белый курхарс¹ над горой.
Время морозов. Оленьи рога
падают этой порой.

Толстым ручьи покрываются льдом...
Все превращается в лед.
Горец тревожится: сено скоту
бережно, скупое дает.

Снег под ногами, как скрипка, звучит.
Люди стремятся в дома.
Узкой рыбешкою месяц стоит.
Так неуютна зима.

* * *

Облака над горами
так сильно похожи на горы,
что тот, кто гор наших не видел,
точно подумал бы: это горы и есть.

Гор самих не было видно в тумане,
только облака над ними,
но даже мне показалось,
что это наши горы.

¹ Курхарс — ингушский традиционный женский головной убор, бытовавший вплоть до конца XVIII века. (Примеч. ред.)

А может быть, это и вправду
были не облака,
а отражающиеся в прозрачном зеркале неба
вершины гор?

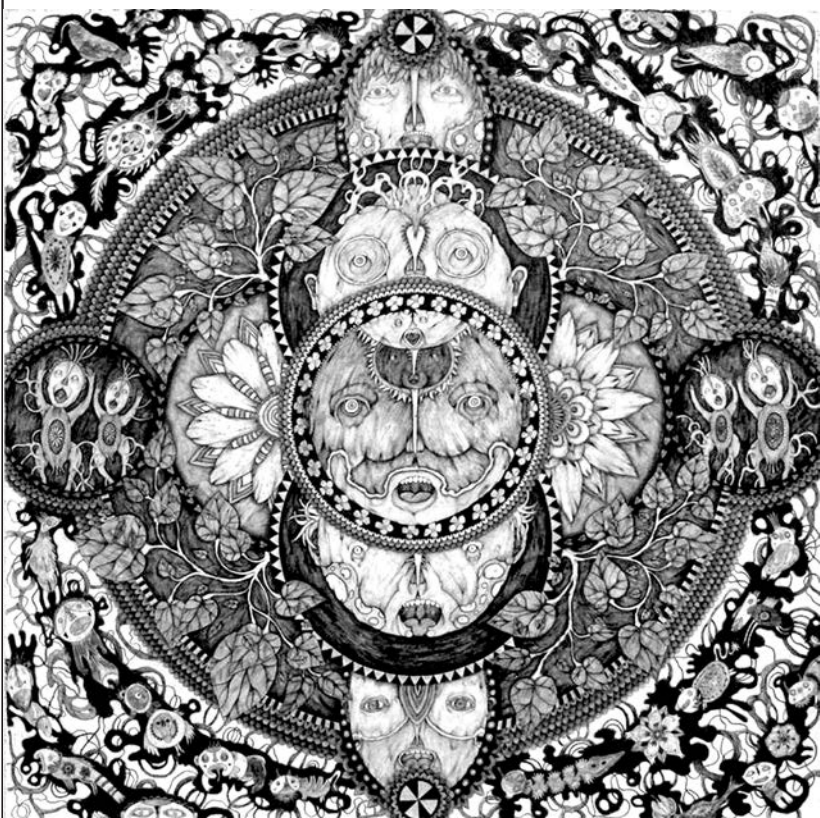
* * *

Все живое создано
до человека.
Человек — последнее
творение Бога.
Он создал его
подобным Себе,
говорят.
А может быть,
вместо Себя?
Ведь после
сотворения человека
Он ничего не создал.
Говорят, отдыхает.
Видно, нелегко было
создать человека.
— Распят Он, —
скажут одни.
— Не умер Он, —
скажут другие.
— Воскрес Он, —
уверуют третьи.
— Не было Его, —
скажут четвертые.
И все будут правы.
А солнце будет
светить.

Уильям Батлер ЙЕЙТС

РОЗЕ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЕН

СТИХИ. ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО А. ЗОЛОВА

В оформлении использован рисунок Жозефа Лоранца

ХОЛОДНОЕ НЕБО

Я видел ложь и холод упоенья
Небес, сверкавших как зеленый лед.
Они, маня мое воображенье,
Пугая разум, били мысли влёт.

...Исчезло все. Одни воспоминанья
Далекой юности терзали сердце мне
Без жалости, забыв про состраданье.
Залитый светом, плакал я в траве.

Что скажет дух, готовясь вылетать
Из плоти, смерть присутствием смутя,
А что потом — отправившись блуждать,
К несправедному небу взлетя?

ПЛАВАНИЕ В ВИЗАНТИЮ

Я знаю Град: в нем нету стариков,
Одни юнцы, как в давних детских снах.
Там Соловьи живут в листве садов,
Форель — в озерах, тучи рыб — в морях!

И Зверь, и Птица радуют твой взор,
Рождаясь, умирая и любя, —
И этих звуков чувственный узор —
Печать живая Высшего Огня.

...Убог и жалок Старый человек;
Как Пугало, — в тряпье одетый шест, —
Печально доживает Он свой Век, —
Забытый всеми, тащит он свой крест,

Теряя счет убогим серым дням.
И мудрости его — никто не рад!
А потому решил я по волнам
Плыть в Византию — чудный Царский Град!

Святая Мудрость, пусть твои огни,
Сверкая златом фресок на стене,
Костер Надежды, Веры и Любви
Вновь разожгут, молю Тебя, во мне!

Разбей мне сердце! Пусть в ручьях из слез
Оно омоется. На Зверя посади,
Чтоб на себе меня он перенес,
Когда умру, в Волшебные Сады!

Природа-Мать — создание Творца, —
И я тобой когда-то был пленен,
Как эти руки Чудо-Кузнеца,
Увековечившие в золоте свой сон.

...В нем спит в Саду усталый Мудрый Царь,
Поет самозабвенно Соловей
Для Града Чудного и всех его Детей,
Что были, есть и будут в нем, как встарь.

ПЧЕЛИНОЕ ГНЕЗДО

В стенной расщелине пчелиный шумный рой
Устроил дом, а после пчел в стене
Птенцов голубка вывела весной
И улетела. Эй, пчела, ко мне
Лети скорей, — гнездо в руинах строй!

Мы заперты снаружи: дверь рукой
Придерживает слабость. Может, я
Погибну или по миру с сумой
Пойду и все забудут про меня?
Лети, пчела, гнездо в руинах строй!

Из бревен и нетесаных камней
Войной гражданской выстроен завал:
На нем за вольность целых сорок дней

И днем и ночью кто-то погибал, —
Пчела, гнездо в руинах строй скорей!

...Мы вскормлены сверкающей мечтой:
Ей было тесно в сердце в эти дни,
Мы вместе с нею шли на смертный бой,
Не зная страха. Эй, ко мне лети,
Пчела, гнездо себе в руинах строй!

РОЗЕ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЕН

Алая Роза, печальная Роза, дней моих гордый цветок!
Ты подойди, и я снова спою древние гимны дорог, —
Станет в них биться, ослепнув, с волной вновь Кухулин-удалец.
Фергусу сны растолкует слепой, вскормленный лесом мудрец.

Сны растолкует, предскажет судьбу: беды, победы, печаль.
Снова состарившись, звезды уйдут утром в надзвездную даль!
За руки взявшись, над краем миров станут водить хоровод.
Песней печальной мне душу сведет снова с ума небосвод.

Ты приходи и с собой приводи всех, кто не сломлен судьбой:
В темную чашу вражды и любви я поведу вас с собой
Тайной тропинкой. И в сумраке лжи, — век у которой лишь день, —
Вечность нам явит свою красоту и снова растает, как тень.

Ближе ко мне подойди, подойди, — я ведь прошу об одном:
Свежим дыханьем меня напои, словно весенним дождем,
Чтобы уснуть и не слышать вещей тех, о которых молчат:
Слышишь, запасливый червь в глубину тащит к себе все подряд?

Или как мышка спешит по траве к маленьким деткам в нору?
Поступью гулкой надежды бредут в невозвратимую мглу...
Все это странник услышит, но Бог может позволить лишь тем,
Кто молод был сердцем и чист, но давно мертв: бестелесен и нем!

О чем-то поведает Он и живым, — век ли пройдет или год!
Ты подойди ко мне ближе, приди, время мое еще ждет!
Песни об Эйрине я пропою, — древние гимны дорог, —
Алая Роза, печальная Роза, дней моих гордый цветок!

Смарок ЗАКИР

АЛЛЕИ И ЗАКОУЛКИ СЕРДЦА

СТИХИ. ПЕРЕВОД С БЕНГАЛИ Е. ДАНЧЕНКО

В оформленні використана картина Сары Джарретт

* * *

Я возьму тебя на себя.
Я отдам тебе сколько угодно.
Если тебя обманули, скажи мне,
я верну тебе веру.
Моя любовь станет твоим приютом.

* * *

В своей сказочной стране ты — холодное дерево.
Молодость мечты, страна фантазии, распутившиеся цветы...
Только я не смог стать шмелем мелодии в симфонии жизни.
Что ты там делаешь?
Если это прибежище любви без любви,
как жить в этой безлюбовной темной стране?
Скорее отправляйся на поиски жизни
в страну Жизнь.

УМИРОТВОРЕНИЕ

Укусить, ущипнуть...
Болезнь была очевидной, пока я был ребенком.
Я рос, и болезнь росла, становилась опасной для жизни...
Чем старше я становлюсь, тем больше я забываю о ней.
Действительно ли я забываю?
Это счастье или горе?
Жаль, что у меня нет книги под названием «Царапины».

Ну а желания иногда умирают.
Или, может быть, они хотят найти способ умереть?
Они говорят:
«Ты хочешь жить в мире?»»

СЛУШАЯ МУЗЫКУ

Я слушаю музыку.
Песня подобна потокам дождя, омывающим мое сердце.
Я слушаю песню трижды.
Сначала я слышу мелодию,
потом текст,
потом я оцениваю композицию.
Мелодия течет струями, заполняя аллеи и закоулки сердца,
и в них зарождается воздух радости, пьянящий запах, мир красоты.

Слова... В них жажда мелодии! Слова открывают двери новых снов,
оставляя мир заученных границ в беззаботной радости
заблудиться в мире ином,
идти по пути любви...

В композиции
мелодия воплощается в свежести омытого сердца.

Я слушаю музыку.
В этой песне говорится о том, что зависимость
от любви безгранична...

Иной человек похож на песню.
А иной — на бесконечную историю одержимости.
Я не люблю историю.
Смерть — это бесконечная жизнь за пределами бессмертия.

* * *

Определение красоты мне неизвестно.
Что это?
Каждый человек красив настолько, насколько красиво его сердце.
Не ищи любовь в искреннем сердце,
потому что оно и есть любовь.

* * *

Ты попросила дать тебе имя.
 Как же мне тебя назвать?
 Я искал имя, которое не ржавеет.
 Я шел из древних цивилизаций
 к следующим, возвращая в наше время
 чудный запах твоего тела
 и умиротворенный взгляд.
 Положи руку мне на грудь и скажи,
 как назвать то, что находится у основания каждого волоска.
 Каждый вдох пронзает ребра.
 Твоя просьба безумна...
 Знаком ли тебе мой неизвестный мир?
 Я дал тебе в нем имя,
 а ты уронила туда мое...
 Но я не могу их отыскать.
 Там, в глубине, есть река.
 Как она называется?
 На реке качается лодка,
 украшенная цветами анютиных глазок¹.
 Я назначил тебе встречу на этой стороне реки
 и слушаю мелодию Бхорави² каждое утро:
 «Проснись и открой глаза!»
 Я открываю глаза
 и привязываю мелодию к своему сердцу.
 Потом я слушаю Садху Пурави³,
 завидев тебя на балконе!
 Но мне снова приходится ждать.
 Ты вытираешь синим полотенцем мокрые волосы
 и сооружаешь тюрбан на голове —
 горную вершину моей любви...
 Я по-прежнему жду тебя на берегу,
 у меня в руках «Любовь» Ширжанду Мукерджи⁴.

¹ По бенгальской традиции лодка, предназначенная для любовной встречи, украшается цветами анютиных глазок.

² «Бхорави» означает переход ночи в утро. Так же называется известная в Бангладеш мелодия, воспевающая рассвет.

³ «Садху Пурави» — песня-приглашение к любовному свиданию.

⁴ Ширжанду Мукерджи — известный индийский писатель, автор романа «Любовь».

Затем днем я вижу тебя сидящей
с детенышем морской свинки
на коленях.
Ты обожаешь этого мелкого глупыша
(меня бы кто так любил)...
Потом, потом...
всю ночь мы переговаривались.
Я отвязал лодку.
И вот наконец ты идешь ко мне,
твои шаги останавливают грохочущую тишину.
Если ты спросишь меня,
как мне тебя называть, я отвечу тебе:
«Я нашел имя,
которое не ржавеет».

* * *

Однажды на скалы пролился дождь.
Но скалы не улыбнулись.
Живое должно смеяться.
Смех и плач — это ведь не игра?
Так хочется понежиться в потоке Шравана⁵!
И... не одному. Не одному...

* * *

Мой поезд едет.
С одной стороны вижу жаубан⁶,
С другой — прохладное море.
Все еще в вечной жажде
мое сердце хочет пить...
Я забыл: сегодня
наступил какой-нибудь день недели?
Быть живым — искушение счастья.

⁵ Шравана — месяц индуистского календаря в сезон дождей (с 23 июля по 22 августа). Является одним из самых сакральных периодов в течение года, ведь он связан с Шивой, а значит, с самим временем. Это дает возможность очиститься и избавиться от кармических долгов, мешающих обретению семейного счастья и процветания.

⁶ Жаубан — дорога под аркой из плотно растущих деревьев.

* * *

Прошлое мертво.
 Будущее неопределенно.
 Только настоящее — подарок!
 Пусть оно будет счастливым всегда.
 Но оно движется...
 Дрейфует...
 Кто-то плывет по течению.
 Кто-то против течения.
 Жизнь — стремление к счастью.

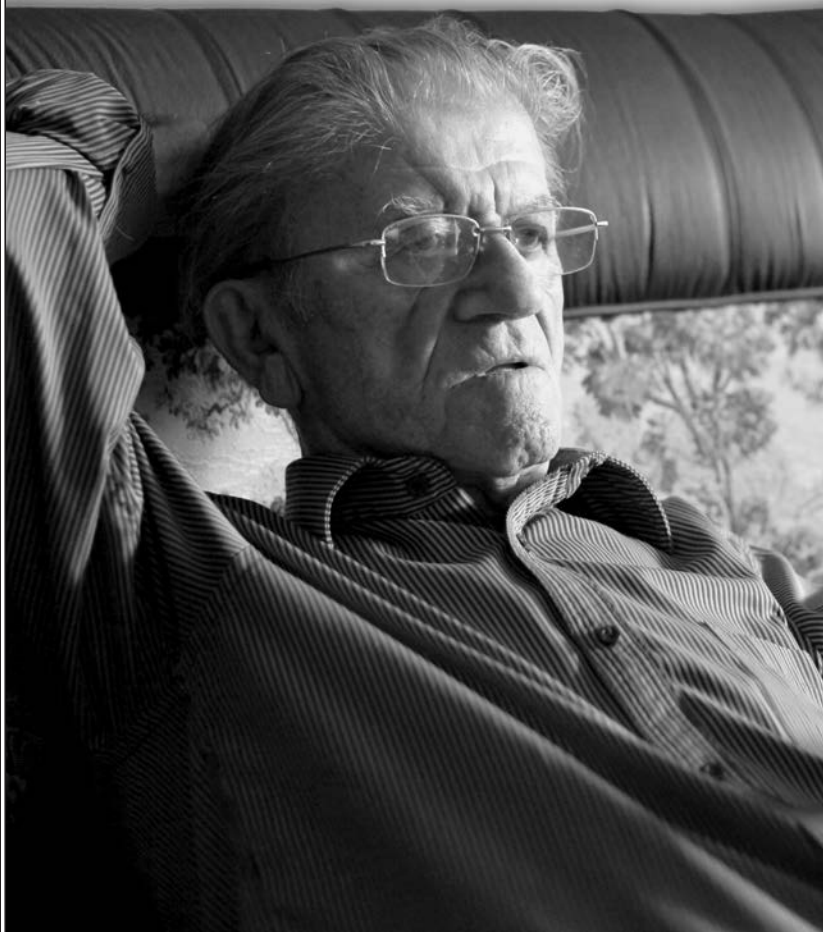

Сергей ХУГАЕВ

90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ТАНЕЦ ЧИКОЛЫ

РАССКАЗ. ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО ИРЛАНА ХУГАЕВА

**15 мая 2023 года исполнилось 90 лет
народному писателю Осетии**

Сергею Заурбековичу Хугаеву.

**Редакция журнала «Дарьял» поздравляет юбиляра
и желает ему крепкого здоровья и творческого
вдохновения.**

СЕРГЕЙ ХУГАЕВ: КРАТКИЙ ОЧЕРК ТВОРЧЕСТВА

Хугаев Сергей Заурбекович (р. 1933) — поэт, прозаик, переводчик; народный писатель Осетии, член Союза писателей СССР (1976); автор двух романов, сборников повестей и рассказов, стихотворений; награжден медалями «Знак Почета», «Во славу Осетии», «Василий Шукшин» и орденом «Дружба» Республики Южная Осетия.

Начало творческого пути С. З. Хугаева относится к 50-м годам прошлого века, когда на страницах республиканской печати стали публиковаться его стихи. В 1962 году в соавторстве с Камалом Ходовым и Шамилем Джикаевым он издал сборник стихотворений «Бонвæрнон» («Утренняя звезда»).

Отдельный сборник стихов «Мæ сыхæгты номæй» («Гимн соседям») вышел в свет в 1968 году. Автор создает картины колхозного села, воспекает родную землю, беззаветный труд, верность заветам предков. Уже первые стихи Сергея Хугаева отличали тонкий и нежный, словно акварельный, лиризм (зачастую, парадоксальным образом, не чуждый острой сатире), убедительное утверждение красоты трудовой жизни, глубокое осмысление оппозиций «село — город», «культура — цивилизация», «прошлое — современность».

Скоро появились в печати и рассказы С. З. Хугаева, а в 1973 году была издана отдельной книгой повесть «Æхсырласæг» («Молоковоз»), рассказывающая о первой любви и обманутых надеждах молоковоза Данела. В этой повести автор вскрывает инертные процессы в сознании молодого поколения, уже готового предпочесть материальный достаток внутренней свободе и душевному богатству.

Теме подрастающего поколения посвящены повести «Хурвæндаг» («Солнечной дорогой», 1980) и «Зарæг баззади мемæ» («Песня осталась со мной», 1983). Краеугольным камнем всякого воспитания и обучения, убеждает автор, является любовь к родному языку и родному краю. «Самые убедительные художественные формы для вечных тем и вопросов Сергей Хугаев находит в нашей повседневной жизни, списывает их с осетинской природы» (М. Р. Казиев).

Образ трудового человека становится одним из главных в творчестве писателя; он разрабатывает его в многочисленных рассказах. «Усвоив уроки лаконизма и “энергии выражения” славных предшественников — А. Коцоева, С. Кулаева, К. Дзесо-ва и др., автор вносит свою лепту в развитие жанра, обогащает его индивидуально-психологическим видением жизни. Центр тяжести в его рассказах из привычной социальной плоскости смещается в сферу внутреннего мира человека, предметом художественного изображения становятся нюансы движения души» (И. В. Мамиева).

Эта тема получает развитие в романе «Ацы хъарм хуры бын» («Под этим солнцем, греющим нас», 1987) — одним из немногих произведений осетинской литературы периода перестройки, где проблемы села решаются самобытно, не по шаблону. В романе изобличаются негативные тенденции застоя, перегибы и провалы перестроечной эпохи, лукавая идеология «гласности». Автор показывает, как косная действительность убивает в человеке чувство свободы, инициативу и творческую мысль.

В 1990 году выходит в свет сборник юмористических рассказов Сергея Хугаева «Гъе, уый дын Хепа!» («Вот так Хепа!»). Книга выявила новые грани таланта писателя. «В произведениях — брызжащее весельем остроумие, фейерверк доброго юмора» (И. В. Мамиева). «Юмор Сергея Хугаева — не результат праздномыслия и не средство развлечения, но особая форма философского осмысления жизни, — в том числе и главным образом нашей, осетинской жизни» (М. Р. Казиев).

В 2005 году была издана книга «Нарты Фарнæг» («Нарт Фарнаг»). В нее вошли рассказы, изображающие нелегкие будни современника, и роман, главный герой которого стоит несколько особняком на фоне персонажей героического, богатырского плана. Фарнаг — единственный из Нартов, кто превыше меча почитает слово. По его убеждению, именно слово должно стать главным и единственным средством общения между людьми и народами. Но Фарнаг предстает перед нами вовсе не пацифи-

стом, а философом, провозвестником тех грядущих эпох, «когда народы земли будут сидеть за одним столом» (Е. В. Тедеев). Критики отмечали высокий гуманистический пафос романа, яркую и самобытную интерпретацию материала осетинской Нартиады (С. Б. Сабаев), глубокое знание исторического народного быта, этики и идеалов, ритмичность построений и «стянутый, жилистый язык романа» (К. Х. Ходов).

Сборник стихотворений «Хуры рæгъ» («Тост за солнце», 2008) вобрал в себя как новые, так и прежде написанные произведения. «...Главное, что хочет донести Сергей Хугаев до читателя, это красота человеческих взаимоотношений, вера в высокое назначение человека и непримиримость в отношении того, кто это имя пытается унизить. Поэт всегда помнит ответ Чермена на высокомерный вопрос лживой знати о том, что он ищет: “Место Человека на земле!”... Песня поэта проста приметам реалистического взгляда и стиля... Поэт считает, что и радость, и горесть человека должны быть показаны так, как оно предполагается народным обычаем... Если в будущем пойдет речь о том, как закрепились в осетинской поэзии реалистический стих и стиль, то непременно скажут и о поэтическом творчестве Сергея Хугаева» (Н. Г. Джусойты).

Повестям и рассказам, вошедшим в сборник «Сæнæфсыры цупæлттæ» («Гроздь винограда», 2014), присущи психологизм в изображении характеров и глубина осмысления современных явлений национальной — как сельской, так и городской — жизни. Главные герои этих произведений — молодые люди, пытающиеся разобраться в сложном современном мире и ищущие в нем свое место.

В 2018 году вышла из печати книга «Къостайы авдæн» («Колыбель Коста»). Все произведения, составившие сборник, характеризуются актуальностью поднимаемых в них вопросов социального и нравственного порядка, но особое место занимает в нем одноименная повесть. Обладая несомненными художественными достоинствами, она представляет большой интерес и своим национально-патриотическим, познавательным и воспитательным содержанием. Сюжет произведения имеет и исторический дискурс, который органично переплетен с судьбами героев С. З. Хугаева. Автор рассказывает о том, как юноше Карадзау, бежавшему из Южной Осетии от кровной мести, довелось своими руками смастерить колыбель для только что родившегося и потерявшего мать маленького Коста, сына прапорщика Левана Хетагурова.

В настоящее время книжным издательством «Ир» готовятся к изданию две новые книги С. З. Хугаева — сборник стихотворений «Хонгæ цагъд» («Танец приглашения») и сборник рассказов «Цæсты хос» («Лекарство для глаз»).

Особо следует подчеркнуть, что произведения Сергея Хугаева написаны живым и звучным осетинским языком. «Это редкий в наше время, настоящий, обаятельный осетинский язык, на котором говорили наши предки и который сегодня находится под прессингом внешних влияний; язык абсолютно органичный и соответствующий как художественным задачам, так и представлениям о должных путях развития осетинского литературного языка» (Л. К. Парсиева, Л. Б. Гацалова).

С. З. Хугаев известен также как переводчик. На осетинский язык им переведены произведения Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Коста Хетагурова, Николая Тихонова, Константина Симонова, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева и др. Его собственные поэтические и прозаические произведения переведены на русский, украинский и др. языки.

Ирлан Хугаев

ТАНЕЦ ЧИКОЛЫ

Баба¹ лежал на ныхасе², а я сидел у его ног и строил башню.

Ныхас представлял собой невысокий бугор, располагавшийся посреди нашего села. Верх его — площадью в две-три бычьих шкуры — был покрыт дерном. Там обычно сидел Баба. В полдень, бывало, и ложился, подставлял под себя старую шинель моего отца.

На краю дерна высилась куча белых гранитных глыб. Они громоздились в беспорядке, как если бы здесь когда-то перевернулась груженная ими огромная телега. Меньший из этих валунов не могли бы оторвать от земли и два-три человека. Никто не знал, как они сюда попали. Когда на них сидели мужчины — кто выше, кто ниже, — со стороны казалось, будто они проросли из этих камней.

С одной стороны ныхаса стоял дом Гисо, с другой — дом Сандро, а с третьей — наш. У нашего дома склон бугра был ровнее,

¹ Баба — дед, дедушка.

² Ныхас — место, где на досуге собираются мужчины села, делятся новостями и обсуждают вопросы общественной жизни.

и поэтому все женщины села сушили свое зерно возле нас. Как же радовали глаз разостланные у нашего низенького дома прямоугольные полотна с зерном! А когда зерно убирали, мы сами бросались на разноцветные одеяла и войлоки, кувыркались на них и валялись на них до ночи. Они пахли зерном и пылью, и это наполняло сердце каким-то восторгом. Мы любовались звездами, принимались пересчитывать их, снова и снова сбиваясь, а потом засыпали и во сне дышали запахом пыли и зерна.

Был Атинаг — праздник, посвященный урожаю. В горах начало осени называли Атинаг. До войны в этот день в каждом доме закалывали жертвенную скотину. Мужчины ходили из дома в дом, сидели за длинными столами, пели. А сейчас только в доме Гисо пустили кровь. У старого Гисо на войну ушли пять его братьев и два сына. Старший и младший. Среднего, Димелу, не взяли: оба бедра у него от рождения были с изъяном.

Баба лежал. Я строил башню. Тогда у нас было поветрие — мальчишки все строили башни из камешков и палочек, и каких только башен мы не строили! А девочки играли в мардадз — изготавливали деревянную куклу, наряжали ее, затем, положив на землю, садились вокруг, оплакивали и отпевали как мертвую. А потом хоронили, да так, чтобы мы не нашли ее.

Баба пошевелился, приподнялся на локте, посмотрел на меня.

— Ну-ка, да низта³, принеси мне воды. У меня в горле пересохло. Я подскочил на коленки.

Я так и ждал, когда Баба скажет: «принеси воды». Еще бы: я очень любил бегать за водой. Родник был моим любимым местом.

— Родниковой не хочешь?

— Родниковой не надо; набери из реки.

Родник был за селом, у подножия горы. Возле старой мельницы Карамановых он струился из-под булыжника по черному деревянному желобу. Вода его была холоднее льда, такая, что зубы сводило. Когда на нашем ныхасе появлялся гость, он не успевал и спешиться, а старшие уже кричали нам:

— Ну-ка, принесите гостю воды с родника!

Тогда мы, сколько нас бывало рядом, бросались друг за другом к роднику — кто с бадьей, кто с кувшином, кто с бутылкой. Почему же Баба не хотел родниковой?

— Разве родниковая не лучше? — спросил я тоном, каким старшие увещевают капризных детей.

³ Дæ низтæ [дын ахæрон] — досл. «съесть бы мне твои болезни» (фразеологизм; благопожелание старшего младшему).

— Нет, речная светом и воздухом насыщается. Ты не смотри, что родниковая холодней.

Я бросился домой, схватил наш черный кувшин и мимо дома Сандро побежал вниз по каменистой тропе. Когда я вернулся, Баба уже сидел. А напротив него сидел Алекси. Рядом стояла его лошадь. Они сидели, будто нарочно, совершенно одинаково: оба высоко подобрали колени, обхватили их руками и, повернув головы, смотрели в сторону дома Гисо, где народ устроил танцы. То были не обычные танцы. Димела стоял впереди толпы и играл на своей самодельной свирели. По тому, как он стоял, было видно, что у него больные ноги, что оба его бедра вывихнуты от рождения. Ходил он плохо, а бегать совсем не мог, но не было работы, которой он не делал. Руки у него были золотые: из ветки бузины он мог в два счета вырезать свирель и заиграть на ней — чудеса, да и только!

Димела играл. Другие хлопали в ладони. Они стояли не кругом, как это обычно бывает, а толпились за спиной у Димелы, будто чего-то стесняясь. Танцевал Чикола, гость Гисо. Он широко, сколько мог, распростер в стороны свои руки с палками; палки были грубые, бугристые, с толстыми, с запястье, набалдашниками, и они тяжело раскачивались в руках Чиколы. Я остолбенел: я никогда не видел, чтобы танцевал одноногий. Сердце мое стукнуло в груди — не грустно и не радостно, а как-то тревожно, возмущенно. Хотелось куда-нибудь бежать и кричать во весь голос.

Подпрыгивая на носке, Чикола сначала подвигался на несколько шагов вперед, затем в такт мелодии, исполняемой Димелой, отступал, взмахивая широкими плечами. Конец пустой штанины его брюк, сложенной вдвое ниже колена, крепился у ремня большой булавкой. Обрубок ноги то и дело мощно вздрагивал, будто Чикола нарочно демонстрировал свое увечье.

Потанцевав так некоторое время, Чикола в несколько прыжков оказался против Болатон; он опустил у ее ног конец палки, которую держал в правой руке, и затем с силой прочертил ею по направлению к себе невидимую линию. Это было приглашение к танцу! Я разинул рот от изумления. Ладно — одиночный танец. Если не можешь не танцевать — танцуй и на одной ноге, но можно ли одноногому танцевать с женщиной!

Я был тогда в возрасте, в котором уже понимают, хотят ли мужчины и женщины танцевать в паре или не хотят и почему они хотят или не хотят. И меня очень удивило, что Чиколе пришлось в голову танцевать с Болатон. Как он будет танцевать с нею на одной ноге и с двумя палками? Что, если она не захочет с ним танцевать?

Что, если она не умеет танцевать? Странное смущение и беспокойство овладели мной, и я не смог устоять на месте. Опустив голову, я обошел кругом Баба и Алекси и снова посмотрел.

Болатон ровным и точным движением дернула на затылке концы своей косынки, укрепив узел, потом плавно отвела руки в сторону и, словно подхваченная вихрем, благодарно закружилась перед Чиколой. Тогда торжествующий Чикола отбросил свои палки, подпрыгнул на месте, крепко топнув, правую руку, согнутую в локте и сжатую в кулак, воздел над головой, а левую вытянул в сторону, как настоящий танцор, и двинулся вслед за Болатон. Носок его солдатского ботинка поворачивался, шоркая по земле, сперва влево, потом вправо, затем Чикола делал несколько равных и точных прыжков вперед. Болатон оставляла танцора позади, потом оборачивалась, словно сожалея о нем, возвращалась, плавно взмахивая руками, и снова кружилась перед ним; ее ступни в матерчатых чувках с кожаными носками ни на мгновение не теряли ритма хлопков и Димеловых трелей и будто против ее собственной воли снова несли ее по воображаемому кругу танца.

Я посматривал то на Баба, то на Алекси, то на его лошадь: что же это за танцы? Они даже стоят неправильно. Да если бы и правильно! Ладно — Димела: он со своей свирелью и вовсе не разлучается, но с другими-то что случилось? Ведь с тех пор как началась война, у нас и в голос рассмеяться никто не смел, а тут — танцы устроили! Будто теперь время для танцев! Конечно, это не совсем настоящие танцы, но как это еще назвать, если тут хлопают в ладони и танцуют?

Болатон снова и снова кружилась перед Чиколой, и я не мог оторвать от нее взгляда, от ее черных бровей, вздернутых высоко и как бы надменно, от ее больших карих глаз, то и дело лукаво посматривающих на Чиколу. В такие мгновенья стопа Чиколы плоско и основательно застывала на земле, но мощно вздымалась его грудь, и его крепкие плечи в выцветшей солдатской гимнастерке продолжали вдохновенный пляс. Движения Чиколы внушали мне странное, знакомое воодушевление, от которого мне хотелось плакать. И я боялся не удержаться и зареветь: что скажут тогда Баба и Алекси?

Как нарочно, затянулся танец Чиколы и Болатон. Димела все играл и играл. Другие все хлопали в ладони. А они все танцевали.

С того события прошло много лет. Я много повидал праздников, много танцев. Танцев богатых, широких, с искусными гармонистами и барабанщиками, но когда я слышу слово «танец»,

моя мысль перелетает через все эти блестящие празднества и перед глазами предстает одна и та же картина: Димела стоит враскорячку в сдвинутой на затылок круглой войлочной шляпе, дует, сложив губы трубочкой и надувая щеки, в свою самодельную свирель, и его пальцы ловко порхают вперед-назад по ее отверстиям; за ним стоят люди и хлопают в ладони, хлопают, как бы стесняясь, словно они сожалеют о том, что хлопают, а все-таки хлопают, потому что им хочется; их не так много, хлопающих в ладони: несколько женщин да мальчишки, что уже постарше меня; а они — Чикола и Болатон — танцуют, и Болатон то уносит от Чиколы невидимый вихрь, то возвращает ее к Чиколе.

Теперь я иногда думаю: не потому ли Димела так вдохновенно, широко расставив больные ноги, играл на своей свирели, что в это самое время где-то под Дзауджикау⁴ гремели пушки и этот гром был слышен даже на Дадазе? Не потому ли так досуже столпились за его спиной и хлопали в ладони женщины с подростками? Не потому ли начал свой невиданный танец одноногий Чикола? Одна его нога осталась там, где грохочут пушки; оттуда он пошел через горы и степи, чтобы здесь станцевать, чтобы все увидели, что у него теперь только одна нога. Ведь для этого нет ничего лучше, чем танец. Не потому ли и Болатон так решительно подтянула узелок своей косынки, приняв приглашение Чиколы? Если бы где-то под Дзауджикау не гремели пушки и этот гром не был слышен на Дадазе, разве случились бы такие небывалые танцы и разве танцевал бы, бросив свои палки, одноногий?

Болатон была вдовой Кобла. Никто не звал ее по имени. Может быть, ее имя и не знал никто. В горах по имени никогда к женщине не обращались — только по девичьей фамилии. Болатон была женщина крепкая, ладная, с высокой грудью, с широкими бедрами; несколько лет тому назад она вышла замуж. То было другое время. Мирное. Был разгар сенокосной поры, и все были озабочены только этим.

На третий день после свадьбы, ранним утром, Кобл заторопился на свой покос, чтобы сгрести сено. Болатон собрала ему кое-что из снеди, оставшейся со свадьбы, и завернула в кусок белой ткани. Она и сама порывалась отправиться с Коблом на сенокос, не хотела оставаться в доме одна, но муж не пустил ее. Куда ей было идти на сенокос? — она на новом месте еще и по воду не ходила, воду им соседские девушки приносили.

⁴ Дзæуджыхъæу — Владикавказ.

Кобл вложил сверток с едой в рогатину древесного ствола и сразу принялся за работу: надо было управиться, пока сено не пересохло. Только когда он сгреб сено и собрал его в копны, он взял приготовленный Болатон сверток и сел под одной из копен, чтобы перекусить.

Но, съев несколько кусков, Кобл вдруг стал пухнуть. Тот здоровяк Кобл! Говорят, однажды со свадьбы, на которой он был сватом, Кобл привез за пазухой тринадцать рогов. У нас в горах так повелось: нельзя было почетному гостю, если он был верхом, возвращать вниз пустые, осушенные им рога. Так если Кобл верхом выпил тринадцать, сколько он мог выпить, сидя за столом! Никогда, говорят, ни съеденное, ни выпитое на нем не сказывалось. Так что, куда бы он ни попадал гостем, везде ему диву давались. А до работы он был еще более охоч, чем до еды и питья.

Наверное, кричал Кобл, как было ему не кричать! Сбежались к нему другие, работавшие неподалеку. Кобл катался по земле, в стороне на белом платке лежали куски хлеба и мяса. Догадались люди — змея мяса отведала. Поблизости волы паслись; положили Кобла на арбу, быстро доставили в село. Кобл, говорят, рвал на себе одежду вместе с кожей и все орал:

— Горю!

Другого слова, говорят, от него больше не услышали. До полуночи длились его мучения, а потом Кобл упокоился.

Эту историю рассказывали друг другу женщины, когда, прихватив с собой мелкую домашнюю работу, собирались в полдень в тени дома Годеевых и садились рядом на выступающее цоколем бревно фундамента. Пока они делали свою работу и переговаривались, кто-нибудь непременно должен был вспомнить про несчастного Кобла, про то, как он отравился мясом, которого испробовала змея, будто без поминания Кобла их работа не ладилась. Сегодня одна женщина пересказывала историю Кобла, завтра — другая. Наверное, среди них не осталось ни одной, кто не рассказывал бы ее несколько раз. Рассказчица всегда говорила с грустью, вспоминая жалостливые подробности, другие слушали сочувственно и время от времени икали от подступившего к горлу кома.

Мы, бывало, сидели поблизости на земле, строили башни и слушали женщин. Мы тоже знали, от чего умер Кобл, как нам было не знать! А все равно слушали.

Болатон осталась жить в доме Кобла. Не ушла в отцовский дом. Говорили, что ее золовка не хотела, чтобы она вернулась. Золовка была женщиной своенравной и капризной, не сдружилась золовка с невесткой.

У Кобла было три старших брата и единственная сестра. Братья давно женились и жили отдельными домами. Когда и Кобл с Уздинцей встали на ноги и уже сами могли работать, их родители умерли один за другим, словно только этого и ждали. У них было две коровы и несколько овец, которых, когда Уздинцу сватали, Кобл отправил сестре. Не мог же он сам сидеть под ними с подойником! Так что Болатон от Кобла остался лишь клочок земли, где она сажала картошку и сеяла ячмень. Сколько нужно было ей одной! А во время страды она то здесь, то там помогала соседям, и те не оставляли ее вниманием.

Баба и Алекси продолжали сидеть друг против друга, обняв колени руками, а между ними стоял кувшин, похожий на язык огня, у которого греются два человека. Оба, повернув головы, глядели в сторону дома Гисо — туда, где танцевали Чикола и Болатон.

— Это кто? — спросил наконец Алекси, не посмотрев на Баба.

— Ты про Чиколу? — спросил Баба, тоже не взглянув на Алекси.

— Чикола? Чей Кола? — пошутил Алекси, впрочем, без улыбки.

— Разве ты не знаешь Чиколу? Как ты можешь не знать Чиколу? — спросил Баба, совсем, как мне показалось, не думая о том, о чем спрашивает. Интересно, о чем он думал?

Алекси промолчал, и меня немного удивило, что он позволил себе не ответить Баба, даже если тот не думал о том, о чем спрашивает.

— А что случилось с его ногой? — спросил спустя минуту Алекси. Спросил тоже как будто в полузабытии, так, будто это его на самом деле совсем не интересовало. Наверное, он тоже был очарован невиданным танцем Чиколы.

— Потерял.

— На войне?

— На войне, где же...

— На войне, где же еще он мог ее потерять, — сказал Алекси таким тоном, будто не он спросил Баба, а Баба его спросил о ноге Чиколы. — Как он будет теперь с одной ногой? Жаль человека.

— Хоть такими вернулись бы и остальные! — покряхтел сокрушенно Баба и тяжело, будто через силу, покачал головой, а потом покосился в сторону Алекси: — Давно ты был на Дадазе⁵?

— Недавно был, как не быть!

— И?

— Стреляют. Хорошо слышно. Но наши то пушки или не наши — не разобрал. Как я мог разобрать, когда я и пушки ни

⁵ Дадæз — гора в Южной Осетии.

разу в жизни не видел. Но что-то мне подсказывает, что это наши пушки. Правильный грохот, правильный, от него на сердце легче становится. Не может быть, чтобы чужие пушки так гремели.

— Твоими устами да мед пить. А нет ли такого, кто бы разобрал?

— Что разобрал?

— Что, что; наши то гремят пушки или не наши.

— Есть, конечно. Кто там, на войне, был, тот бы разобрал.

— А вон же Бобаев Арисман был. Он не разобрал бы?

— Арисман! Конечно! Как же я забыл про Арисмана! Он же еще, как нарочно, артиллеристом был. Целых три танка подбил, так, что испустили свой черный дух. Он, говорят, никогда не спешил: подпустит его поближе, прицелится хорошенько да как влепит ему снаряд прямо в лоб, чтобы тот, как мельничный жернов, на месте закружился. Ему ведь за это орден дали. Я видел: красный, увесистый.

— Ясное дело, красный. Но как Арисман доберется до Дадаза на своих костылях? Он ведь и стоять без них не может, не то что ходить.

— Сам не доберется. Я его на Кучку посажу.

— У себя за спиной?

— Куда там! Кучка не вывезет двоих. Тем более в гору. Арисман поедет верхом, а я рядом на своих двух пойду. В легких опять свистеть начнет, но с этим уже ничего не поделать.

— Ну-ка, ну-ка. Сходите. Пусть разберет, чьи то пушки. Если они Дзауджикау возьмут, плохи наши дела. Вот оно что.

— Не возьмут, вот тебе моего Бога рука. Что ты? Разве можно Дзауджикау отдать?

— Отдать-то не отдадут, но что, если наших прижмут крепко? Ведь, говорят, они вооружены получше наших, да обратит их Бог в пепел.

— Не прижмут. Наши тоже не кинжалами воюют. Слышал я, наши ученые такой танк недавно построили, что хоть из самой огромной пушки стреляй — ему хоть бы что.

Тем временем завершили танец Чикола и Болатон. Болатон мелкими шагами отходила, не поворачиваясь спиной к Чиколу, на то место, где приняла приглашение. Чикола распростер руки и, взмахивая ими, как крыльями, на которых будто взлететь хотел, вприпрыжку следовал за Болатон. Когда Болатон остановилась, Чикола подпрыгнул еще раз и склонил перед ней голову. Потом поднял свою широкую ладонь и утер пот со лба. Упредив его

движение, ему с двух сторон подали его палки. Чикола взял их в руки и ударил палками друг о друга так, словно это были сабли и он хотел показать, как они сыплют искры.

— Кто его заставлял танцевать? — сказал Алекси с досадой. — Какой из тебя танцор, если у тебя только одна нога?

— Что ж ему, бедному, делать, если ему хочется. Он же не виноват, что у него только одна нога.

— Никогда не видел, чтобы танцевал одноногий... Но, кажется, раньше и вовсе не было на этой земле одноногих, а, Тба?

— Теперь будут. Много их теперь будет. И одноногих, и одно-руких, — Баба тяжело вздохнул. — А Чикола — пусть его танцует! К тому ж он и выпил немного.

— Здесь где-нибудь выпил?

— Здесь выпил, а то как? Выпил в другом месте — а танцевать сюда пришел? Вон у Гисо выпил. Славный кувд устроил Гисо. И телятина, и уаливыхи, и арака, и брага.

— Теленка зарезали?

— Зарезали; не родился же он зарезанным! Сегодня большой день, большой. Помнишь, как раньше Атинаг праздновали? Не можешь не помнить.

— Помню, как же.

— Так ты вот что сделай: не поленись, зайди к Гисо. Помолись, выпей, закуси и возвращайся.

— Сам, конечно, был у них?

— Был, как не быть! Чтобы у Гисо кувд был, а я в стороне сидел! Вчера Гисо сам сюда приходил, сомнениями делился. С одной стороны, говорит, не смею, а с другой, говорит, что мне делать: пятеро моих братьев и два сына каждый день в лицо смерти смотрят; может, все-таки пустить кровь? Пусты, говорю. В этом зорного ничего нет. Посидели, помолились. Потом я ушел. И Гисо тоже. Другие там остались, Димела и Чикола. Хотели еще посидеть, и мы их оставили. Да и женщинам посидеть надо было. А при нас как бы они присели!

— А где теперь Гисо?

— В Унгагом пошел. Там у него дрова заготовлены, боится, как бы не увез кто.

Алекси все сидел, не уходил. Вдруг он посмотрел на меня и едва заметно улыбнулся. Потом ткнул в мою сторону кнутовищем.

— А ваши как дела идут?

— Хорошо, — сказал я и отступил на пару шагов.

Алекси повернулся к Баба.

— Хорошо я придумал, не так ли, Тба?

Баба вопросительно приподнял брови.

— За картошку я беспокоюсь: кажется, кто-то повадился ее выкапывать. Недавно тоже со стороны Кутарджина нескольких клубней не досчитался. Так я их караульными поставил — Гела, Ила и Аби. У каждого пост: один сидит на плетне за хлебом Бецаевых, другой — на гребне Кутарджина, а третий — на краю оврага за домом Гисо. Теперь на картофельное поле ни скотина не забредает, ни человек. Если с ней никакой беды не случится, картошка в этом году будет отменная.

— Вот как!

— Уже по цветку было видно. Когда в один час все поле зацвело разом — цветок крупный, яркий, — я сразу понял, что здесь не может не быть картошки!

— Значит, и за трудодни будете давать?

— Будем, непременно будем!

— А по ночам не опасаясь за нее?

— Так они ее и ночью охраняют. А как же? Неужели по ночам только на Бога полагаться! На чердаке амбара Гисо устроил им место. Там и ночуют на сене, — сказал Алекси, явно довольный своей предусмотрительностью. — А Фитка, большой сандроевский Фитка, внизу дежурит, у амбара. Как только эти вниз спрыгнут, Фитка тоже вскакивает и бежит за ними с лаем. И обходят все картофельное поле. — Здесь Алекси снова направил на меня кнутовище. — Сколько раз за ночь обходите?

— Когда — два, когда — три, — сказал я, словно отвечая урок.

— Нет, два мало, — покачал головой Алекси. — Надо три. Три раза надо обходить. И потом: вы же не даром сторожите. Мы вам трудодни записываем. Я и Аранбелу сказал, а вы как думаете? Так что — три. Чтобы в ночь три раза обходили.

Аранбел был председатель, а Алекси — бригад. У нас никто не говорил «бригадир», все говорили «бригад». Но это ладно. Главное то, что Алекси все почитали выше Аранбела. «Не видел ли ты, где Алекси?» — спрашивали друг друга мужчины. И добавляли: «Алекси нужен». Никто никогда не сказал, что ему нужен Аранбел. Еще говорили: «Надо с Алекси посоветоваться. Если Алекси не решит вопрос, то никто не решит».

К тому же Алекси всегда верхом ездил. Старая была лошадь Кучка, с животом обвисшим, жидким. Когда Алекси садился на нее и трогал поводья, было слышно, как хлюпает у Кучки живот. И все-таки лошадь есть лошадь. А у Аранбела лошади не было, и ходил он всегда пешком, согнувшись. При ходьбе он забавно

вертел кистями рук, и все считали, что это оттого, что Аранбел разговаривает сам с собой.

— На свои деньги обязательно им по книжке куплю. У Бога в долг возьму, а куплю. Пусть, когда на пост заступают, и книжки с собой берут. И заглядывают в свои книжки, чтобы не заскучать. По одной хорошей книжке — с меня.

Пока Алекси говорил, Баба согласно качал головой, как бы выражая готовность быть свидетелем его обещания, а потом сказал:

— Иди, не сиди.

Алекси коснулся его руки:

— Рядом с Кударской канцелярией кооператив есть, недавно я там книги видел. Как только в следующий раз буду в Кударе, обязательно в этот кооператив загляну. — Тут Алекси снова повернулся ко мне: — Вы теперь в каком классе учитесь?

— В четвертый пошли.

— Ага, видишь? — обернулся он к Баба. — Мужчины уже, мужчины.

Тогда и Баба повторил:

— Не сиди уже, зайди пока к Гисо, потом поговорим.

Алекси взглянул на Баба смущенно и просительно:

— А если они уже убрали стол? Что же я буду их беспокоить?

— А что такого, если и убрали? В него что, волов нужно запрягать? Не могли его убрать так рано, зачем его убирать! Вон и Димела с Чиколой снова в дом зашли.

— Тогда я Кучку тут оставлю, да?

— Оставь, что с ней будет!

Алекси ушел. Я смотрел ему вслед и гадал о том, какие он привезет нам книги из того кооператива, что стоит рядом с Кударской канцелярией. Потом я устал гадать и решил пойти в амбар Гисо и залезть на наш чердак.

Скоро, думал я, появятся и Гела с Ила, и тогда я расскажу им о том, что Алекси нам книги обещал. Хорошо бы, если бы он выбрал хорошие книги! Перед тем как отпустить нас на летние каникулы, наша учительница Фаризат читала нам книгу: вот это была книга! Она не закончила нам читать. Дальше, говорит, осенью прочтем, когда снова начнутся занятия. Называлась она «Али-баба и сорок разбойников». Книга была написана по-русски, и Фаризат читала кусками и тут же нам переводила. Мы дочитали только до того места, где брат Али-бабы, Касум, заснул в пещере разбойников...

А там я и сам заснул, кажется. А может быть, не заснул; кто знает. Но если и заснул, то спал совсем недолго. Потому что вско-

ре снизу, из дверей амбара, до моего слуха донеслось, как кто-то кого-то позвал:

— Кис-кис!..

Это было сказано тихо, почти шепотом. Но потому как мне показалось, весь мир и прислушался к этому призыву — и насторожился. И не осталось в нем такого уголка, куда бы ни проникли два этих звука, острых, как наконечник стрелы. Наверное, потому я и сам проснулся. Точно, спал я. Потому что если я не спал, то как я мог не услышать скрип амбарной двери? Этот тяжкий длинный скрип, который слышно даже на ныхасе! Значит, я спал-таки, спал. И этот шепот тоже был всего лишь сон. Стал бы я обращать внимание на всякие шепоты, если бы это было наяву!

Пока меня одолевали такие сомнения, из-под лестницы послышался какой-то невнятный шум, а затем раздался резкий сдавленный возглас:

— Их-хи?!

Это было похоже на то, как если бы кто-нибудь одним ударом молота вбил клин в трещину тугого, плотного бревна.

Снова объяла мир тишина, еще более глубокая и внимательная, но длилась она недолго. Как могла она длиться долго? Такая тишина не может длиться долго.

— Тише, тише, будь ты неладен, это я, я!

— Это ты? Ты?!

— Да, да, это я.

— Ты?!

— Да! Только тише! Если узнает кто-нибудь, мой позор и воды целого ущелья не смоют.

Голос как будто знакомый, но он так сдавлен и напряжен, что поди разбери. Тогда и другой голос простонал:

— О боже!

Бессознательным рывком я сел на месте. Да это же голос Чиколы, гостя Гисо, родственника их новой невестки! Того самого одноногого Чиколы, который танцевал у дома Гисо сначала один, потом с Болатон!.. У меня волосы встали дыбом; я чувствовал, как они шевелятся, мне казалось, что я даже слышу их шорох. Так ведь это Гисо амбар, это наше место, здесь мы остаемся на ночь, чтобы охранять колхозную картошку; а он что здесь делает?! Ему что, не нашлось для ночлега другого места, кроме амбара? В темноте я пошарил одной рукой слева, другой — справа. Ни Гела, ни Ила не было рядом. Вот и еще чудеса!

Где Гела? Где Ила? Почему они не пришли? Или они спустились, чтобы обойти поле? Может быть, они будили меня, да не

смогли и тогда оставили и пошли с Фиткой? Как же они поднимутся сюда снова, когда вернутся? Ведь там внизу...

Я услышал внизу шум каких-то резких движений. И почему-то в темноте мне представился не Чикола, а великан, из тех, какими нас пугали, когда мы были маленькими: большой и волосатый. Мне казалось, что если я присмотрюсь хорошенько, то увижу его и в этой тьме. Но я ничего не увидел, а только услышал:

— Что ты делаешь?..

— Что, что: обнимаю тебя!

— Как — обнимаешь?..

— Как, как: хорошо!

Потом их шепот смешался с шорохом сена.

— Твое платье...

Я оторопело и бессмысленно завертел головой, расширив глаза: это был голос Болатон! А она-то что делает в чужом амбаре с чужим человеком?! Да еще, дескать, твое платье, да еще, дескать, что с платьем станется!.. И тогда я снова поверил, что не бодрствую, а сплю, и вовсе не наяву слышу эти слова, а во сне.

— А-а-а, чтоб меня... — прохрипел, будто кто-то сжал ему горло, Чикола, а потом издал глухой стон: так, верно, гудела бы сухая утопанная земля в амбаре, если бы кто-нибудь сбросил с чердака камень в человеческий обхват. Они замолчали; было только слышно, как мягко и приятно для слуха, размеренно и ритмично, шуршало сено. Потом и шуршание прекратилось, и я услышал их возбужденное, неистовое дыхание; они дышали так, словно только что прибежали с края земли. Меня охватило беспокойство, и как будто мне и самому стало не хватать воздуха. Тогда я снова вспомнил про Гела и Ила: наверное, они вовсе не приходили сюда, решив, что если сегодня Атинаг, то можно и не идти, потому что кто же крадет картошку в Атинаг! А на самом деле, думал я, это очень может быть. Может быть, в эту самую минуту кто-нибудь, перескочив через плетень, уже копает колхозную картошку, — кто знает! Спуститься, обойти поле? Да я пошел бы и один, если бы Фитка был со мной, не побоялся бы. Но как мне спуститься?

К тому времени я снова расслышал их голоса — странно умиротворенные голоса. Такие, как если бы они долго болели, а теперь наконец стали здоровы.

— Какая жесткая у тебя щетина! Я себе губы стерла.

— Да, жесткая. Бритва ее не берет; когда бреюсь — слезы ручьем текут.

— Вот, значит, почему ты небрит?

— Нет, не потому я небрит. Стыдно мне это. Там мои товарищи в кровавом месиве вязнут, а я прихорашиваться буду?

— Ты свой долг исполнил.

— Нет, не исполнил. Мой долг был биться. Биться и биться, пока хоть один фашист жив, а потом этого последнего фашиста я сам должен был придушить, сам!

— Тебя отпустили.

— Меня не отпустили. Меня отправили домой, потому что от меня половина оторвалась.

— Твоя лучшая половина уцелела, — сказала как будто со смехом Болатон.

Интересно, чего она посмеивается?.. Они замолчали, и мне почему-то показалось, что в эту минуту Болатон спрятала свое лицо — свой прямой нос и припухлые губы — под мышкой у Чиколы, и мне нравилось думать, что так оно и есть. И Болатон затихла, как рыба под камнем.

— Лучшая половина! — дрогнул усмешкой и голос Чиколы, но тут же взял прежний тон. — Я не хотел возвращаться. Я хотел идти вперед, а не назад. Когда во мне закипала ярость, я думал: эх, если бы можно было выстрелить мной из пушки! Упасть бы в самую их гущу, взорваться и обратить их в пыль! Или выйти к ним по-мужски, с голыми руками, хотя бы против целой роты, чтобы свою ярость до краев утолить, а там... — здесь голос Чиколы оборвался, и послышалось лихорадочно-прерывистое бормотание Болатон.

— Жесткий ты — и пусть... колючий ты — и пусть...

Наверное, теперь она принялась целовать Чиколу. Меня взяла досада. Чего она лезет? Почему не дала Чиколе договорить? Какое там к черту колючий и пушистый?!

Оба смолкли, и мир снова показался мне необитаемым, ненастоящим; звенящая тишина говорила о его мнимости. А потом в этой звенящей тишине прозвучал шепот Чиколы. Прозвучал в ней, но не соединился с ней.

— Ох-ох-охх! Я опять...

— Иди же, иди, если опять!.. Вот я, вот!.. Только трогай меня полегче, ребра переломашь! — пробормотала Болатон, и ее голос сорвался на сладкий судорожный стон.

Они вновь принялись вздыхать. Но теперь как-то вразнобой: то Чикола вздохнет, то Болатон, будто они договорились вздыхать по очереди.

Тогда я снова решил было как-нибудь доползти до лестницы, спуститься и улизнуть. Не слушать же мне до утра их вздохи и шепоты! Но это было невозможно: Чикола и Болатон находились прямо у подножия лестницы. К тому же этот ужасный длинный скрип амбарной двери! Если мне и удастся проскочить мимо них незамеченным, то этот скрип им ясно расскажет о том, что

здесь кто-то был, что он слышал и шепоты их, и вздохи! И что тогда они будут делать? Бог с ним, с Чиколой, пусть он делает что хочет, но — Болатон, вдова Кобла, как ее еще называли мужчины села, — что она-то будет делать? Эта всеми уважаемая, добрая Болатон с ее приятным голосом, с ее мягкой улыбкой. Когда она клала мне на голову свою тонкую ладонь, тепло ее проникало до самого сердца. За любую работу хваталась Болатон, лишь бы угодить старшим женщинам, и при этом, бывало, сама же смущенно и виновато улыбалась.

— Это как же тебе пришло в голову попросить, чтобы здесь тебе постелили! — вздохнула Болатон со счастливым смехом. — Когда ты сказал Базиан отнести войлок в амбар, меня так ударило в жар, что я испугалась, что сейчас вспыхну головешкой и стоя дотла сгорю! Потом я краем глаза поглядывала, не понесет ли Базиан войлок. И вот: семенит с ним, свернутым в трубу, в сторону амбара. Я все представляла себе, как она стелет войлок на мягком душистом сене, и думала: «Ах, теперь бы пробраться туда как-нибудь, да и притулиться к нему!»

— Боже великий! — вздохнул и Чикола. — За что ты сподобил меня такого счастья?!

— А как ты танцевал! На своей одной ноге! Представляю, как-ково было бы, если бы у тебя и другая... Нет! Другой не надо. Смотрела на тебя и думала: все должны танцевать на одной ноге. Для танца двух ног не надо. Одна нога и две руки — вот все, что нужно для танца. И что только заставило тебя танцевать, будь ты неладен!

— Сказать тебе?

— Скажи.

— Твой взгляд. Я перехватил один твой взгляд, когда мы еще сидели за столом, и дверь моего сердца распахнулась со скрипом, как эта амбарная дверь, и так и осталась распахнутой, а скрипеть не перестала...

Потом я заснул. Впрочем, я не уверен, но, если я не заснул, почему я не заметил, как и когда ушли Чикола и Болатон? Что бы ни было, а уж скрип двери я не мог не услышать! Значит, я заснул таки. И не как-нибудь, а крепко. Снаружи было уже совсем светло. Гела и Ила, стоя на лестнице, склонили надо мной свои взъерошенные головы. На лице у обоих застыла виноватая и примирительная полуулыбка, похожая на сорванный до времени кислый плод. Я, конечно, обрадовался, но не упустил случая побурчать на них — за то, что оставили меня на ночь одного. Они принялись

оправдываться. Гела стоял на одну перекладину ниже, чем Ила, но их плечи были вровень, и в сумерках амбара казалось, что у Ила две головы.

— Когда начало темнеть, мы пошли к амбару, — торопливо говорил Ила; наверное, он не хотел, чтобы его кто-нибудь перебил. — По дороге к вам заглянули — там говорят, что ты уже ушел. Потом видим — гость Гисо, Чикола, идет, да так далеко бросает вперед свои палки, будто за ним гонится кто. До амбара доскакал, дверь распахнул и через порог перескочил. Мы к самой двери подошли, постояли, послушали... Видеть его не видели, но по тому, как он пыхтел, было понятно, что он спать лег. Как мы после этого могли сами зайти?..

Ила повернулся к Гела, давая понять, что он закончил. Тогда и Гела сказал:

— Вот мы и пошли сами вокруг поля, целых два круга сделали, и Фитка с нами. А потом из Кутарджина овец Закаевых пригнали. А вы тут дрыхли — ты и Чикола, — добавил Гела. — Небось, храпел он?

— Ничего он не храпел, — сказал я.

Как бы Чикола храпел, если он и не спал вовсе! Но этого я уже не сказал.

— Небось, ты спал, потому и не слышал, как он храпит, не то бы... — Ила угрожающе покачал головой.

— Ничего я не спал, — сказал я. Но тут же, одумавшись, согласился: — Хотя... да, спал, спал.

— Ты ведь здесь уже был, когда он пришел?

— Да.

— А скоро ты уснул после того, как он пришел?

— Не так чтобы скоро, но и не так чтобы не скоро.

— А кто раньше уснул, ты или он? — не унимался Ила, будто допрос вел, и тогда я изобразил возмущение.

— Откуда мне знать, кто раньше уснул? Будто я для этого здесь ночевал: чтобы узнать, кто раньше уснет, я или Чикола! — Потом я повернулся к Гела: — А овцы Закаевых что делали в такое время в Кутарджине?

— Паслись.

— Разве овцы пасутся ночью?

— Еще бы не пасутся! — сказал громко Гела. — Слезай и пойдем, сделаем еще один круг, пока люди скотину не выгнали.

Он снова взял начальнический тон. Он всегда думал, что имеет на это право, потому что был выше нас обоих ростом.

— Войлок еще там? — спросил я.

Гела глянул вниз через плечо.

— Вон лежит, в трубу свернут.

— Свернут, да?

— Да.

Они спрыгнули с лестницы, потом спустился и я, и в это самое время со стороны ныхаса донеслись тревожные крики женщин.

— Ты посмотри, что она с нами сделала, эта несчастная, ты посмотри! — звонкий вопль Хубулон отчетливо выделялся среди общего гвалта. Хубулон была женой Чего, старшего брата Кобла. — Где это видано, чтобы вот так встать и уйти! Ни о чем не подумала, ни о ком не подумала!

По тому, как становились громче их крики, было понятно, что женщины направлялись к амбару. Но зачем они шли к амбару и почему кричат — этого я не понимал и чего-то испугался. Я подтолкнул моих друзей к выходу в надежде, что нам удастся выскочить из амбара и скрыться, пока не подошли женщины, но мы как-то замешкались, смущенные неожиданным шумом, и не успели. Те уже ввалились внутрь, оставив позади себя длинный и раздраженный скрип двери.

Увидев на сене свернутый войлок, Хубулон пнула его ногой.

— Еще и прибрала за собой, распутница! Ишь какая прилежная!

— О каком ты распутстве говоришь, Хубулон? — Калиан недоуменно подняла сперва одну руку, подом другую. Калиан была женой Кебо, дяди Гела.

— Она здесь с ним была, бесстыдница. Знала, что он тут лег, и пришла. Здесь они покувыркались, а когда ей ласки его понравились, она и побежала за ним!

— Откуда ты знаешь, что она здесь была? Как можно!

— Оттуда и знаю!.. Начало у меня ночью в висках стучать, вот я и пошла к ней. Эта ведьма руками любую боль снимает. Один раз уже было — потеряла мне виски с минуту, и все прошло как не бывало. Так вот: пошла к ней, смотрю — дверь приоткрыта. Я захожу, зову ее — тишина. Тогда я ее постель потрогала — пусто! Где она еще была, если не тут? Не на шабаш же она полетела!.. Не зря она вчера с ним в пляс пустилась, иноходью кружила. У меня сердце сразу екнуло: что-то здесь, думаю, есть! Но такого кто мог ожидать!.. Нет, ты посмотри на эту бесстыдницу! Знать бы наперед — я бы ей кожу-то с лица содрала бы! Пусть бы потом бегала на свидания.

— Да будет тебе про кожу-то, — нерешительно сказала Калиан.

— Так бы ей и надо! Сгореть бы тому дому, из которого она к нам пришла! — не унималась Хубулон. — Как нас опозорила, так пусть и сама не найдет пристанища!

Здесь выступила вперед Бигулон, старшая сношенница Хубулон:

— Оставь ее, Хубулон, да и пусть идет себе! Сколько ей, молодой еще женщине, вдовствовать?

— Ну и шла бы сначала в свой дом, а уже оттуда бежала бы куда и с кем хочет! Тогда бы на нас никто пальцем не показывал. А теперь о нас не песню, небось, сложат! Чья еще невестка убежала из дому с первым встречным? Когда наши мужчины с войны вернутся — стать бы ей их жертвой! — разве они не спросят нас: а вы-то, вы-то куда смотрели?!

— Лишь бы они вернулись, а Болатон пускай и еще раз с кем-нибудь сбежит! — сказала младшая сношенница Хубулон, Габилон, жена Сили.

Тогда я все понял: ушла Болатон, с Чиколой ушла. Теперь вместе будут жить. Мужем и женой. Как они будут радоваться друг другу!.. Понял — и снова испугался: а вдруг кто-нибудь из женщин узнает, что я тоже был здесь, когда Болатон пришла к Чиколу, и начнут меня расспрашивать о том, что они говорили и что делали: что я тогда им скажу?.. Странно, что я ничего не слышал о том, что они собираются уйти вместе. Наверное, после того как я заснул, они еще долго говорили и радовались друг другу. А может быть, они и вовсе не спали и решили уйти уже после того, как я заснул.

В это время появилась и молодая невестка Гисо, Базиан. Хубулон бросилась к Базиан:

— Ты тоже! Ему что, больше негде было постелить, кроме как в амбаре?!

Базиан замерла, положив ладони на щеки, и некоторое время молчала.

— Он говорит: «Постели, — говорит, — войлок в амбаре». Как бы я ему сказала: нет, не постелю?!

— Не сказала — вот и расхлебывай теперь!

— А что им-то, Базаевым, расхлебывать? — сказала Бигулон. — Таковую невесту даром взяли. И как он только уговорил ее, этот Чиколу, будь он неладен!

— Уговорил! — ехидно воскликнула Хубулон. — Будто ее пришлось уговаривать, если она сама к нему порывалась, все веревки оборвала! Когда ей понравилось, как он ее тискает, нужно ли было ее уговаривать! — тут Хубулон наконец повернулась и к нам

и затопала ногами: — А вы что здесь стоите, рты разинули? А ну, вон отсюда!

Мы друг за другом бросились наружу.

В тот день я дежурил на краю оврага за домом Гисо. Вдруг вижу: Гела стоит на гребне Кутарджина и машет одной рукой Ила, другой — мне. Я посмотрел в сторону хлева Бецаевых — Ила уже прыгнул с плетня и побежал в сторону Кутарджина. Не мешкая, я тоже пустился в сторону Кутарджина вдоль плетня. Гела и Ила я застал на краю картофельного поля. В том месте, где плетень почти примыкал к грядкам. Они стояли согнувшись, как два маленьких старика, и смотрели на пару пустых клубней, черневших у их ног. Стебли вырытых клубней лежали рядом, сложенные в снопы.

— Смотри! — сказал Гела, как только я подошел.

— Два клубня! — добавил Ила.

Немного запыхавшись, я присел на корточки и, глядя на опустошенные клубни, как будто откуда-то издалека услышал: «Всего два клубня, два. Не рухнет же небо из-за двух клубней! Когда будем у Дадаза, разведем костер и бросим их в угли. Что может быть вкуснее картошки, запеченной в углях!»

Чикола! Да ведь это его слова! Когда же я их слышал? Пока я не спал, они не говорили ни о картошке, ни о том, чтобы уйти вместе. Значит, если он это говорил, то уже после того, как я заснул. Но, если я спал, как я мог слышать то, что он говорил?

— Наверное, он подождал, — сказал Гела, повернувшись лицом к Ила, — чтобы мы ушли, а потом перескочил через плетень — и давай копать.

Перед моими глазами опять встал Чикола. Он твердо уперся ногой в землю, распростер в стороны свои руки с толстыми палками, и палки тяжело раскачивались в руках Чиколы: он походил на весы, которые были у грузин, привозивших к нам выюки с грушей. Разгрузив товар, его хозяин первым делом принимался править свои деревянные весы. Эти-то весы и напомнил мне танцующий Чикола. Он, конечно, был больше тех весов, много больше. Наверное, на таких больших весах в нашем селе нечего было и взвесить. Тем не менее в моей голове Чикола крепко соединился с весами, и позже я все думал о том, что можно было взвесить на палках Чиколы. Я никак не мог отделаться от этого праздного вопроса, он все никак не оставал от меня — ни дома, ни в дороге. Будто поселился во мне.

Много времени прошло с тех пор. Теперь из нашего села по утрам поднимается один-единственный дым. Дым тревоги. Подобный тем, что когда-то поднимались над башнями предков. Но

то был дым другой тревоги; он говорил: враг подходит. А этот дым говорит: село уходит. Этот дым тревожнее прежних.

Я много исходил дорог. Пыль тех дорог осела на мои плечи и пригнула меня к земле. Когда спустя много лет я снова оказался на нашем ныхасе и присел на один из тех древних белых камней, я снова вспомнил одноногого Чиколу, танцевавшего напротив того места, где раньше стоял дом Гисо. И вдруг мне пришел в голову ответ на тот праздный и невозможный вопрос: на палках Чиколы можно было бы взвесить мир и войну. Откуда слетел ко мне этот ответ и насколько он верен, я и теперь не знаю. Но положи на одну чашу таких весов мир, а на другую — войну, вот точно так, как грузин клал с одной стороны свои груши, а с другой — наш сыр, — а потом, как и он, подними весы — и смотри...

— Что мы теперь Алекси скажем? — спросил Гела.

— А может, ничего не скажем? — пожал худыми плечами Ила.

— И что потом?

— А что потом? У него что, все клубни посчитаны? Сколько на этом поле картошки! Откуда он узнает? Стебли под плетнем спрячем, ямы выровняем, будто тут и не было ничего. Пусть потом докажет!

У Ила была особенность: его иногда так заносило, что даже Гела позади оставался. При этом Ила крепко стоял на своем и бросал по сторонам грозные взгляды.

— Наверное, крупная была? — сказал Гела и добавил: — Вон какие толстые стебли!

— Еще бы не крупная! — сказал Ила и тоже добавил: — Стебли толщиной с руку!

Тогда мне представилось, как Чикола и Болатон сидят у костра. Поворошив своей палкой угли, Чикола выкатывает из-под них картошку, берет ее, раскаленную, в руки, хлопает по ней ладонями, чтобы осыпалась ее черная прогоревшая корка, и подает ее Болатон. И Болатон берет картошку и виновато и счастливо улыбается. Так и сидят они у костра посреди долины, где-то под Дадзом, и едят картошку, запеченную в углях.

— А ты что скажешь, Аби? — спросил Гела.

Мое имя — Сараби, но чаще звали меня Аби. Это был трудный вопрос. Я не усидел на корточках, поднялся, отступил на шаг и вдруг заметил, как из-за Кахра показался верховой и направил коня в сторону Магкотыкау. Я вскинул руку:

— Вон всадник поехал!

Гела и Ила разом выпрямились и повернулись в сторону Кахра.

— Должно быть, Алекси, — сказал Гела.

— Почему должно быть? Будто кроме Алекси нет больше всадников! — возразил Ила с раздражением. Казалось, он не хочет, чтобы то был Алекси. — Всадников сколько хочешь. Кого еще может быть больше, чем всадников!

— Как — никого нет больше, чем всадников?

— А кого больше?

— Пеших, кого же еще.

— Пеших! Пеших только сейчас стало много, а раньше пеших совсем не было!

— Так я тоже про сейчас говорю, а не про раньше!

— Посмотрел бы я, как бы оно было, если бы лошадей на войну не забрали.

— А если бы и мужчин не забрали?

— Их как могли не забрать? Кто бы тогда воевал?

— По-твоему, они должны фашистов пешком гонять? Как будто это легко — пешком фашистов гонять!

— Пойдем, скажем Баба.

— Что скажем? — посмотрел на меня Гела.

— Что мы всадника видели.

— Подождем, — сказал Ила. — Если он из Магкотыкау сюда направится, тогда и скажем.

В Магкотыкау располагался сельсовет. Там сидел Сардо, который был начальником для председателей местных колхозов.

— А насчет картошки давай так решим: расскажем Алекси, но свалим все на Чиколу, — сказал Гела, задумавшись. — Чиколы уже все равно здесь нет, что он ему сделает! Скажем: видели, как Чиколла копает, но не посмели его остановить. Как мы могли его остановить? — он на войне ногу потерял, а тут ему из-за двух клубней...

— Да ладно тебе! — поморщился Ила. — На что Чиколле картошка?!

— Как на что? Разве им есть не надо? Разведут где-нибудь по дороге костер, да и бросят ее в угли.

Я замер от удивления: неужели и Гела слышал те слова Чиколы? Как, где он мог их слышать? А если не слышал, то чего он брешет?..

Всадник так и не появился. Но мы все равно отправились на ныхас. То, что всадник остался в Магкотыкау, нас почему-то смутило и обеспокоило, и мы уже не могли просто вернуться на свои места и стеречь картошку. Впереди побрел Гела, за Гела — Ила, за Ила — я.

Баба только сейчас шел на ныхас. Он шел, держа на сгибе локтя старую шинель и с трудом передвигая как ноги, так и палку. На одном из камней сидел на ныхасе Гисо — сидел согнувшись, буд-

то точил косу. Но у него не было никакой косы, и поэтому мне не понравилось, как он сидит. Когда он заметил Баба, он подобрался, сел прямо и сказал:

— Иди, Тба, иди!

Баба бросил шинель на траву и медленно на нее опустился. Мы подошли и встали рядом. Гела сказал:

— Из-за Кахра какой-то всадник прибыл, в Магкотыкау остался.

Баба поднял руку и посмотрел из-под ладони на дорогу, ведущую в соседнее село.

— Кто бы это мог быть? Хотя, если бы у него были новости, он бы и к нам заехал.

Услышав эти слова, Гисо тоже поднял руку, прикрыв глаза от солнца, и посмотрел вдаль. А он-то зачем смотрел, если там никого не было?.. Так они и сидели оба с поднятыми руками — и Гисо, и Баба — и смотрели вдаль на пустую дорогу.

— Кто бы это был и к кому? — снова спросил Баба и тяжело вздохнул.

— Бог знает, — сказал Гисо и опустил руку на колено.

В это время из-за угла нашего хлева появился Алекси. Он вел в поводу тяжело фыркающую Кучку. На Кучке сидел Арисман, Бобаев Арисман, придерживая одной рукой костыли, лежавшие поперек седла.

— Нет, ты только посмотри на них, а? — Баба вытянул в их сторону руку, которой только что заслонялся от солнца.

— Фарн⁶ да будет здесь! — громко сказал Алекси и, не дожидаясь ответа, добавил: — Мы с Арисманом были на Дадазе.

Сидя в седле, Арисман упер костыли в землю, затем кое-как сполз с лошади. Его раненая нога висела, так и не распрямившись, рядом с другой.

— Вот как! — Баба сделал движение, будто хотел встать.

Арисман посмотрел сперва на Баба, потом на Гисо.

— Слышно, как пушки гремят, но нельзя сказать, что хорошо слышно. Никак не разобрать, чьи то пушки. Если бы поближе подойти да прислушаться, может, и можно было бы разобрать. А с Дадаза никак не разобрать.

Алекси посмотрел на Арисмана, покачал головой.

— А все-таки те два выстрела, что сразу один за другим прогремели, наши были. Не может быть, чтобы не наши.

— Может быть, и так.

— Что же нам делать? Нет к нам вестника с той стороны. Как нам правду узнать?

⁶ Фарн — мир, счастье, благодать.

Арисман стоял явно расстроенный: как же так? — его на самый Дадаз доставили, а он так и не разобрал, чьи там, под Дзауджикау, пушки грохочут.

Беспомощно понурясь, сидели Баба и Гисо.

— Что же делать? — снова вздохнул Баба.

— Подождем, что же еще. Бог даст, будет и к нам вестник, — сказал Алекси и как будто только теперь заметил и нас: — А вы что здесь делаете?

— Мы на Кахре всадника видели, потому и пришли, — сказал Гела, склонив голову набок и как бы недоверчиво посмотрев на Алекси.

Я испугался, что он сейчас расскажет, что кто-то два картофельных клубня вырыл, и что это был не кто иной, как Чикола, и что мы даже видели, как он копал, но не решились его пристыдить, потому что он на войне ногу потерял. Но Гела ничего такого не сказал. Наверное, потому, что он не сам стал говорить, а Алекси спросил его.

— И куда он потом делся?

— Всадник? — уточнил Ила.

— Всадник, всадник, кто же еще?..

— В Магкотыкау остался.

Алекси покрутил головой.

— Стерегите картошку, мальчики, внимательно стерегите. Не надо по сторонам зевать. Если хоть одного клубня колхозной картошки не досчитаюсь, тогда ни на кого не пеняйте. А пока пусть кто-нибудь из вас не поленится и сбегает за водой на родник.

На родник!.. Мы разом бросились по домам и через минуту уже спешили вереницей по тропинке, ведущей вниз через огород Гисо. У нас с Гела были кувшины, а у Ила — бутыль с длинным горлом.

Когда мы вернулись, на ныхасе был уже и Аранбел. Он был явно чем-то воодушевлен; одной рукой он держался за поводья Кучки, будто на ней не Арисман приехал от Дадаза, а он, Аранбел, приехал из Магкотыкау от самого Сардо. Другой рукой Аранбел то и дело взмахивал, как саблей.

— Мышинные норы будут искать, чтобы в них спрятаться, вот посмотрим! Как Сталин сказал, так и будет!

— Погоди, Аранбел, — сказал Баба, нервно подвинувшись на месте, — ты это сам слышал от Сардо или тебе кто другой передал?

— Вот тебе уарайда⁷! Так ведь Сардо нас специально собрал, чтобы до нас эти новости донести, чтобы мы потом и вам все рассказали, чтобы никто не падал духом, чтобы ни у кого не опускались руки!

Я никогда не видел Аранбела таким возбужденным и смотрел на него, раскрыв рот.

— Сардо не такой человек, чтобы сказать неправду, — сказал Баба.

— Значит, Сардо говорит, что именно так Сталин и сказал, верно? — спросил Гисо.

— Наверняка Сталин сказал, — вставил Алекси, — не может быть, чтобы не сказал.

— Да продлит Всевышний его дни! И еще так Сталин сказал: держитесь, говорит, мои храбрые осетины; скоро, говорит, мы сломаем врагу хребет, и это случится прямо у подножия ваших гор!

— Так тоже сказал? — Баба не усидел на месте и, подогнув под себя ноги, сел на коленках.

— Сказал, сказал.

— Да стать мне его жертвой, чтобы дети его были благополучны! Как бы мы были без него?

— А вот посмотрим! — еще раз решительно махнул рукой Аранбел, потом взял у меня кувшин и, подняв его над головой, стал пить.

Тогда Алекси одной рукой забрал кувшин у Гела, другой — бутылку у Ила. Кувшин подал Арисману, а сам стал пить из бутылки. Стояли трое и пили воду, и было слышно, как они звонко и удовлетворенно глотают, а Баба и Гисо смотрели на них, подняв головы и прищурившись.

Потом Гисо повернулся к нам:

— Ступайте-ка, зайдите в дом. Пусть соберут чего-нибудь, и фынг⁸ с собой прихватите. Мы и отсюда вознесем благодарность Богу.

Алекси согласно кивнул и, подняв глаза, посмотрел в сторону дома Гисо. Наверное, ему вспомнилось, как вчера на этом месте танцевал Чикола.

Октябрь, 2009

⁷ Уæрæйдæ — припев в народных осетинских песнях; идиома; здесь выражает удивление и недоумение.

⁸ Фынг — невысокий круглый трехногий столик, имеющий, помимо бытового, сакральное значение.

Ольга РЕЗНИК

НАЧАЛО

К ПОЛУВЕКОВОМУ ЮБИЛЕЮ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА

В этом году Владикавказскому художественному училищу имени Азанбека Джанаева исполняется 50 лет. Отрадно отметить, что именно это образовательное учреждение дало путевку в жизнь многим выдающимся ныне художникам. Поэтому вполне закономерно желание вспомнить, с чего все начиналось, как создавалось училище, кто стоял у его истоков, из чего складывалась формула успеха открытого в далеком 1973 году учебного заведения.

А поведала обо всем этом известный в Осетии искусствовед, член Союза художников России, заслуженный деятель искусств РСО-Алания Зара Газданова, которая была первым директором Владикавказского художественного училища (на протяжении 13 лет). Как истинный мастер своего дела (а ведь искусствовед — это всегда эксперт, аналитик, эрудит) Зара Темболатовна наделена исключительным талантом распознавать дарования, направлять их. Она несчетное количество раз давала путевку в жизнь будущим знаменитостям, профессионально оценивала творчество того или иного художника, популяризировала его, по сей день занимается организацией художественных выставок в Национальной научной библиотеке. Причем делала все вышеперечисленное и на посту заместителя министра культуры Северной Осетии на протяжении 15 лет, и, уж конечно, занимая должность директора Владикавказского художественного училища, которое стало альма-матер для доброй половины членов Союза художников РСО-Алания.

Несмотря на то что Зара Газданова не из тех, кто любит давать интервью, она тем не менее охотно согласилась поделиться своими воспоминаниями о том, как открывалось и создавалось 50 лет и зим назад Владикавказское художественное училище.

ПРО ТО, КАК ВАЖНО, ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Да, в это трудно поверить, но с тех пор уже 50 лет прошло... Очень важно, чтобы помнили, с чего все начиналось. Поэтому я посчитала своим долгом рассказать о том, как это было. Тем более что речь идет об учебном заведении, давшем столько известных, состоявшихся художников.

ПРО НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ УЧИЛИЩА

В начале семидесятых годов потребность в такого рода учебном заведении в столице нашей республики остро ощущалась. Почему? Да потому, что в Осетии уже имелись свои большие художники — Коста Хетагуров, Махарбек Туганов, Азанбек Джанаев, Аслан-Гирей Хохов, скульптор Сосланбек Тавасиев, а значит, формировались и свои традиции. То есть уже был заложен фундамент профессионального искусства, начатое надо было продолжать.

Не погрешу против истины, если скажу, что хорошее художественное училище уже существовало в Цхинвале, его еще в 1937 году организовал Махарбек Туганов. Наши молодые художники тоже ездили туда учиться, потом возвращались.

По окончании факультета теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина я какое-то время преподавала историю искусств в Оспедучилище. Там тоже обучались наши будущие известные художники — Таймураз Айларов и Казбек Хетагуров, например. Оспедучилище наше также хорошо работало. Его выпускники по окончании учебы уезжали за пределы республики, поступали в художественные учебные заведения.

Но все равно нужна была школа здесь, на месте. А школа начинается все-таки с профессионального училища, которое и было открыто в столице Северной Осетии в 1973 году.

ПРО МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ СОЛТАНА УЖЕГОВА, КОТОРЫЙ ИНИЦИИРОВАЛ ОТКРЫТИЕ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА

Солтан Евгеньевич Ужegov... Он был в то время министром культуры Северной Осетии. Я хочу, чтобы это имя училище знало и помнило всегда. Потому что открытие в 1973 году в нашем городе художественного училища было сродни подвигу. Ведь, по сути, не было ничего: ни помещения, ни опытных педагогов... Но необходимость в училище была. И Солтан Евгеньевич видел эту необходимость. Должна сказать, что не каждый министр может смотреть так далеко вперед. Поэтому, несмотря ни на какие трудности, благодаря воле Ужegovа художественное училище все-таки было открыто. Об этом человеке я всегда говорю с чувством глубокой благодарности.

ПРО ТО, ЧТО ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Да, вначале было слово, а точнее, слова, доносившиеся из телефонной трубки. Мне звонили из Министерства культуры, приглашали на работу. До того как стать директором художественного училища, я пять лет проработала в Ставрополе в музее изобразительных искусств. В 1971 году вернулась в Осетию. Намеревалась опять идти работать в художественный музей. Но меня перехватила наш известный театровед Марина Антоновна Литвиненко, стала «сватать» в Министерство культуры. Я сопротивлялась, потому что совершенно не чувствовала в себе чиновничью жилку. Потом мне снова позвонили и пригласили к министру культуры Ужегову. Солтан Евгеньевич мне сказал: «Приди, сделай нам училище». И я сразу поняла всю важность происходящего, поняла, что не могу отказаться, не имею права. Стала заниматься училищем. Сидя в министерстве, сначала подготовила всю документацию, потом мы провели вступительные экзамены.

ПРО БЕСКОРЫСТНУЮ ПОМОЩЬ И ОТЗЫВЧИВОСТЬ

Для начала я собрала небольшую команду, которой предстояло принимать вступительные экзамены. Прямо в Министерство культуры абитуриенты приносили нам свои документы и работы, мы же отбирали тех, кого можно допустить к экзаменам, по представленным ими работам. Николай Васильевич Жуков, тогдашний директор нашей старейшей детской художественной школы, пошел нам навстречу и разрешил принимать вступительные экзамены прямо в школе, где были созданы условия для художников, где имелись мольберты и все необходимое. Директор училища искусств Николай Ефимович Панурин тоже пустил нас к себе для приема экзаменов по общеобразовательным предметам.

Заканчивалось лето, а своего помещения у нас все еще не было. Тем не менее мы готовились к началу учебного года. В Министерстве культуры мне помогала Зинаида Харитоновна Цомартова. Было составлено штатное расписание, все было сделано, как положено. Я взяла на работу зама по хозяйственной части, фамилию сейчас не вспомню, а звали его Роберт, шустрый такой. Он закупил мебель. А ставить ее было некуда. Так нас выручил Русский театр, где мы и разместили свою мебель.

Я почему сейчас об этом рассказываю? А потому, что хочу подчеркнуть, что идея открытия в нашем городе художественного училища вдохновляла всех, все стремились нам помочь. И это было очень приятно.

ПРО ТВОРЧЕСКУЮ АТМОСФЕРУ В ОСЕТИИ НАЧАЛА 1970-х

В те годы из Осетии многие уезжали учиться за пределы республики, преимущественно в Москву и Ленинград. И вот в середине и конце шестидесятых — начале семидесятых в родные пенаты возвращалось очень много выпускников творческих вузов. В 1970 году Осетинский театр встретил вернувшееся из ГИТИСа очередное пополнение. В 1972 году был открыт Музыкальный театр с плеядой замечательных оперных певцов. Первые телевизионные профессиональные работники, отучившись, тоже приехали домой. Возвращались, получив образование, и художники. Они учились в основном в Москве и Ленинграде, но больше в Ленинграде. В республике в те годы складывалась какая-то совершенно удивительная творческая атмосфера.

Свое влияние на дальнейший расцвет осетинской культуры и искусства, несомненно, оказала Декада осетинского искусства и литературы, которая проходила в Москве с 26 августа по 6 сентября 1960 года. Тогда же состоялась наша первая большая республиканская выставка в столице — в залах Академии художеств. Там демонстрировались работы Туганова, Джанаева, Хохова, молодого, но уже известного художника Батра Калманова. Впервые выставлялись там и произведения нашего тогдашнего главного возмутителя спокойствия Юрия Дзантиева. Выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина, энергичный, экспериментирующий, он, как сейчас помню, свою дипломную работу «Косари» написал не в академической манере, а, скорее, в импрессионистической, что вызывало всякие непонятности. Но в Москве его очень поддержали, его произведения там имели резонанс. И здесь, в Осетии, вокруг Юрия Дзантиева сразу сплотились молодые ребята, которые собирались посвятить себя живописи.

ПРО ПЕРВЫХ ПЕДАГОГОВ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО

Первыми педагогами училища были те самые ребята, которые, отучившись в московских и ленинградских вузах, вернулись в

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА

с. ОРДЖОНИКИДЗЕ-1983г.

КАБУЛОВ М. Г.

ГУДАНОВА З. Т.

ГАГОВ Т. С.

ДЗУГАСЕВ Б. Б.

АРЦЕГОВ А. Р.

ТАССИЕВ Т. М.

ДЗБОВ М. Н.

КЕЛЕКОЕВ М.

ТОМАЗЕВА Ф. М.

МУНДИАКОВ Б. Б.

ЦАГОВ Э. Р.

НЕСТЕРЕНКО Л.

КОЗИРЕВ Р. Р.

ХЕТАГОВ Д. Д.

ДЗАЦЦОСОВ С. С.

ИАНИЕВ Г. Д.

Осетию. Это Шалва Бедоев и Эльбрус Саккаев (оба они вели на живописном отделении рисунок, живопись и композицию), это скульптор Михаил Дзбоев, преподававший на отделении художественной обработки металла, это архитектор Заурбек Губаев, работавший на оформительском отделении. На факультете художественной обработки металла вел композицию и мастерские Валерий Салиев. Главный предмет — композицию, а также черчение и другие дисциплины на художественно-оформительском отделении преподавал дизайнер по образованию и очень толковый педагог Таймураз Гагоев, который являлся еще и завучем. Таймураз Сергеевич присоединился к нам чуть позже. Я вела историю искусств, изучая которую студенты много времени проводили в библиотеке.

Такой вот дружной командой мы отбирали ребят для поступления, принимали вступительные экзамены. Конкурс был большой: 5–6 человек на место. Случались и казусные ситуации, когда ко мне приходили родители и просили не принимать их детей в училище, потому что эти ребята уже учились в вузах и собирались отсюда уходить. Я тогда отвечала родителям, что если у их детей нет склонности и интереса к той профессии, которой их учат, то они все равно уйдут. Тем более что мы отбирали самых талантливых, то есть те, о ком просили, могли к нам и не попасть. В результате у нас подобрались удивительные ребята — заинтересованные в учебе, целеустремленные, старательные. Я особое внимание обращала

на мальчиков, дабы они тоже поступали, потому что мальчики в 15–16 лет — еще сушие дети, они развиваются медленнее, чем девочки. И, надо сказать, результаты не заставили себя долго ждать — к третьему-четвертому курсу наши мальчики оперились, окрепли, показали, на что они способны.

С самого начала в училище было открыто три отделения: живописное, художественно-оформительское и художественной обработки металла.

Когда прием был закончен, я пришла к Солтану Евгеньевичу, доложила обстановку и положила перед ним список преподавателей — молодых (нам всем было тогда немного за тридцать), никому еще особо не известных, не имевших педагогического опыта. Я и сама такая же была. Но Солтан Евгеньевич, надо отдать ему должное, поверил в нас, всех утвердил, ничего не навязывал. Я была рада, что справилась с возложенной на меня задачей и могу теперь со спокойной совестью заняться чем-то другим. Но не тут-то было. Солтан Евгеньевич мне сказал: «А теперь иди туда директором». Я ему ответила, что я беспартийная. А он мне: «Зато ты будешь работать». Вот так я попала в училище.

Надо сказать, что мы учили наших студентов так, как учили в свое время нас, не жалели отдавать свои знания ребятам. Каждый из нас всей душой болел за своих учеников, делился с ними секретами мастерства. В училище начала складываться какая-то удивительная атмосфера добротворчества, взаимопонимания. Отношения между преподавателями и студентами складывались дружеские, но без панибратства. Субординация соблюдалась всегда. Ребята очень уважали своих педагогов, старались их ни в чем не подводить. Помню, проходя мимо мастерской, где вел занятия прекрасный рисовальщик Эльбрус Алексеевич Саккаев, я никогда не могла определить — он на месте или вышел. Такая там всегда стояла звенящая тишина. Только карандаш издавал звуки «шир-шир». Вот как ребята любили и уважали своих педагогов.

Поначалу сложно было научить художников быть преподавателями: писать планы, заполнять журналы... Но постепенно всему научились.

ПРО ТРУДНОСТИ, КОТОРЫЕ УСПЕШНО РЕШАЛИСЬ

Близилось первое сентября, а мы по-прежнему не знали, в каком помещении будут проходить наши занятия. Солтан Евгеньевич Ужегов обратился за помощью к директору «Электрона», нынешнего Дворца молодежи. Там был тогда прекрасный директор, уди-

вительный человек — Сослан Казбекович Дигуров. Он отдал нам под училище целое крыло, куда мы въехали со своей мебелью. Сразу же нашли мастера — Сергея Георгиевича Диортгесова. Он сделал нам какие-то перегородки, что-то все время забивал, прибивал. И, хоть и не к первому сентября, а к третьему, у нас уже было все готово. Третьего сентября 1973 года открылось Владикавказское художественное училище. И это было здорово!

Столкнулись мы и с определенными сложностями, связанными с оснащением училища необходимым оборудованием и профессиональными материалами, в том числе гипсами. Деньги на их приобретение были, но здесь, у нас, был дефицит материалов для художников. Нам на помощь пришел начальник Управления снабжения и сбыта Даукуз Дабеевич Цакоев, который предложил кому-нибудь из педагогов поехать с ним в Москву, дабы привезти оттуда все необходимое для училища. В столицу мы командировали Михаила Николаевича Дзбоева. В общем, в итоге нам прислали два контейнера нужных материалов: красок, бумаги и прочего. Из Подмосковья мы получили профессиональные мольберты, некоторые из них, наверное, сохранились и по сей день.

ПРО ПРАКТИКУ — ЛЕТНЮЮ УЧЕБНУЮ, ОЗНАКОМИТЕЛЬНУЮ И НА ОФОРМИТЕЛЬСКОМ ОТДЕЛЕНИИ

Мы, педагоги первого года обучения, сразу же озаботились вопросом летней практики. Вопрос этот, надо сказать, весьма серьезный, потому что летняя практика (пленэр) имеет очень много профессиональных плюсов. Пленэрная живопись подразумевает создание картин не в мастерской, а на природе, которая служит основой постижения натуры в ее естественном освещении.

Местом проведения летней практики мы сразу выбрали Фиадон. А там через речку перейдешь и окажешься в селении Кадат, где в то время стояла геологическая партия. Начальником этой партии был Азгирей Цопанович Газданов. Разговорившись с ним, мы узнали, что есть два помещения бывшего магазина, которые он готов нам предоставить. Там мы сделали так называемую нижнюю базу с большой галереей, спальнями и столовой.

А через год начальник геологоразведки Виктор Цогоев отдал нам двухэтажное административное помещение, где мы сделали верхнюю базу...

Никогда не забуду первый просмотр работ наших первокурсников, который мы организовали после первого семестра. Пригласили

художников, зрителей. Оценки были даны самые хорошие, что нас не могло не окрылить.

При поддержке Министерства культуры был решен вопрос и о проведении ознакомительной практики. Она проходила в Ленинграде, где наши студенты ходили по музеям, знакомились с подлинниками искусства и архитектуры.

А вот студенты нашего оформительского отделения в качестве практики создавали проекты оформления кафе, столовых, учебных заведений, разработали целую серию фонтанчиков для центра города. Мы пригласили посмотреть на это первого секретаря обкома Билара Емазаевича Кабалоева. Ему очень понравилось то, что мы показали. Кабалоев ратовал за претворение этих проектов в жизнь. Но городские власти сказали мне то, что не сказали ему: для этого надо подводить коммуникации, что очень сложно.

Так с самого начала формировался образ будущего училища. Была определена и главная задача, которую мы перед собой ставили и с которой, полагаю, справились, — дать студентам высококлассное профессиональное образование, дабы они состоялись наилучшим образом как художники. И не только как художники.

ПРО ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

Первый выпуск превзошел все наши ожидания. В будущем он дал республике академика Российской академии художеств Юрия Аби-

салова — правда, второго по счету. Первым был его учитель — Шалва Евгеньевич Бедоев, создавший впоследствии на факультете искусств СОГУ кафедру изобразительного искусства, которую он сам долгое время возглавлял.

Честно говоря, я очень переживала, когда выпускались наши первые студенты. Понятное дело, что многие из них были нацелены на то, чтобы учиться дальше, получить высшее образование. Помню, я тогда думала: боже мой, ну хоть бы один поступил, а лучше двое. Я же знала, что такое поступить в вуз. Я же сама поступала. Тем более что многие выбрали московские и ленинградские вузы.

Единственное, на что я ориентировала наших выпускников, так это на то, чтобы несколько человек не подавали документы в один и тот же вуз. Они ко мне прислушались. В общем, в первый же год студентами разных художественных вузов стали семь наших выпускников. Год спустя поступили и другие из первого выпуска.

В Тбилиси, помню, я отправила сестер Нателлу и Манану Салбишвили и Нателлу Левчук (царство ей небесное). Так вот эта маленькая Нателла Левчук, когда сдавала экзамен, так нарисовала мужской торс, что ее рисунок потом всем показывали, говоря: «Посмотрите, как нарисовала эта маленькая девочка»... Все трое — и сестры Салбишвили, и Нателла Левчук — поступили в Тбилисскую академию художеств.

В Московское высшее художественное училище имени Строганова (ныне университет имени Строганова) поступила Ирина Виноградова, в Московский полиграфический институт — Регана Бигаева, Людмила Валиева и Валерий Тавасиев (светлая ему память) — он был главным художником Минераловодской типографии, в Московский государственный художественный институт имени Сурикова — скульпторы Казбек Наскидаев (царство ему небесное), Олег Цхурбаев, Билар Царикаев, во ВГИК — Инесса Сабанова (ее тоже уже нет с нами, светлая память) — она была ведущим художником по костюму киностудии «Ленфильм», в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина — Юрий Абисалов, Фатима Цаллагова, Борис Дзоблаев, Сергей Цахиллов, Мурат Тибилов, на факультет декоративно-прикладного искусства Московского текстильного института — Людмила Байцаева, в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Веры Мухомой (сейчас это Академия Штиглица) — Тамара Собиева, на живописное отделение факультета искусств СОГУ, когда оно открылось, — Ирина Дзоблаева. Все они сегодня известные, состоявшиеся художники. В том числе и те из них, кто не стал учиться дальше, как, скажем, Наташа Гаппоева — главный художник издательства «Ир».

Мне приятно отметить, что студенты первого выпуска нашего училища по сей день очень дружны между собой. Они общаются, встречаются. Они создали свою группу в Ватсапе.

ЕЩЕ РАЗ ПРО... ПЕДАГОГОВ

За первым набором студентов последовали второй, третий, четвертый... Пополнялось училище и новыми педагогами. К нам пришли Казбек Хетагуров и Магрез Келехсаев. Вообще у нас преподавали потрясающие художники! Сплошное удовольствие было, к примеру, наблюдать за тем, как писал Казбек Хетагуров...

Потом сложилась непредвиденная ситуация с третьим курсом, который остался без педагога. Я стала уговаривать Юру Дзантиева прийти к нам. Он к тому времени был уже маститый художник и поначалу отказался. Но Юрий Александрович оказался человеком совестливым. Обдумав сложившуюся ситуацию, он подошел ко мне и говорит: «Темболатовна, я тебе очень нужен?» Я отвечаю: «Очень — это не то слово». И Юрий Дзантиев начал у нас преподавать. Он был таким педагогом, каких вообще мало. Раньше меня приезжал в училище, с собой привозил натурщика, которого забирал где-то в Гизели по дороге, он из мастерской не выходил все шесть часов. Он так поднял курс, на котором преподавал, что его до сих пор все вспоминают с огромной благодарностью.

Потом к нам в училище пришли Аслан Романович Арчegov, младший Саккаев — Аслан, потом подъехал архитектор Руслан Козырев, потом — Валентин Мундиров из «Мухинки» (сейчас это Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени Штиглица), очень мягкий такой, тонкий живописец, потом — Мурат Кабулов, его называли французом, он писал легко, красиво, нежно, в таком импрессионистском французском стиле. Потом появились Эльбрус Цогоев, Виктор Бедоев, Дмитрий Хетагов. Дмитрий Дзахотович вел у нас черчение и другие обязательные дисциплины. Очень теплый был человек. Мы его все любили. Когда нас прижало, я ему говорю: «Придется вам анатомию преподавать». Привезла ему кучу книг. И он справился, все сделал как надо.

Для отделения художественной обработки металла нам выделили мастерские. Мастером производственного обучения там был Тавас Михайлович Тавасиев — удивительный человек. Он отец скульпторов Руслана и Станислава Тавасиевых.

То есть вот так постепенно пополнялся наш педагогический коллектив. И какие это были личности! Каждый умел мастерски что-то делать, и каждый был примером для своих студентов.

Добрые слова хочу сказать и о педагогах, которые вели общеобразовательные дисциплины. Вы представляете, что такое преподавать математику художникам? А наши студенты по математике даже в каких-то олимпиадах участвовали и побеждали, потому что их математик Лидия Тимофеевна Нестеренко настолько могла заинтересовать своим предметом, что будущие художники с удовольствием занимались этой точной дисциплиной. Такой же творческий подход к своему предмету был и у преподавателей химии, литературы и даже физкультуры, которую вел Георгий Дмитриевич Ваниев. И хотя в училище не было спортзала, уроки физкультуры регулярно проводились. Лыжи, велосипед, пробежки — все это было.

Да, наши студенты понимали, что главное — это, конечно, специальность, но и общему развитию уделяли большое внимание. Мы давали образование сильное, базовое, на основании которого можно было дальше развиваться. Мы учили студентов основам основ. Закладывался тот фундамент, на котором можно было строить в дальнейшем. И эта установка на сильное базовое образование до сих пор актуальна в училище. Это то, что делает его крепким.

Даже обслуживающий персонал в нашем училище был особый. Вот, скажем, Рита Албегова пришла к нам еще девочкой и до сих пор работает комендантом — на протяжении 45 лет. У меня была секретарь Алла Тедеева. Так, если меня не было в училище, она любому звонившему давала полную интересующую его информацию. Даже на совете директоров отмечали, что только в художественном училище, если Газдановой нет, секретарь может ответить на все вопросы. Вот такая у меня была Алла! И я, конечно, ее с благодарностью вспоминаю. Библиотекарь Лидочка Шестакова, комендант Тамара Датиева, заведующая методфондом Зарема Алборова... Они тоже жили интересами училища.

Все мы являлись одной сплоченной командой. Хорошо работали и умели отдыхать. Часто выезжали за город. Училище было для всех нас большой радостью. Мы, вольные художники, росли как педагоги, учились вместе с ребятами. В училище формировались свои добрые традиции. Мы становились на ноги, росли. Я там 13 лет проработала и, уходя, передала училище Таймуразу Сергеевичу Гагоеву, который руководил им более 20 лет. Мне было очень приятно, что и после моего ухода многие из наших традиций сохранились и продолжают жить.

ПРО ДОСУГ

Как я уже сказала, поначалу училище занимало одно крыло нынешнего Дворца молодежи, потом располагалось на ул. Бородинской, там, где сейчас находится Колледж культуры, позже переехало в здание на улице Кирова. Собственно говоря, училище с самого начала своего существования никогда не имело хороших условий. И никогда это не было главным ни для преподавателей, ни для учащихся. Нам, педагогам, хотелось многое отдать, а студентам — многое взять. А все остальное было не так уж и важно.

Досуговые мероприятия в училище всегда проводились на самом высоком уровне. И это несмотря на то, что никаких особых условий у нас никогда не было. Но молодежь есть молодежь. Танцевальные вечера у нас проходили прямо в коридоре. В училище появился свой вокально-инструментальный ансамбль, созданный Игорем Увенчиковым. Были свои вокалисты. Георгий Арутюнянц, например. Он известен сегодня и как певец, и как художник.

Атмосфера была творческая, касалось ли это учебы, вечеров или других самых разных мероприятий. Мы вместе посещали выставки, театры, филармонию. Это вошло в привычку на долгие годы.

ПРО ВЫПУСКНИКОВ, КОТОРЫМИ ГОРДИМСЯ

За 50 лет существования училища республике никогда за него не было стыдно. И наши выпускники нас никогда ни в чем не подвели. Мы гордимся ими. Особенно запомнились первые выпуски. Нашими выпускниками были такие ныне известные живописцы, как академики Российской академии художеств Юрий Абисалов, Олег Басаев, Харитон Ногаев, художники Людмила Байцаева, Игорь Лотиев, Таймураз Маргиев, Нателла Левчук, Инесса Сабанова, Валерий Тавасиев, воспитанники Михаила Николаевича Дзбоева скульпторы Билар Царикаев, Олег Цхурбаев, Андрей Плиев, Казбек Наскидаев, Сергей Цахилов. Все они по окончании училища поступали в престижные столичные художественные вузы. Все они состоялись, хоть и состоялись по-разному. Талантливые, трудолюбивые, увлеченные.

Вспоминаю сейчас Инессу Сабанову. Это была девочка, которая умела все. И Сережа Цахилов умел все. Как было ими не гордиться? А как не гордиться Юрой Абисаловым, Людой Байца-

евой? Представляете, какая у нас Люда? Она овладела такой сложной техникой, как горячая эмаль, делает прекрасные вещи. Люда хорошо известна и у нас, и за границей. А Фатима Цаллагова? Как успешно она работает в технике акварели. В залах Художественного музея имени Туганова недавно прошла выставка «АКВАТЕРРА», где были представлены акварели Фатимы Цаллаговой и ювелирная керамика Дзерассы Лозовой (Цогоевой), тоже нашей выпускницы, которая живет в Питере и очень любит Осетию.

Всех не перечислишь. Но, когда начинаешь вспоминать наших выпускников, тепло становится на душе. Вот я сегодня спросила председателя Союза художников Таймураза Маргиева, сколько в Союзе наших, училищных. Училищными я называю всех тех, кто когда-то у нас учился, независимо от того, продолжил дальнейшую учебу или нет. Посчитали, оказалось: почти половина членов Союза художников — это бывшие наши.

Не могу не сказать о Шалве Бедоеве, который в 1993 году создал кафедру изобразительного искусства на факультете искусств СОГУ. Это было великое дело, великое и своевременное. Своевременное потому, что наступили такие времена, когда неподъемно стало выезжать на учебу за пределы республики. Но Шалва Бедоев знал, специалистов какого уровня выпускает училище, иначе бы не решился на такой поступок. Он знал, что наших ребят можно учить. Часть педагогов училища после открытия кафедры изобразительного искусства ушла на преподавательскую работу туда. Таким образом у нас было создано непрерывное профессиональное образование художников. Образование хорошее, качественное, не уступающее столичному.

ПРО ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Отрадно отметить, что должность завкафедрой изобразительного искусства СОГУ занимает сейчас наш выпускник Олег Басиев. Декан факультета искусств Мадина Атаева, искусствовед, — тоже наша выпускница. Директор Владикавказского художественного училища Аслан Хетагуров — тоже наш выпускник. А значит, не прерывается связь поколений. И традиции, заложенные 50 лет назад, продолжают.

Антон ЧЕХОВ

ГУСЕВ

РАССКАЗ

В оформлении использована иллюстрация О. Яхнина

I
У

же потемнело, скоро ночь.

Гусев, бессрочноотпускной рядовой, приподнимается на койке и говорит вполголоса:

— Слышишь, Павел Иванович? Мне один солдат в Сучане сказывал: ихнее судно, когда они шли, на рыбину наехало и днище себе проломило.

Человек неизвестного звания, к которому он обращается и которого все в судовом лазарете зовут Павлом Ивановичем, молчит, как будто не слышит.

И опять наступает тишина... Ветер гуляет по снастям, стучит винт, хлещут волны, скрипят койки, но ко всему этому давно уже привыкло ухо, и кажется, что всё кругом спит и безмолвствует. Скучно. Те трое больных — два солдата и один матрос, — которые весь день играли в карты, уже спят и бредят.

Кажется, начинает покачивать. Койка под Гусевым медленно поднимается и опускается, точно вздыхает — и этак раз, другой, третий... Что-то ударилось о пол и зазвенело: должно быть, кружка упала.

— Ветер с цепи сорвался... — говорит Гусев, прислушиваясь.

На этот раз Павел Иванович кашляет и отвечает раздраженно:

— То у тебя судно на рыбу наехало, то ветер с цепи сорвался... Ветер зверь, что ли, что с цепи срывается?

— Так крещенные говорят.

— И крещенные такие же невежды, как ты... Мало ли чего они не говорят? Надо свою голову иметь на плечах и рассуждать. Бессмысленный человек.

Павел Иванович подвержен морской болезни. Когда качает, он обыкновенно сердится и приходит в раздражение от малейшего пустяка. А сердиться, по мнению Гусева, положительно не на что. Что странного или мудреного, например, хоть в рыбе или в ветре, который срывается с цепи? Положим, что рыба величиной с гору и что спина у нее твердая, как у осетра; также положим, что там, где конец света, стоят толстые каменные стены, а к стенам прикованы злые ветры... Если они не сорвались с цепи, то

Печатается по изданию: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 7. С. 327–339.

почему же они мечутся по всему морю как угорелые и рвутся, словно собаки? Если их не приковывают, то куда же они деваются, когда бывает тихо?

Гусев долго думает о рыбах величиною с гору и о толстых, заржавленных цепях, потом ему становится скучно, и он начинает думать о родной стороне, куда теперь возвращается он после пятилетней службы на Дальнем Востоке. Рисуеться ему громадный пруд, занесенный снегом... На одной стороне пруда фарфоровый завод кирпичного цвета, с высокой трубой и с облаками черного дыма; на другой стороне — деревня... Из двора, пятого с краю, едет в санях брат Алексей; позади него сидят сынишка Ванька, в больших валенках, и девчонка Акулька, тоже в валенках. Алексей выпивши, Ванька смеется, а Акулькина лица не видать — закуталась.

«Не ровен час, детей поморозит...» — думает Гусев.

— Пошли им, господи, — шепчет он, — ума-разума, чтоб родителей почитали и умней отца-матери не были...

— Тут нужны новые подметки, — бредит басом больной матрос. — Да, да!

Мысли у Гусева обрываются, и вместо пруда вдруг ни к селу ни к городу показывается большая бычья голова без глаз, а лошадь и сани уж не едут, а кружатся в черном дыму. Но он все-таки рад, что повидал родных. Радость захватывает у него дыхание, бегают мурашками по телу, дрожит в пальцах.

— Привел господь повидаться! — бредит он, но тотчас же открывает глаза и ищет в потемках воду.

Он пьет и ложится, и опять едут сани, потом опять бычья голова без глаз, дым, облака... И так до рассвета.

II

Сначала в потемках обозначается синий кружок — это круглое окошечко; потом Гусев мало-помалу начинает различать своего соседа по койке, Павла Ивановича. Этот человек спит сидя, так как в лежачем положении он задыхается. Лицо у него серое, нос длинный, острый, глаза, оттого что он страшно исхудал, громадные; виски впали, борода жиденькая, волосы на голове длинные... Глядя на лицо, никак не поймешь, какого он звания: барин ли, купец или мужицкого звания? Судя по выражению и длинным волосам, он как будто бы постник, монастырский послушник, а прислушаешься к его словам — выходит, как будто бы и не монах. От качки, духоты и от своей болезни он изнемог, тяжело дышит и шевелит высохшими губами. Заметив, что Гусев глядит на него, он поворачивается к нему лицом и говорит:

— Я начинаю догадываться... Да... Я теперь отлично все понимаю.

— Что вы понимаете, Павел Иванович?

— А вот что... Мне все казалось странным, как это вы, тяжело больные, вместо того, чтобы находиться в покое, очутились на пароходе, где и духота, и жар, и качка, все, одним словом, угрожает вам смертью, теперь же для меня все ясно... Да... Ваши доктора сдали вас на пароход, чтобы отвязаться от вас. Надоело с вами возиться, со скотами... Денег вы им не платите, возня с вами, да и отчетность своими смертями портите — стало быть, скоты! А отделаться от вас нетрудно... Для этого нужно только, во-первых, не иметь совести и человеколюбия и, во-вторых, обмануть пароходное начальство. Первое условие можно хоть и не считать, в этом отношении мы артисты, а второе всегда удается при некотором навыке. В толпе четырехсот здоровых солдат и матросов пять больных не бросаются в глаза; ну согнали вас на пароход, смешали со здоровыми, наскоро сосчитали и в суматохе ничего дурного не заметили, а когда пароход отошел, то и увидели: на палубе валяются параличные да чахоточные в последнем градусе...

Гусев не понимает Павла Ивановича; думая, что ему делают выговор, он говорит в свое оправдание:

— Я лежал на палубе потому, что сил не было; когда нас из баржи на пароход выгружали, я шибко озяб.

— Возмутительно! — продолжает Павел Иванович. — Главное, отлично ведь знают, что вы не перенесете этого далекого перехода, а все-таки сажают вас сюда! Ну, положим, до Индейского океана вы дойдете, а потом что? Страшно подумать... И это благодарность за верную, беспорочную службу!

Павел Иванович делает злые глаза, брезгливо морщится и говорит, задыхаясь:

— Вот бы кого в газетах расщелкать так, чтобы перья посыпались!

Больные два солдата и матрос проснулись и уже играют в карты. Матрос полулежит на койке, солдаты сидят возле на полу и в самых неудобных позах. У одного солдата правая рука в повязке и на кисти наворочена целая шапка, так что карты держит он в правой подмышке или в локтевом сгибе, а ходит левой рукой. Сильно качает. Нельзя ни встать, ни чаю напиток, ни лекарства принять.

— Ты в денщиках служил? — спрашивает Павел Иванович у Гусева.

— Точно так, в денщиках.

— Боже мой, боже мой! — говорит Павел Иванович и печально покачивает головой. — Вырвать человека из родного гнезда,

тащить пятнадцать тысяч верст, потом вогнать в чахотку и... и для чего все это, спрашивается? Для того, чтоб сделать из него денщика для какого-нибудь капитана Копейкина или мичмана Дырки. Как много логики!

— Дело нетрудное, Павел Иванович. Встанешь утром, сапоги почишь, самовар поставишь, комнаты уберешь, а потом и делать нечего. Поручик целый день планты чертит, а ты хочешь — богу молись, хочешь — книжки читай, хочешь — на улицу ступай. Дай бог всякому такой жизни.

— Да, очень хорошо! Поручик планты чертит, а ты весь день на кухне сидишь и по родине тоскуешь... Планты... Не в плантах дело, а в жизни человеческой! Жизнь не повторяется, щадить ее нужно.

— Оно конечно, Павел Иванович, дурному человеку нигде пощады нет, ни дома, ни на службе, но ежели ты живешь правильно, слушаешься, то какая кому надобность тебя обижать? Господа образованные, понимают... За пять лет я ни разу в карцере не сидел, а бит был, дай бог память, не больше одного раза...

— За что?

— За драку. У меня рука тяжелая, Павел Иванович. Вошли к нам во двор четыре манзы; дрова носили, что ли — не помню. Ну мне скучно стало, я им того, бока помял, у одного проклятого из носа кровь пошла... Поручик увидел в окошко, осерчал и дал мне по уху.

— Глупый, жалкий ты человек... — шепчет Павел Иванович. — Ничего ты не понимаешь.

Он совсем изнемог от качки и закрыл глаза; голова у него то откидывается назад, то опускается на грудь. Несколько раз пробует он лечь, но ничего у него не выходит: мешает удушие.

— А за что ты четырех манз побил? — спрашивает он, немного погодя.

— Так. Во двор вошли, я и побил.

И наступает тишина... Картежники играют часа два, с азартом и с руганью, но качка утомляет и их; они бросают карты и ложатся. Опять рисуется Гусеву большой пруд, завод, деревня... Опять едут сани, опять Ванька смеется, а Акулька-дура распахнула шубу и выставила ноги: глядите, мол, люди добрые, у меня не такие валенки, как у Ваньки, а новые.

— Шестой годочек пошел, а все еще разума нет! — бредит Гусев. — Заместо того, чтобы ноги задирать, поди-кась дядьке служивому напиться принеси. Гостинца дам.

Вот Андрон с кремневым ружьем на плече несет убитого зайца, а за ним идет дряхлый жид Исайчик и предлагает ему променять зайца на кусок мыла; вот черная телочка в сенах, вот Домна руба-

ху шьет и о чем-то плачет, а вот опять бычья голова без глаз, черный дым...

Наверху кто-то громко крикнул, пробежало несколько матросов; кажется, протасили по палубе что-то громоздкое или что-то треснуло. Опять пробежали... Уж не случилось ли несчастье? Гусев поднимает голову, прислушивается и видит: два солдата и матрос опять играют в карты; Павел Иванович сидит и шевелит губами. Душно, нет сил дышать, пить хочется, а вода теплая, противная... Качка не унимается.

Вдруг с солдатом-картежником делается что-то странное... Он называет черви бубнами, путается в счете и роняет карты, потом испуганно и глупо улыбается и обводит всех глазами.

— Я сейчас, братцы... — говорит он и ложится на пол.

Все в недоумении. Его окликают, он не отзывается.

— Степан, может, тебе нехорошо, а? — спрашивает другой солдат с повязкой на руке. — Может, попа призвать, а?

— Ты, Степан, воды выпей... — говорит матрос. — На, братишка, пей.

— Ну что ты его по зубам кружкой колотишь? — сердится Гусев. — Нешто не видишь, голова садовая?

— Что?

— Что! — передразнивает Гусев. — В нем дыхания нет, помер! Вот тебе и — что! Экий народ неразумный, господи ты боже мой!..

III

Качки нет, и Павел Иванович повеселел. Он уже не сердится. Выражение лица у него хвастливое, задорное и насмешливое. Он как будто хочет сказать: «Да, сейчас я скажу вам такую штуку, что вы все от смеха животы себе порвете». Круглое окошечко открыто, и на Павла Ивановича дует мягкий ветерок. Слышны голоса, шлепанье весел о воду... Под самым окошечком кто-то завывает тоненьким, противным голоском: должно быть, китаец поет.

— Да, вот мы и на рейде, — говорит Павел Иванович, насмешливо улыбаясь. — Еще какой-нибудь один месяц, и мы в России. Нда-с, многоуважаемые господа солдафоны. Приеду в Одессу, а оттуда прямо в Харьков. В Харькове у меня литератор приятель. Приду к нему и скажу: «Ну, брат, оставь на время свои гнусные сюжеты насчет бабьих амуров и красот природы и обличай двуногую мразь... Вот тебе темы...

Минуту он думает о чем-то, потом говорит:

— Гусев, а ты знаешь, как я надул их?

— Кого, Павел Иванович?

— Да этих самых... Понимаешь ли, тут на пароходе существуют только первый и третий классы, причем в третьем классе дозволяется ехать одним только мужикам, то есть хамам. Если же ты в пиджаке и хоть издали похож на барина или на буржуа, то изволь ехать в первом классе. Хоть тресни, а выкладывай пятьсот рублей. К чему, спрашиваю, завели вы такой порядок? Уж не хотите ли поднять этим престиж российской интеллигенции? «Нисколько. Не пускаем вас просто потому, что в третьем классе нельзя ехать порядочному человеку: уж очень там скверно и безобразно». Да-с? Благодарю, что так заботитесь о порядочных людях. Но, во всяком случае, скверно там или хорошо, а пятисот рублей у меня нет. Казны я не грабил, инородцев не эксплуатировал, контрабандой не занимался, никого не заперол до смерти, а потому судите: имею ли я право восседать в первом классе, а тем паче причислять себя к российской интеллигенции? Но их логикой не проймешь... Пришлось прибегнуть к надувательству. Надел я чуйку и большие сапоги, соорил пьяную хамскую рожу и иду к агенту. «Давай, говорю, ваше высокоблагородие, билетешко...»

— А вы сами какого звания? — спрашивает матрос.

— Духовного. Мой отец был честный поп. Всегда говорил великим мира сего правду в глаза и за это много страдал.

Павел Иванович утомился говорить и задыхается, но все-таки продолжает:

— Да, я всегда говорю в лицо правду... Я никого и ничего не боюсь. В этом отношении между мной и вами разница громадная. Вы люди темные, слепые, забитые, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете... Вам говорят, что ветер с цепи срывается, что вы скоты, печенеги, вы и верите; по шее вас бьют, вы ручку целуете; ограбит вас какое-нибудь животное в енотовой шубе и потом швырнет вам пятиалтынный на чай, а вы: «Пожалуйте, барин, ручку». Парии вы, жалкие люди... Я же другое дело. Я живу сознательно, я все вижу, как видит орел или ястреб, когда летает над землей, и все понимаю. Я воплощенный протест. Вижу произвол — протестую, вижу ханжу и лицемера — протестую, вижу торжествующую свинью — протестую. И я непобедим, никакая испанская инквизиция не может заставить меня замолчать. Да... Отрежь мне язык — буду протестовать мимикой, замуравь меня в погреб — буду кричать оттуда так, что за версту будет слышно, или уморю себя голодом, чтоб на их черной совести одним пудом было больше, убей меня — буду являться тенью. Все знакомые говорят мне: «Невыносимейший вы человек, Павел Иванович!» Горжусь такой репутацией. Прослужил на Дальнем Востоке три года, а оставил после себя память на сто лет: со всеми

разругался. Приятели пишут из России: «Не приезжай». А я вот возьму да на зло и приеду... Да... Вот это жизнь, я понимаю. Это можно назвать жизнью.

Гусев не слушает и смотрит в окошечко. На прозрачной, нежно-бирюзовой воде, вся залитая ослепительным горячим солнцем, качается лодка. В ней стоят голые китайцы, протягивают вверх клетки с канарейками и кричат:

— Поет! Поет!

О лодку стукнулась другая лодка, пробежал паровой катер. А вот еще лодка: сидит в ней толстый китаец и ест палочками рис. Лениво колышется вода, лениво несутся над нею белые чайки.

«Вот этого жирного по шее бы смазать...» — думает Гусев, глядя на толстого китайца и зевая.

Он дремлет, и кажется ему, что вся природа находится в дремоте. Время бежит быстро. Незаметно проходит день, незаметно наступают потемки... Пароход не стоит уж на месте, а идет куда-то дальше.

IV

Проходит два дня. Павел Иванович уже не сидит, а лежит; глаза у него закрыты, нос стал как будто острее.

— Павел Иванович! — окликает его Гусев. — А, Павел Иванович!

Павел Иванович открывает глаза и шевелит губами.

— Вам нездорово?

— Ничего... — отвечает Павел Иванович, задыхаясь. — Ничего, даже, напротив... лучше... Видишь, я уже и лежать могу... Полегчало...

— Ну и слава богу, Павел Иванович.

— Как сравнишь себя с вами, жалко мне вас... бедняг. Легкие у меня здоровые, а кашель это желудочный... Я могу перенести ад, не то что Красное море! К тому же я отношусь критически и к болезни своей, и к лекарствам. А вы... вы темные... Тяжело вам, очень, очень тяжело!

Качки нет, тихо, но зато душно и жарко, как в бане; не только говорить, но даже слушать трудно. Гусев обнял колени, положил на них голову и думает о родной стороне. Боже мой, в такую духоту какое наслаждение думать о снеге и холоде! Едешь на санях; вдруг лошади испугались чего-то и понесли... Не разбирая ни дорог, ни канав, ни оврагов, несутся они, как бешеные, по всей деревне, через пруд, мимо завода, потом по полю... «Держи! — кричат во все горло заводские и встречные. — Держи!» Но зачем держать! Пусть резкий, холодный ветер бьет в лицо и кусает руки,

пусть комья снега, подброшенные копытами, падают на шапку, за воротник, на шею, на грудь, пусть визжат полозья и обрываются постромки и вальки, черт с ними совсем! А какое наслаждение, когда опрокидываются сани и летишь со всего размаху в сугроб, прямо лицом в снег, а потом встанешь весь белый, с сосульками на усах; ни шапки, ни рукавиц, пояс развязался... Люди хохочут, собаки лают...

Павел Иванович открывает наполовину один глаз, глядит им на Гусева и спрашивает тихо:

— Гусев, твой командир крал?

— А кто ж его знает, Павел Иванович! Мы не знаем, до нас не доходит.

И затем много времени проходит в молчании. Гусев думает, бредит и то и дело пьет воду; ему трудно говорить, трудно слушать, и боится он, чтоб с ним не заговорили. Проходит час, другой, третий; наступает вечер, потом ночь, но он не замечает этого, а все сидит и думает о морозе.

Слышно, как будто кто вошел в лазарет, раздаются голоса, но проходит минут пять, и все смолкает.

— Царство небесное, вечный покой, — говорит солдат с повязкой на руке. — Непокойный был человек!

— Что? — спрашивает Гусев. — Кого?

— Помер. Сейчас наверх унесли.

— Ну что ж, — бормочет Гусев, зевая. — Царство небесное.

— Как, по-твоему, Гусев? — спрашивает после некоторого молчания солдат с повязкой. — Будет он в царстве небесном или нет?

— Про кого ты?

— Про Павла Ивановича.

— Будет... мучился долго. И то взять, из духовного звания, а у попов родни много. Замолят.

Солдат с повязкой садится на койку к Гусеву и говорит вполголоса:

— И ты, Гусев, не жилец на этом свете. Не доедешь ты до России.

— Нешто доктор или фельдшер сказывал? — спрашивает Гусев.

— Не то чтобы кто сказывал, а видать... Человека, который скоро помрет, сразу видно. Не ешь ты, не пьешь, исхудал — глядеть страшно. Чохотка, одним словом. Я говорю не для того, чтобы тебя тревожить, а к тому, может, ты захочешь причаститься и собороваться. А ежели у тебя деньги есть, то сдал бы ты их старшему офицеру.

— Я домой не написал... — вздыхает Гусев. — Помру, и не узнают.

— Узнают, — говорит басом больной матрос. — Когда помрешь, здесь запишут в вахтенный журнал, в Одессе дадут воинскому начальнику выписку, а тот пошлет в волость или куда там...

Гусеву становится жутко от такого разговора, и начинает его томить какое-то желание. Пьет он воду — не то; тянется к круглому окошечку и вдыхает горячий, влажный воздух — не то; старается думать о родной стороне, о морозе — не то... Наконец, ему кажется, что если он еще хоть одну минуту пробудет в лазарете, то непременно задохнется.

— Тяжко, братцы... — говорит он. — Я пойду наверх. Сведите меня, ради Христа, наверх!

— Ладно, — соглашается солдат с повязкой. — Ты не дойдешь, я тебя снесу. Держись за шею.

Гусев обнимает солдата за шею, тот обхватывает его здоровую руку и несет наверх. На палубе вповалку спят бессрочноотпускные солдаты и матросы; их так много, что трудно пройти.

— Становись наземь, — говорит тихо солдат с повязкой. — Иди за мной потихоньку, держись за рубаху...

Темно. Нет огней ни на палубе, ни на мачтах, ни кругом на море. На самом носу стоит неподвижно, как статуя, часовой, но похоже на то, как будто и он спит. Кажется, что пароход представлен собственной воле и идет куда хочет.

— В море теперь Павла Иваныча бросят... — говорит солдат с повязкой. — В мешок да в воду.

— Да. Порядок такой.

— А дома в земле лучше лежать. Всё хоть мать придет на могилку да поплачет.

— Известно.

Запахло навозом и сеном. Понутив головы, стоят у борта быки. Раз, два, три... восемь штук! А вот и маленькая лошадка. Гусев протягивает руку, чтобы приласкать ее, но она мотнула головой, оскалила зубы и хочет укусить его за рукав.

— Проклятая... — сердится Гусев.

Оба, он и солдат, тихо пробираются к носу, потом становятся у борта и молча глядят то вверх, то вниз. Наверху глубокое небо, ясные звезды, покой и тишина — точь-в-точь как дома, в деревне, внизу же — темнота и беспорядок. Неизвестно для чего, шумят высокие волны. На какую волну ни посмотришь, всякая старается подняться выше всех, и давит, и гонит другую; на нее с шумом, отсвечивая своей белой гривой, налетает третья, такая же свирепая и безобразная.

У моря нет ни смысла, ни жалости. Будь пароход поменьше и сделан не из толстого железа, волны разбили бы его без всякого

сожаления и сожрали бы всех людей, не разбирая святых и грешных. У парохода тоже бессмысленное и жестокое выражение. Это носатое чудовище прет вперед и режет на своем пути миллионы волн; оно не боится ни потемок, ни ветра, ни пространства, ни одиночества, ему всё нипочем, и если бы у океана были свои люди, то оно, чудовище, давило бы их, не разбирая тоже святых и грешных.

— Где мы теперь? — спрашивает Гусев.

— Не знаю. Должно, в океане.

— Не видать земли...

— Где ж! Говорят, только через семь дней увидим.

Оба солдата смотрят на белую пену, отсвечивающую фосфором, молчат и думают. Первый нарушает молчание Гусев.

— А ничего нету страшного, — говорит он. — Только жутко, словно в темном лесу сидишь, а ежели б, положим, спустили сейчас на воду шлюпку и офицер приказал ехать за сто верст в море рыбу ловить — поехал бы. Или, скажем, крещеный упал бы сейчас в воду — упал бы и я за им. Немца или манзу не стал бы спасать, а за крещеным полез бы.

— А помирать страшно?

— Страшно. Мне хозяйства жалко. Брат у меня дома, знаешь, не степенный: пьяница, бабу зря бьет, родителей не почитает. Без меня все пропадет, и отец со старухой, гляди, по миру пойдут. Одначе, брат, ноги у меня не стоят, да и душно тут... Пойдем спать.

V

Гусев возвращается в лазарет и ложится на койку. По-прежнему томит его неопределенное желание и он никак не может понять, что ему нужно. В груди давит, в голове стучит, во рту так сухо, что трудно пошевелить языком. Он дремлет и бредит и, замученный кошмарами, кашлем и духотой, к утру крепко засыпает. Снится ему, что в казарме только что вынули хлеб из печи, а он залез в печь и парится в ней березовым веником. Спит он два дня, а на третий в полдень приходят сверху два матроса и выносят его из лазарета.

Его зашивают в парусину и, чтобы он стал тяжелее, кладут вместе с ним два железных колосника. Зашитый в парусину, он становится похожим на морковь или редьку: у головы широко, к ногам узко... Перед заходом солнца выносят его на палубу и кладут на доску; один конец доски лежит на борте, другой на ящике, поставленном на табулете. Вокруг стоят бессрочноотпускные и команда без шапок.

— Благословен бог наш, — начинает священник, — всегда, ныне и присно и во веки веков!

— Аминь! — поют три матроса.

Бессрочноотпускные и команда крестятся и поглядывают в сторону на волны. Странно, что человек зашит в парусину и что он полетит сейчас в волны. Неужели это может случиться со всяким?

Священник посыпает Гусева землей и кланяется. Поют «вечную память».

Вахтенный приподнимает конец доски, Гусев сползает с нее, летит вниз головой, потом перевортывается в воздухе и — бултых! Пена покрывает его, и мгновение кажется он окутанным в кружева, но прошло это мгновение — и он исчезает в волнах.

Он быстро идет ко дну. Дойдет ли? До дна, говорят, четыре версты. Пройдя сажень восемь-десять, он начинает идти тише и тише, мерно покачивается, точно раздумывает, и, увлекаемый течением, уж несется в сторону быстрее, чем вниз.

Но вот встречает он на пути стаю рыбок, которых называют лоцманами. Увидев темное тело, рыбки останавливаются как вкопанные, и вдруг все разом поворачивают назад и исчезают. Меньше чем через минуту они быстро, как стрелы, опять налетают на Гусева и начинают зигзагами пронизывать вокруг него воду...

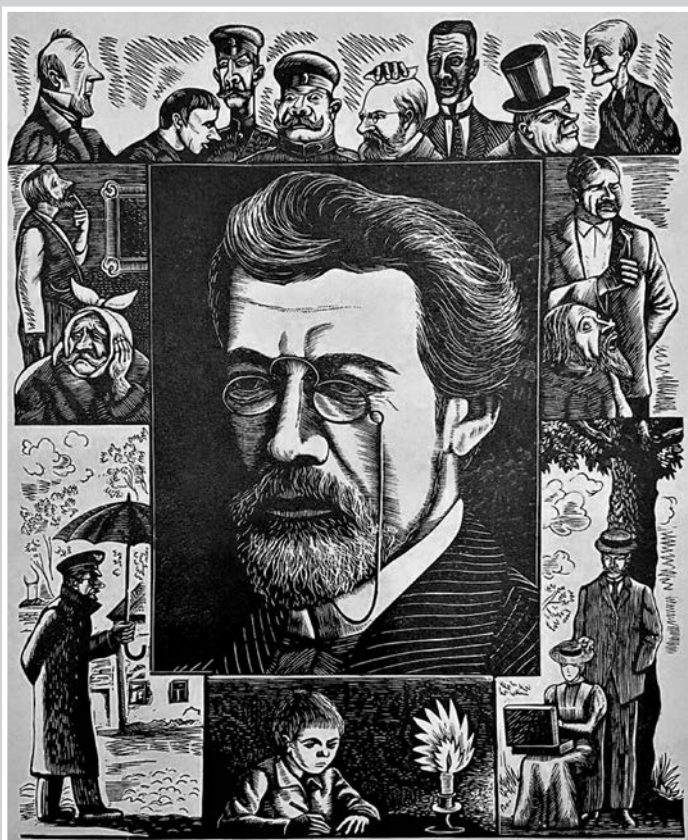
После этого показывается другое темное тело. Это акула. Она важно и нехотя, точно не замечая Гусева, подплывает под него, и он опускается к ней на спину, затем она поворачивается вверх брюхом, нежится в теплой, прозрачной воде и лениво открывает пасть с двумя рядами зубов. Лоцмана в восторге; они остановились и смотрят, что будет дальше. Поигравши телом, акула нехотя подставляет под него пасть, осторожно касается зубами, и парусина разрывается во всю длину тела, от головы до ног; один колосник выпадает и, испугавши лоцманов, ударивши акулу по боку, быстро идет ко дну.

А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, сгущаются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы... Из-за облаков выходит широкий зеленый луч и протягивается до самой середины неба; немного погодя рядом с этим ложится фиолетовый, рядом с ним золотой, потом розовый... Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно.

Мария БУРЦЕВА

КАРТИНА МИРА РЯДОВОГО ГУСЕВА

ПО РАССКАЗУ А. П. ЧЕХОВА «ГУСЕВ»

В оформлении использована иллюстрация из свободного доступа сети Интернет

Парадокс творчества Чехова заключается в том, что в его произведениях всегда раскрывается суть «простого» и «сложного». Писатель умело маскирует в символах и контрастах запутанное человеческое представление о жизни, не говоря при этом напрямую о нравственности и морали. В рассказе «Гусев» мы сталкиваемся с очередной чеховской истиной, которая сложна тем, что до невозможности проста. Существует она в единстве образов природы и героев, в данном случае раскрываясь через мироощущение обычного крестьянского парня, в момент знакомства с ним читателя — солдата, доживающего свои последние часы.

Гусев — «бессмысленный человек». Это одна из первых характеристик главного героя, которая явно не производит положительного впечатления. На первый взгляд кажется, что Гусев — типичный «маленький человек», у которого даже нет имени. Однако именно в отсутствии последнего прослеживается связь с идеей всего рассказа: какая-то неоднозначность, таинственность, двусмысленная простота скрываются во всей сути этого человека.

Образ героя, как и все произведение, насыщен контрастами и столкновениями: свет и тьма, верх и низ, добро и зло, христианство и язычество, сон/бред и явь. И все это Гусев воспринимает как нечто одухотворенное, пропускает через себя, передавая картину мира через собственные чувства и ощущения. Окружающая обстановка будто оживает, проходя сквозь сознание героя: «койка под Гусевым медленно поднимается и опускается, точно вздыхает»; «что-то ударилось о пол и зазвенело: должно быть, кружка упала; ветер с цепи сорвался...»; «ветер гуляет по снастям, стучит винт, хлещут волны, скрипят койки...» [1, с. 327] и т. д. Ветер, кружка, койка, волны — все они живут в ощущениях Гусева, находясь в постоянном движении. Однако здесь наблюдается

первое противоречие: «...но ко всему этому давно уже привыкло ухо, и кажется, что все кругом спит и безмолвствует» [1, с. 327]. Выходит, что все вокруг одушевленные и неодушевленные предметы движутся только для читателя — в сознании же Гусева все они уже давно застыли. Возникают ассоциации с часами и временем: его оболочка — это аппарат, а сознание — механизм, заключенный в этот статичный прибор, в котором время неопределенно и хаотично.

Столкновение происходит и в самом Гусеве — оно непосредственно связано с его религиозностью. С одной стороны, он отвержен христианскому мировоззрению: в бреде Гусев постоянно молится («Пошли им, господи, — шепчет он, — ума-разума, чтоб родителей почитали и умней отца-матери не были...» [1, с. 328]), в течение всего рассказа не раз обращается к Господу, выражает ему благодарность («Привел господь повидаться!» [1, с. 328]), не раз упоминает о крещеных и особой симпатии к ним («Так крещеные говорят» [1, с. 327]); «Немца или манзу не стал бы спасать, а за крещеным полез бы» [1, с. 337]). И чувствуется в этих деталях не простое неразумное восклицание, а мягкость и осознанность, свойственная людям религиозным, искренне взывающим к Богу. С другой же стороны, Гусев суеверен. Мы наблюдаем неоднократное упоминание языческой символики. Во-первых, природные явления, будь то океан, небо, волны, ветер и даже пароход, обретают человеческие свойства типа чувств, эмоций, действий (например: «ветер с цепи сорвался»; «...носатое чудовище прет вперед и режет на своем пути миллионы волн; оно не боится ни потемок, ни ветра, ни пространства, ни одиночества, ему всё ни почем, и если бы у океана были свои люди, то оно, чудовище, давило бы их, не разбирая тоже святых и грешных» [1, с. 327] и т. д.). Наделение природных стихий человеческими характеристиками имеет прямое отношение к мифологии язычества, где любой предмет мог находиться под покровительством того или иного божества. Во-вторых, большое значение имеет закономерно возникающий в бреде Гусева образ безглазой бычьей головы и черного дыма. В славянском язычестве существует бог Велес — покровитель земледельцев, торговцев, воинов, охотников. Он не относится к светлой или темной стороне: Велес способен как помочь, так и навредить. Его главным атрибутом является голова быка, которую мы и наблюдаем в видениях Гусева. Обычно бычья голова — символ стойкости и силы духа. Однако герою она является без глаз, что, возможно, следует трактовать как потерю света, покровительства, предвестие скорой смерти, лишение духовного зрения. К тому же сопровождаемый голову безглазого быка

черный дым, исходящий, скорее всего, от большого костра, предстает в качестве символа жертвоприношения. Однако этот символ необязательно несет в себе негативный оттенок: возможно, жертва обернется возрождением. Здесь уже прослеживается связь с огненной птицей Фениксом.

Быки возникают и в одном из последних видений Гусева, однако вместе с ними он видит лошадку, которая злобно скалит зубы и тянется укусить его за рукав. Гусев оторван от родной земли, оттого, может, лошадка и скалится, что понимает и чувствует его оторванность, причем не только физическую, но и духовную, так как за героем медленно шагает смерть.

Верх и низ в рассказе тоже перекликаются с религиозной тематикой. Так, верх (небо, палуба корабля) традиционно связан с божественной обителью и мотивом воскрешения, а низ (дно океана, трюм) представляют собой царство мертвых. Изначально эти явления противопоставлены друг другу, однако через мироощущение Гусева мы понимаем, что они неизбежно связаны и только в своем равновесии составляют «единый космос чеховского рассказа» [2, с. 42–43].

Контраст ощущается и на уровне взаимоотношений Гусева и Павла Ивановича. Если последний не может принять жизнь такой, какой она перед ним предстает, пребывает в вечном противостоянии не только с окружающим миром, но и с самим собой, то в главном герое чувствуется смиренность, крестьянская мудрость, религиозная (т. е. жизненная) осознанность и рождаемая в их единстве духовная и физическая гармония. Поначалу эта разница может вызвать несерьезное отношение к главному герою: он кажется глупым, порой до раздражения наивным (это наблюдается на примере их диалогов с Павлом Ивановичем), существующим в своем отдельном мире. Все его действия, поступки и размышления нелогичны, они неразрывно связаны с чувствами и ощущениями, отчего кажутся несобранными и даже отталкивающими. Но при этом сложным, многогранным является образ именно этого простого крестьянина. Гусев связывает между собой пространство, время, общую картину мира и природу в рассказе. В соотношении духовной сущности героя и того, что находится «вне», проявляется главное противоречие не только всего произведения, но и человеческого мировосприятия в целом. Заключается оно в том, что «простое» оказывается более запутанным, многозначительным и мутным, а «сложное» — закономерным и обыденным. В предсмертной «исповеди» Павла Ивановича прослеживается неосознанное признание силы и духовного превосходства Гусева. Эта простота непознаваема, она непонятна

«сложному» Павлу Ивановичу, отчего тот озлоблен на весь мир, людей и жизнь.

Возвращаясь к вопросу об имени героя, отметим, что автор лишает имени своего персонажа не просто так: таким образом он отказывается от типизации характера, а также каких-либо теорий о возможных прототипах, что несколько сближает его с символическими. Однако основной мотив данного решения можно трактовать иначе: Чехов, внедряя очередного безымянного героя и наделяя его только лишь «животной» фамилией, будто пытается сконцентрировать все внимание на естественной его стороне, близкой природе.

Гусев будто существует в двух мирах: в пространстве корабля, от которого всячески стремится убежать, предаваясь воспоминаниям о доме, и в пространстве собственного сознания, которое то ли спасает его, то ли, наоборот, ускоряет его кончину. Причем важно отметить отношение Гусева к смерти, которое тоже двусмысленно. Он не боится ее, и все же ему страшно. Страшно за своих родных, за хозяйство, за то, что «без него все пропадет» [1, с. 337]. Здесь проявляются крестьянская сторона сущности Гусева, любовь к родине, к родным и дому.

Смерть Гусева такая же неоднозначная, как и его жизнь. С одной стороны, он опускается на самое дно, отрывается от жизни, попадает в царство мертвых. Однако, с другой стороны, в этой смерти читается перерождение или даже воскрешение. Море, согласно французскому философу Башляру, есть символ «материнского лона» [2, с. 43], что лишь подтверждает мысль о «реинкарнации» Гусева. К тому же подобный мотив можно проследить и в фамилии героя. Так, в европейской и славянской культурах гусь всегда олицетворял солнце, был связан с символикой жизни, созданием и возрождением [3], что лишь подтверждает бессмертие души Гусева.

В конце рассказа природа вновь играет важную роль в трактовке смерти и жизни главного героя: небо и океан, которые в начале рассказа представляются беспокойными, ветренными, сероватыми, преобразуются, образуя очередной контраст: «Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно» [1, с. 339]. Гусев, может, и бессмысленный, но в этом и заключается смысл его существования: он живет, и он умрет, а остальное не имеет значения. Во второй части статьи Ф. К. Бесоловой «Три голоса одной эпохи (Толстой, Чехов, Ницше)» точно

представлена подсознательная философия героя: «Естественный человек патриархальной картины мира, он не оценивает мироустройство — он принимает его в единстве двоичных и троичных свойств и составляющих, в гармонии многообразия» [4]. Гусев живет по негласному закону природы, согласно которому смысл жизни не в бесконечном поиске, а в самой жизни, в самом ее процессе. Природа бесстрастна, и он это понимает: «Грустная или веселая, сострадающая или безразличная — таковой природа существует исключительно в рефлексии человеческого сознания» [4]. Возможно, оттого Гусев намного счастливее: мелкие стычки для него — это не борьба за честь, а человеческая эмоция, нарушенная граница между «своими» и «чужими»; природа — не сырье, не гармония и даже не муза, а живой организм; религия — это не ярлык или философия с догматами, а сама жизнь; смерть — не конец, а неотделимая часть. Все это далеко от вечно суетливого, любопытствующего человеческого сознания, однако люди, подобные Гусеву, люди, стоящие у порога «новой жизни», приближаются к нему, касаются и навсегда забывают, и все же лишь для того, чтобы лучше запомнить.

Таким образом выстраивается картина мира рядового Гусева, которая, скорее всего, была свойственна и чеховскому мировоззрению. А. П. Чехова воистину можно считать «философом без философии»: он, как и его герой, не диктует законы, не выявляет причинно-следственные связи, не ищет закономерностей, но при этом его тексты заключают в себе невероятную глубину познания бытия и космической истины, суть которых заключена в самом человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Гусев // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 7. С. 327–339.
2. Матвеев И. В., Маматов Г. М. Герой и пространство в рассказе А. П. Чехова «Гусев». Материалы 58-й междунар. науч. студ. конф. Новосибирск, 2020. С. 42–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42988068>.
3. Иванова-Казас О. М. Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб., 2006. 172 с.
4. Бесолова Ф. К. Три голоса одной эпохи (Толстой, Чехов, Ницше) // Дарьял. 2012. № 4.

Вилен УАРЗИАТИ

ЧЕПЕНА

Танец «Чепена». Рисунок неустановленного автора из открытых источников

Чепена» — один из наиболее древних массовых танцев осетин, исполнявшийся на свадьбах исключительно взрослыми мужчинами. Однако к концу XIX века эта характерная особенность значительно трансформировалась, превратившись в «...танец сплошного смеха и веселья. Ни в коем случае ни обижаться, ни прибегать к оружию за обиду не полагалось» [1, с. 74]. Ко времени фиксации его в этнографической литературе он представлялся в следующем виде.

По окончании обычных танцев старшие из присутствовавших на свадьбе мужчин собирались в хоровод. Взяв друг друга под руки или опершись на плечи, они, медленно раскачиваясь, запевали в танце песню. Своего рода церемониймейстером (*радгæс*) являлся один из лучших певцов, танцоров и балагуров. Он задавал общий тон хороводу: запевал импровизируемый текст песни, которую подхватывали участники танца. Согласно его указаниям, передаваемым словами песни, танцующие исполняли различные, часто малоудобные, движения. В процессе всего танца он следил за точностью исполнения каждого заданного элемента. Каждая новая команда для танцующих встречалась припевом хора «Ой, ой, Чепена!», исполнялась мгновенно, ибо в противном случае распорядитель танца ударом палки или плети наказывал нерадивого исполнителя. Роль руководителя можно было оспаривать. Если он был слишком строгим или недостаточно веселым, то из массы танцующих кто-нибудь запевал о предложении сменить ведущего и хорошенько его проучить: бросить в воду или поколотить, что незамедлительно приводилось в исполнение.

В процессе танца *радгæс* предлагал танцорам различные движения: танцевальный шаг вправо (*рахизæрдæм чепена*), а затем влево (*галиуæрдæм чепена*), подскоки на носок (*къах-фындз*), подскоки с пятки на носок (*схъуугæ цыд*), переменные

Печатается по изданию: Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987. С. 39–44.

подскоки на одной ноге (*цугай къахыл чепена*), присядка (*дзуццæе бадтæй чепена*).

Танец весьма оживленно продолжался до тех пор, пока хозяева не выносили участникам хоровода традиционное подношение (*хуын*): три пирога, отварное мясо, выпивку. «Выпив и закусив, участники высказывают с прибаутками добрые пожелания новобрачному, рождения у них семи сыновей и одной синеокой девушки и расходятся» [2, л. 36 об.].

Танец сопровождался пением одноименной песни и исключал какое-либо другое инструментальное сопровождение. Этот факт свидетельствует о культовой подоплеке танца, нашедшей свое выражение в тесной связи хореографических па с фольклорным текстом. Вербальная часть этого комплекса в силу физиологии слуха более принудительна и, особенно в условиях контактного общения, обладает общей объединяющей силой. Структура песенных куплетов «Чепена» довольно проста и построена по принципу ритмо-синтаксического параллелизма. Содержание известных песенных текстов лишено тематического и сюжетного стержня и основывается на импровизации — характернейшей черте фольклора.

Вместе с тем тексты этих песен насыщены откровенными эротическими манифестациями. Подтверждением тому могут служить записи текстов «Чепена», сделанные в 1960 году в селах Туалгома участниками комплексной экспедиции Северо-Осетинского НИИ [3, л. 16–17, 127–131]. По мнению исследователей, в прошлом текстовки всех этих песен были эротического содержания, а хореографические движения, воспроизводимые в танце, были такого же сексуального содержания и имели магическое значение — способствовать чадородию новобрачных.

На данное содержание танца косвенно указывает и тот факт, что он исполнялся на свадьбе только под вечер, когда заканчивались все остальные виды танцев, свадебных игр и развлечений. Подчеркну, что в общество мужчин при исполнении «Чепена» никто не допускался. «Исключение могли составлять старушки, и то только те, что пользовались всеобщим уважением и притом отличались острым языком, гибкостью ума и незаурядным поэтическим дарованием. Молодежь обоего пола не подпускалась близко потому, что импровизируемый текст песни нередко изобилдовал куплетами явно двусмысленного содержания» [4, с. 21].

Любопытную подробность сообщает об этом танце М. С. Туганов: «Песня сопровождалась подчас самыми непристойными словами и действиями. Случалось, что мужчины кидались и на жен-

Современное исполнение «Чепена»

щин, стоявших вокруг танцоров. Однако женщины, предвидя такой афронт, заранее кидались в хадзар и там запирались» [1, с. 74].

Приведенные свидетельства позволяют предположить, что в основе танца существенный элемент — идея общения полов. В этом смысле осетинский танец «Чепена» можно сопоставить с эротическими обрядами хорошо известных в культовой практике древности, в том числе и у кавказских народов. Это храмовый гетеризм и вакханалии античного мира в изложении Дж. Фрэзера, фаллические праздники горных грузин, по записям В. В. Бардавелидзе, и некоторые обряды похоронного цикла у зихов-черкесов, описанные в XV веке Дж. Интерниано.

Было высказано предположение, что «...ничего подобного игре “Чепена”, насколько можно судить по доступным источникам, не встречается у соседних народов. Название игры не поддается объяснению на осетинском языке, однако по всей Осетии народ знает, что “Чепена” — это шуточная хороводная игра, исполняемая мужчинами» [4, с. 21]. Действительно, номинация «Чепена», при своей известности, не распознается. Отмечено лишь было, что она известна в Балкарии с тем же значением какого-то особого хороводного танца.

Данное замечание способствовало интересу к хореографическому искусству балкарцев и карачаевцев, в происхождении которых известную роль сыграли аланы. Б. А. Калоев, исследовавший вопрос об осетино-балкарских этнокультурных связях, пришел к выводу, что старинный круговой танец «Голлу» у балкарцев и

карачаевцев по манере исполнения очень близок к осетинскому «Чепена».

«Голлу» также исполнялся под руководством старшего из присутствующих мужчин (*тёречи*). По его указанию участники, взявшись за руки, становились в большой круг, начинали движение по кругу с хороводной пляской и пением: «Ойра, Голлу, ойра, Голлу, ты веселый Голлу». «Сам тёречи тоже становился в круг и регулировал движение танцующих. По его команде кружились то вправо, то влево. Так продолжалось до тех пор, пока танцующие не уставали. Но отдохнув, они снова становились в круг» [5, с. 9].

Высказывались предположения, что «Голлу» некогда был языческой хороводной песней, исполняемой на весенних календарных празднествах. Однако со временем и песня, и танец сменили свою прежнюю функцию и приняли шуточный характер. Новейшие изыскания в этой области показали, что со временем «Голлу» претерпел существенную трансформацию и в устах информаторов интерпретируется, на первый взгляд, довольно противоречиво. Одни считают, что проводимый в середине марта «Голлу», одновременно сочетавший в своей структуре танец, песню и заклинание, связан с аграрным календарем. Другие приписывают ему исключительно свадебные функции. Есть утверждение и о связи с похоронно-поминальной обрядностью» [5, с. 6–7].

Представляется, что и атрибуты массового хорового «Голлу» не противоречат друг другу и не выходят за рамки культа плодородия. Хорошо известно, что в традиционных воззрениях многих народов умерший имеет значительную власть над живыми и от того, как он расположен к оставшимся на земле, зависят их благополучие, богатство и неудачи. С другой стороны, сравнительно-этнографические данные отчетливо демонстрируют во многих, именно весенних, календарных обрядах связь плодородия земли с человеческим плодородием.

Иными словами, разрозненные факты о бытовании хороводно-го танца «Чепена» у осетин и «Голлу» у балкарцев и карачаевцев в своем единстве позволяют сделать вывод о культовом характере этого вида танцевального фольклора. В этой связи небезынтересно обратить внимание на то, что на карачаево-балкарском материале исполнение «Голлу» было строго приурочено к «Тотурну ал айында», что соответствует месяцу марту.

По поверьям осетин, считалось, что в праздничные дни «Тутыртæ» все окружено великой магической силой. Все дела и слова имели в эти дни такой вес и значение, что не подвергались

никакому сомнению. Повсеместно в эти дни было много веселья и игр. Вполне вероятно, что танец «Чепена», как правило относящийся к свадебной обрядности, мог исполняться и в эти радостные дни календарной обрядности.

Косвенным подтверждением этому предположению являются сравнительные материалы по дагестанской хореографии. Мужской обрядовый танец у аварцев и лакцев «Сапа» совершался «...сугубо в мужском обществе в отсутствие женщин, так как он содержал в себе “неприличные движения”» [6, с. 47]. По словам исследователя, «...музыкального сопровождения не было, а танец сопровождался громким припеванием: “Эй, сапа, аннид сапа, зунтал сапа, гяжуч!алил ч!иви сапа. — Эй, сапа, равнинное сапа, горное сапа, колосья кукурузы малое сапа”» [6, с. 49].

Как и осетинский «Чепена», карачаево-балкарский «Голлу», мужской обрядовый танец аварцев и лакцев «Сапа» исполнялся главным образом на свадьбах, в день летнего солнцеворота на горе Вацилу, весной в праздник рождения всех мальчиков общины, родившихся в течение года, и осенью, после сбора урожая. Иными словами, карачаево-балкарский и дагестанский этнографический материал подтверждает мнение о былой культовой значимости «Чепена» и исполнении его в наиболее ответственные дни семейной и календарной обрядности, символизировавшие зарождение новой жизни, а также составлявшие итог продуцирующей деятельности природы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Туганов М. С. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977.
2. Алборов Б. А. Из истории осетинского народного театра. ОРФ СОННИ. Искусство. Ф. 19. Д. 92 (на осет. яз.).
3. Исторический фольклор. ОРФ СОННИ. Фольклор. Ф. 286. П. 117.
4. Цхурбаева К. Г. Осетинские народные танцы и танцевальная музыка // Из истории русской и советской музыки. Вып. 3. М.: Музыка, 1978.
5. Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1981.
6. Булатова А. Г. Хореография в системе некоторых обрядов горного Дагестана // Быт сельского населения Дагестана. Махачкала, 1981.

Татьяна ОСТАЕВА

ПАВЕЛ ХАСИЕВ. ИСТОРИЯ И СУДЬБА

Художник не должен забывать о своем назначении — вести людей к светлому будущему». Эти слова заслуженного художника Южной Осетии Павла Хасиева могут стать не только эпиграфом к биографии мастера, но и являться своеобразным кредо, ключом к пониманию его всеобъемлющего творчества, духовного постижения, нравственных и этических основ жизненной позиции его как живописца и человека.

Заслуженный художник Южной Осетии Павел Хасиев — один из ярких представителей современной осетинской живописи. Он относится к той замечательной плеяде художников, творчество которых является классикой осетинского искусства. Хасиев постоянный участник республиканских, региональных, всесоюзных и международных выставок. Работы художника находятся в музеях, галереях, частных собраниях Южной Осетии, России и за рубежом.

Павел Хасиев удивительно гармоничная и многогранная личность. Обладая широкими познаниями в мировой истории, политике, культурологии, мифологии, интересуясь новейшими тенденциями в разных областях современного искусства, он успевает писать стихи, рассказы, сочинять афоризмы. Но эти увлечения подчиняются главному его призванию — писать картины, создавать свой уникальный и неповторимый мир художественных образов. Творческий диапазон художника чрезвычайно многолик и разнообразен как в живописно-образном языке, так и в жанрово-тематическом плане. За свою плодотворную жизнь Хасиевым создано огромное количество произведений станковой и монументальной живописи и графики, отличающихся высоким художественным уровнем.

Родина Павла Хасиева — Южная Осетия, что во многом определило творческий почерк художника, его полнокровную, звучную живопись, яркость, выразительность художественных образов. Южная Осетия — это край богатой истории, культуры, этнического самосознания, особый мир легенд, мифов, сказаний, неповторимой красоты природы. Все это стало для Хасиева той основой, которая повлияла на формирование его творческой позиции, философского мировоззрения, укрепило чувство патриотизма, любви к своему народу.

Павел Хасиев родился 4 апреля 1951 года в селении Корниси Юго-Осетинской автономной области. Начало творческого пути художника относится к 70–80-м годам. Свое первое профессиональное образование Хасиев получил на живописно-педагогическом отделении Цхинвальского художественного училища имени Махарбека Туганова, которое окончил в 1970 году. Многие выпускники этого училища стали известными художниками. Среди них: Магрес Келехсаев, Юрий Дзантиев, Шалва Бедоев, Батраз Дзиев, Жорж Гасинов и другие. Учителем Хасиева был замечательный художник и педагог Борис Санаков, который привил Павлу особую любовь к живописи, историческому

жанру, монументальной трактовке образа. В этом отношении сыграла роль и картина Санакоева «Коста с детьми», которая отличалась исторической достоверностью, народностью образа, эпическим размахом.

В 1974 году Хасиев поступил на факультет живописи Тбилисской государственной академии художеств, которую с отличием окончил в 1980 году. Знакомство с творчеством маститого художника Грузии Уча Джапаридзе, в творческой мастерской которого он учился, стало для него еще одним опытом в постижении искусства живописи. Лучшие традиции грузинского искусства привлекали Хасиева яркостью и звучностью цвета, светоносным колоритом, народностью характера. Многофигурные, масштабные композиции на исторические темы его учителя были созвучны творчеству самого Хасиева. В 1981 году он становится членом Союза художников СССР, а с 1992-го — членом Союза художников РФ. С начала 90-х годов художник живет и работает во Владикавказе, который стал для него родным.

Формирование творчества художника Хасиева происходило в сложный период, когда в советском искусстве намечались значительные перемены. Так, уже к 1970-м годам возник отечественный концептуализм, который при всем его стремлении к парадоксам и мистификациям имел социальный и исторический опыт народа. «Восьмидесятники» внесли в концептуальное искусство знаковую мистификацию, снабженную социальной символикой, которая пародировала стереотипы массовой культуры или демонстрировала агрессивное господство мира абсурда и социального алогизма. Все эти веяния оказали влияние и на творчество Хасиева. Вначале, как и многие художники того периода, Хасиев работал в стилистике соцреализма, часто выполняя и социальные заказы, отмеченные определенными темами, художественными канонами. Получив хорошее классическое образование, не переставая учиться у великих мастеров прошлого и современного искусства, интересуясь новейшими тенденциями отечественного и западноевропейского искусства, впитав самобытную культуру своего народа, Хасиев со временем создает свою стилистику, свой неповторимый художественный язык, который продиктован новым миропониманием и поиском близких ему пластических форм.

Еще со студенческих лет излюбленным жанром Хасиева стала историческая картина, в которой отражены не только

мировые события, жизнь и быт родного края, но и мифы, легенды, библейские сюжеты, эпические сказания разных эпох и стран. Тематика картин Хасиева строится на реальной исторической основе, а пластический метод основывается на канонах соцреализма и в то же время современного условного метафорического языка. Реализм, выбранный как вектор творческого пути, объединяет два этих начала и порождает стилистический симбиоз, который и становится основой художественного метода Хасиева на долгие годы. Современная эпоха с ее кардинальными и глобальными переменами в мировой истории, дыхание времени стали той платформой, которая сформировала художественное мировоззрение Павла Хасиева, обозначила основные вехи развития его творчества. Мыслитель, философ, историк, многогранная творческая личность, Хасиев прежде всего борец и гуманист. Он не только способен остро ощущать несправедливость мира, сопереживать, сочувствовать человеку, но открыто и смело выражать языком искусства свой протест любому злу и насилию. Возможно, именно поэтому большую часть его творчества составляют широкомасштабные полотна, которые могут в какой-то мере показать «развернутую» картину исторических событий разных стран. Подобная ретроспекция прошлых веков дает художнику возможность не только проследить динамику развития социальной, общественной жизни, ее судьбоносных событий, но и обосновать собственную художественную концепцию, которая выражается в понимании закономерности и типичности исторических процессов. Выбор исторического жанра обусловлен отчасти и желанием художника выразить свое мнение о современных событиях сквозь призму ушедших эпох.

Каждое историческое событие является для художника своего рода книгой, романом, в котором, по мнению автора, можно на одном конкретном факте рассказать о целой эпохе, выразить личное отношение к происходящему. Всенародной, эпической, внутренней правдой истории, творимой массовой мощью, коллективным пафосом, воспринимаются многие картины художника. Почти патетический характер носит его грандиозная батальная серия живописных полотен, отражающая военные катаклизмы мировой истории: «Спартак», «Куликовская битва», «После битвы Тимура с Золотой Ордой на Тереке» и другие. Каждую из них по своей значимости можно назвать

программной в творчестве художника. Эти монументальные полотна художника настолько «взрывные» по своему накалу, высокому трагическому звучанию, что кажется, в них заложен мощный заряд энергии и внутренней силы самого художника. С глубокой горечью Хасиев констатирует: «Война — это хроническая болезнь человечества, которая то активизируется, то спадает».

Умение блестяще выстраивать многофигурные, многоплановые композиции панорамного охвата с образной характеристикой каждого персонажа проявляется во многих его произведениях, изображающих батальные сцены: «Битва на Каталунских полях. Битва народов», «Скифы перед боем с персидской армией», «Аланы готовятся к продолжению битвы с монголами после предательства и ухода кипчаков» и др. Величественная панорама грандиозного сражения в монументальной картине «Спартак» пронизана пафосом свободы и героизма. Художник достоверно передает картину ожесточенного боя яростно теснимых друг другом повстанцев и римских легионеров. С большим мастерством художник выписывает все детали, позы, сложные ракурсы фигур людей и коней, выражение лиц воинов, оружие, одежду, доспехи и многое другое, но при этом он не теряет цельности композиции, общей картины массового скопления народа. Фигура Спартака на коне в эпицентре сражения воспринимается как символ свободолюбия, несломленной воли, величия человеческого духа. Художник всегда на стороне тех, у кого Правда и Бог, кто защищает свою землю, свой народ, свою независимость.

Идея несокрушимости, стойкости и силы народного духа, народного единства ярко выражена в монументальном полотне, запечатлевшем великое историческое сражение русских полков с монголо-татарским войском на Куликовом поле в 1380 году. Панорамное обозрение дает возможность увидеть во всех деталях и подробностях разгар битвы, немыслимое количество воинов, «не вмещающихся» в рамки картины. Здесь все впечатляет мощью и размахом героического сражения, победоносной силой русских воинов. И не случайно над всем этим возвышается икона с ликом Христа, как некое знамение, божественный перст судьбы. Кажется, что свет, исходящий от нее, озаряет всю картину теплыми, желто-охристыми тонами, дарующими чувство просветленности и возвышенности духа. По мнению художника, «все люди мира однозначно хотят

жить без войны». Показать подлинный оскал войны, заставить задуматься о последствиях — такова задача художника. В войне нет победителей и побежденных, она несет только смерть и разрушение.

Страшные картины массовой гибели людей, как зловещая развязка любой войны, запечатлены художником во многих его произведениях. Так, иносказательный характер носит монументальное произведение «Битва на Каталаунских полях. Битва народов», где на поле сражения рядом с погибшими воинами сидит огромный ворон, созывающий других воронов на страшный пир. Здесь ворон — символ смерти, и не случайно по своему размеру он превосходит все другие фигуры в картине. Тема смерти обретает здесь всеобъемлющий, вселенский масштаб. В другой работе под названием «После битвы Тимура с Золотой Ордой на Тереке» пространство картины, «заполненное» телами погибших, мрачный темно-синий колорит с красными всполохами, летящие вороны также вызывают чувство трагизма, безысходности. Ощущение почти звенящей тишины в картине передается и удивительно красивой живописной палитрой с прозрачно-серебристыми тонами, тонкой растяжкой зелено-охристой гаммы, «сливающимися» в единую гармонию цвета. Для художника краски — не приложение к трагическим сюжетам, но самостоятельный полнозвучный язык.

Небольшая композиция «Ос-Багатар» также впечатляет не только грацией и красотой изображенного воина на скачущем коне, но и утонченной цветовой гаммой, чистыми переливами серебристо-охристых тонов. Напоминая классические образцы великих мастеров прошлого, картина «Ос-Багатар» сама воспринимается как современная классика. Тема войны как таковая становится особенно актуальной и волнующей в творчестве Павла Хасиева, который и в современных процессах глобализации усматривает опасные тенденции мировой милитаризации. Казалось, в этом заключается парадоксальность творческой натуры художника, концепцией жизни которого является альтруизм и любовь. Но добро надо защищать. Таково убеждение художника: «Нет ни одного великого человека в истории, который не мечтал бы о счастливом будущем простого народа».

Как правило, в исторических баталиях автор стремится максимально правдиво передать реальную обстановку тех далеких лет, во всей подлинности, в каждой ее детали. Прибегая

к разным стилистическим приемам — гиперболе, аллегории, символике, гротеску и т. п., — художник создает порой ироничное или полное сарказма произведение. В таком ключе решена картина «Первая мировая война», в которой собирательный образ войны представлен гротескной пародией. Здесь автор хотел показать борьбу многочисленных имперских стран за мировое господство. Огромный трон — символ власти, господства над миром — тщетно осаждают, сражаясь друг с другом, солдаты из разных стран. Метафоричным, образным языком отмечено и монументальное полотно «Падение Рима», художественное решение которого заключено в самой композиции, в изображении «падающей» архитектурной конструкции, символизирующей римскую власть.

В древней истории, мифах и сказаниях художник усматривает глубокий смысл, поучительный урок человечеству, современному обществу, как, например, в картинах, посвященных нартскому эпосу, греческой мифологии («Кентавры на свадьбе у лапифов») и др. Монументальная картина «Бой нартов с небожителями» по своей внутренней напряженности, мощному размаху и динамике воспринимается как грандиозное эпическое полотно. Благодаря контрасту светлых и темных тонов, земли и неба, статики и движения, пропорциональным соотношениям в композиции и цветовой гамме, автор добивается большего драматизма и цельности восприятия. Написанная по классическим канонам, картина привлекает своей эстетичностью исполнения, изысканностью цветовой гаммы, противопоставлением человеческого и божественного начала.

В творчестве Хасиева философская тема Бога и человека, материального и духовного начала прослеживается во многих произведениях. Квинтэссенцией нравственного самосознания, высоких ценностей, созидательных и разрушительных сил воспринимается хрестоматийная история в монументальной композиции «Распятие Христа», трагический накал которой превосходит многие произведения художника. В картине как будто все доведено до предела: грозное небо, метущиеся фигуры, палач на коне в развевающемся кровавом плаще и даже колорит, построенный на контрастных сочетаниях охристых, багровых, синих тонов. Следуя классическим традициям, автор создает свой обобщенный образ Христа, который воспринимается им как символ возрождения, очищения и возвышения Духа.

К чему бы ни обращался Хасиев, он исповедует то, что глубоко волнует, затрагивает его душу как художника и человека. И прежде всего это Кавказ, родной край, все, что связано с ним. Произведения, посвященные родине, это своеобразная поэма о ее истории и современной действительности, о природе, людях, простых тружениках, их жизни, обычаях, традициях, культуре («Давид Сослан», «Праздник святого Георгия», «На дороге. Полдень», «В горах», «Переправа», «На трассе», «Аул», «Окраина села»). Яркая творческая индивидуальность художника, богатство его стилистического языка, отмеченного народностью, национальным характером, проявляются и в его жанровых произведениях. Тонким лиризмом проникнута небольшая композиция «Гость», навеянная воспоминаниями детства. В небольшой комнате за столом с угощением сидят двое мужчин. Женская фигура скромно стоит поодаль. Неяркий свет лампы скудно освещает комнату. Спокойные позы людей, полумрак, рассеянный свет, желто-охристые тона картины — все создает ощущение какой-то сокровенности, благодатной тишины, душевной близости. Ностальгией, добрым юмором и в то же время щемящей грустью веет от картины «Уголок старого Цхинвала. Еврейский квартал», где старые, обветшалые дома, яркая толпа снующих туда-сюда людей, бескрайнее небо в облаках — своеобразная поэзия о мирной жизни уходящей старины.

У Хасиева нет «проходных» картин. Каждая из них воспринимается как «сгусток» энергии, полнокровности жизни, как эпическое сказание, в котором творческая манера письма, сам пластический язык, художественная основа тяготеют к масштабности, творческому «размаху», значимости образов. Даже в небольших по своему размеру произведениях ощущается эта почти материальная весомость живописной палитры, «выпуклость» образов, монументальность трактовки («Коста», «Осень», «Мудрый старик», «Переселенцы с гор»). Данная манера угадывается и в многочисленных, разнообразных по своему характеру, композиции и рисунку камерных горных пейзажах — например, в произведениях «Седой Кавказ», «После дождя», «Горы», «Речка», «Ущелье» «Горный пейзаж» и др. Суровый ландшафт гор, бурные реки, грозные скалы, сверкающие водопады достоверно и выразительно передают характерные особенности величественной природы Кавказа, уникальность ее флоры и фауны. Пейзажи отличаются красивым колоритом,

построенным на тонких и сложных цветовых сочетаниях. Национальный характер ощущается и в других картинах художника. Так, в натюрмортах часто изображаются фрукты и кувшин с вином, который встречается в каждом гостеприимном осетинском доме («Праздник святого Георгия», «Гость»). Здесь изобилие фруктов как бы подчеркивает изобилие самой южной природы, которая в трактовке художника обретает особую красоту и одухотворенность.

Особой горечью и гневом проникнута серия графических произведений, посвященных грузино-осетинскому конфликту («Оккупация», «Цхинвал», «Блокадный Цхинвал», «Бегающий за хлебом», «Ополченцы», «Беженцы» и др.), в которых художник документально «кадр за кадром» передает хронологию событий тех грозных лет. Созданные в технике гуаши, листы правдиво, с большой достоверностью показывают всю драму, пережитую народом, его мужество и стойкость в борьбе за свободу и независимость своей земли.

Значительную часть творчества Хасиева занимает великолепная серия портретов деятелей осетинской культуры и науки: «Портрет поэта Мераба Засеева», «Художник Магрез Келехсаев», «Художник Хсар Гассиев», «Портрет Бориса Санакоева» и др. В каждом из них художник стремится выявить целостность натуры, индивидуальность, состояние человеческой души, создать обобщенный образ мыслителя, философа, значимой творческой личности («Поэт Таймураз Хаджеты», «Писатель Нафи», «Художник Юрий Дзантиев», «Портрет художника и поэта Василия Серебренникова» и др.). В «Автопортрете» Хасиев изображает себя в профиль, в спокойной, созерцательной позе. Художник смотрит вдаль и в то же время как будто погружен в себя. В портрете нет ничего лишнего, ничто не отвлекает от лица. Только на светло-охристом фоне можно увидеть небольшие «всполохи» темных оттенков, рождающих ощущение некоего движения. Создается впечатление, что это трепет самой души художника, его внутреннего творческого горения. Такой он и есть, Павел Хасиев — настоящая творческая личность, большой труженик, преданный искусству художник, заглянувший за грань неизведанного...

ТВОРЧЕСТВО

МИР ИСКУССТВА

«ДАРЬЯЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ПАВЕЛ
ХАСИЕВ
ЖИВОПИСЬ
С. 120-128

Падение Рима

ПАВЕЛ ХАСИЕВ

ЖИВОПИСЬ

Распятие Христа

Давид Сослан

Скифы перед боем с персидской армией. Фрагмент

Скифы перед боем с персидской армией (вариант). Фрагмент

Переселенцы с гор

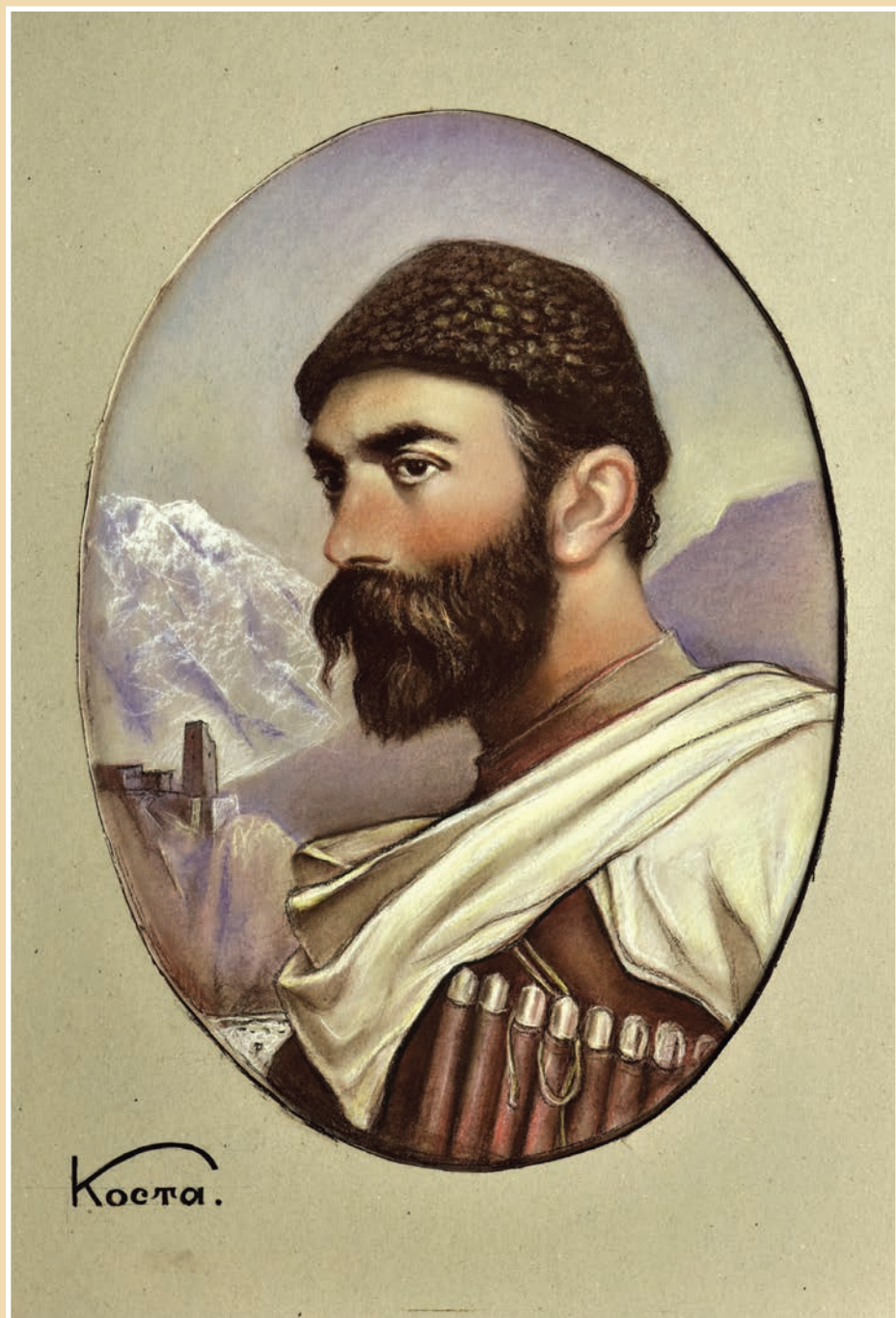
После битвы Тимура с Золотой Ордой на Тереке. Фрагмент

Первая мировая война

Кентавры на свадьбе у лапифов

Коста

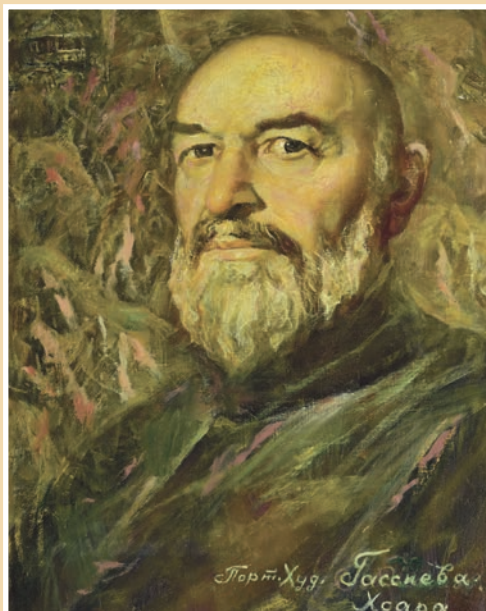
Портрет поэта Мераба Засеева

Поэт Таймураз Хаджеты

Искусствовед Татьяна Остаева

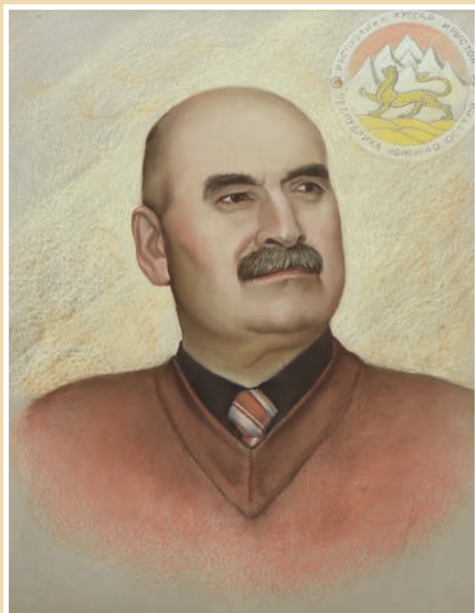
Художник Хсар Гассиев

Художник Шалва Бедоев

Автопортрет

Портрет художника Мурата Джикаева

Портрет художника Григория Котаева

Цхинвал. 1989 г. Оккупация

Цхинвал. 1989 г. Ополченцы

Цхинвал. 1989 г. Беженцы

Цхинвал. 1989 г. Оккупация

Уголок старого Цхинвала. Еврейский квартал

На дороге. Полдень

Натюрморт с кувшином

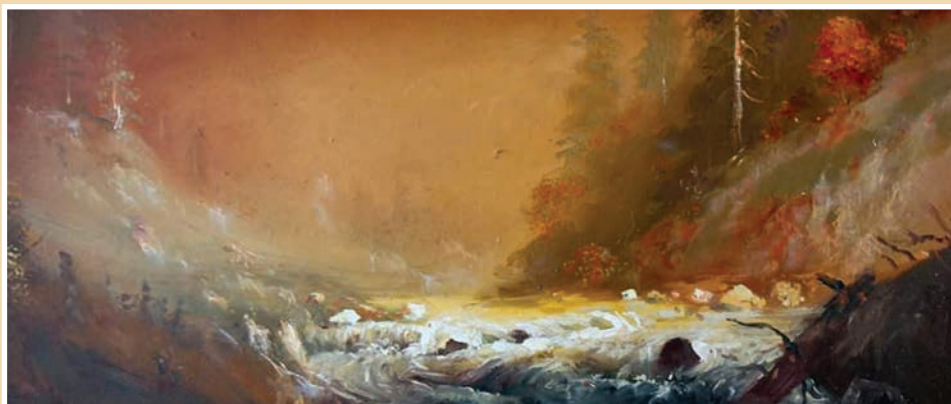
Гость

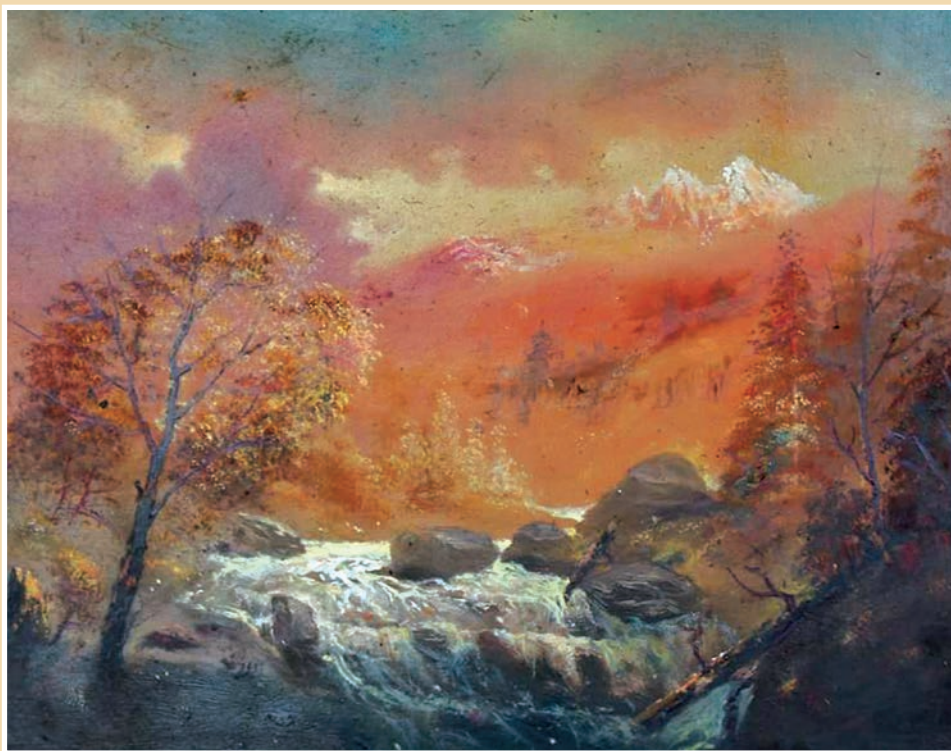
Горный пейзаж

Горный пейзаж

После дождя

Осень

Речка

КОСТА ХЕТАГУРОВ

Отрывок из поэмы «Се человек»

*Вставайте! Осталось немного
Быть с вами мне, мои друзья!
Завет любви храните строго...
Любите, как любил и я;
Молитесь, тверды будьте духом...
За правду выступив на бой,
Не бойтесь жертвовать собой...
Трудящихся зовите другом...
Бегите неразумной ссоры;
Просящему у вас опоры —
Подайте; презирая лесть,
Не зарывайте в сердце месть.*

*Вас будут бить и гнать — терпите,
За зло не воздавайте злом;
Всех ненавидящих простите
И не глумитесь над врагом.
Спешите навестить больного,
Пошлите узнику привет;
Повсюду разливая свет,
Мрак заблуждения бывшего
Рассейте навсегда в народе
И, приобщив его к свободе,
Любви и братству, к небесам
Идите по моим стопам...*

«НАШ ГОРОД»

КОНКУРС КНИЖНОГО КЛУБА

Финалисты литературного конкурса
«Наш город»

АРТУР ОМАРОВ

ВЫПУСКНИКИ ПИСАТЕЛЬСКИХ КУРСОВ

Меня разбудил телефонный звонок. Понимая, что начавшийся подобным образом день не сулит ничего хорошего, я все же нашарил телефон под мирно спящим на кровати котом и посмотрел на экран. Звонил Сос.

— Здоров! — сказал он наигранно веселым голосом. — Спишь?

— Уже нет, — с сожалением ответил я. — Чего тебе?

— В городе сегодня проездом будет Ян Прилех. У него какой-то литературный форум в Тбилиси, но он отказался лететь туда прямым рейсом. Сказал, что хочет ехать через Владик. Вика договорила, чтобы завтра утром его отвезли в Тбилиси, и забронировала на сегодня номер в отеле.

— Потрясающая история, — перебил я его. — Напомни, причем тут я?

— Ну, Вика просила, чтобы ты его встретил в аэропорту, отвез в отель и организовал досуг, — выпалил Сос скороговоркой.

— Так она же летит с ним вместе из Москвы, нет?

— Нет, — осторожно ответил Сос. — У нее ребенок блюет зеленым с утра.

— Ясно, — сказал я обреченно, подавляя желание засунуть телефон обратно под кота. — Это как раз то, чего мне не хватало сегодня.

— Правда? — растерянно спросил Сос.

— Нет, Сос, это сарказм, — ответил я, уворачиваясь от кота, который обнаружил, что я не сплю, и теперь пытался усесться мне на лицо. — Какой еще, к черту, досуг?

— Ну, они договорились об интервью на «ОсТВ» и о творческом вечере в книжном клубе, — откашлявшись, сообщил Сос.

Я застонал в голос.

— Это в котором была драка зимой?

— Ага, — радостно подтвердил он.

— Это очень плохая идея, Сос. Насколько я знаю Яна, интервью еще может обойтись без жертв, а вот затея с клубом — это беда. Я заходил к ним пару раз. Эти упыри обсуждают только местную писанину, и Прилех будет выглядеть там как монашка в борделе. Только наоборот.

Сос молчал, пытаясь обмозговать метафору.

— Забей, — сказал я, зевая. — Но ты же знаешь, что ему пожизненно запретили приезжать на форум в Химках после романа про танцы на кладбище?

— Зато он получил эту премию... как ее... «Рот».

— «Нос», — машинально поправил я.

— Он творческий человек, в конце концов, — сказал Сос. — Вы все немного того.

— У меня от слов «творческий человек» уже глаз дергается.

— Слушай, еще такое дело. Вика просила, чтобы ты встретил его в аэропорту с табличкой.

— Зачем?

— Она говорит, так все выглядит официальнее. Вдруг кто-то узнает его и будет фоткать. Без таблички несолидно.

Я вздохнул и попрощался. Справедливо рассудив, что перед аэропортом все равно нужно заехать в офис, чтобы сделать хоть что-то полезное за день, я встал и отправился на кухню в поисках кофе.

Всю неделю мы с Вадимом корпели над ключевым элементом рекламной кампании вишневого лимонада «Терек». Заказчики хотели видеть на постере эффектную блондинку в полный рост, от макушки до каблуков, которая с нарочитым удовольствием отпивает лимонад из фирменной бутылки. Все шло прекрасно, пока не возникла нежданная проблема с юбкой нашей модели. Оказалось, что она должна быть вполне конкретной длины, чтобы не вызвать смятения среди части целевой аудитории, но при этом оставлять колени модели открытыми, чтобы эту самую часть аудитории завлекать. Наши робкие возражения, что требуемая длина юбки никак не укладывается в прокрустово ложе человеческой анатомии, были твердо отмечены, и Вадим засел за фотошоп.

Добравшись до офиса, я обнаружил там своего дизайнера в окружении расклеенных повсюду стикеров с какими-то заметками и батареи пустых кофейных чашек. Вадим выглядел так, будто не спал всю ночь, однако при этом пребывал в прекрасном настроении.

— Я нашел решение! — воскликнул он, едва я переступил порог. — Они хотят, чтобы юбка была достаточно длинной и при этом чтобы она не прикрывала колени, так?

— Так, — кивнул я, вспоминая приемы первой помощи при остром психомоторном возбуждении.

— При этом длина юбки никак не подгоняется под анатомическое расположение коленей у обычного человека, так?

Я осмотрелся, оценивая ситуацию. На красном диванчике для гостей виднелось подобие гнезда из подушек и клетчатых пледов, штора с единственного большого окна куда-то подевалась, а на столе громоздились анатомические атласы.

— Не совсем понимаю, к чему ты клонишь, но допустим.

С торжествующим видом Вадим выкатил в центр комнаты нашу магнитную доску для презентаций, занавешенную пропавшей шторой. На всякий случай я пристроился на диванчике, аккуратно сдвинув клетчатые пледы в сторону. Вадим прошелся вокруг доски с видом фокусника, собирающегося исполнить самый сложный трюк.

— Фотошопом мы смещаем коленные чашечки вниз, к лодыжкам, и оставляем требуемую длину юбки! — он сдернул штору с магнитной доски, чуть не опрокинув ее. — Ну! Необходимая длина юбки — есть, открытые колени — есть!

Я окинул взглядом постер, закрепленный на доске магнитами в виде желтых смайликов. Наша несчастная блондинка с ее коленными чашечками у лодыжек выглядела как вставший на голову инопланетянин из фильма Спилберга.

— Ну... Достаточно радикальное решение, — осторожно протянул я.

— Отправляю заказчиком? — Вадим склонился ко мне. Белков его глаз почти не было видно под красными прожилками.

— Валяй, — ответил я. — Но слоган к этому придумывай сам.

Про табличку я вспомнил, уже когда приехал в аэропорт. В бардачке обнаружили несколько страниц сценария какого-то из наших роликов, однако я не смог найти ни фломастера, ни хотя бы огрызка карандаша. Пассажиры, получив свой багаж, тянулись из маленького здания аэропорта, будто косяк медлительных рыб, в который хищно вклинивались таксисты в поисках добычи. На парковке запыхавшийся парень в мокрой от пота рубашке пытался погрузить ядовито-розовый чемодан гигантских размеров в багажник машины. Хозяйка чемодана, молодая девушка в розовом платье, подкрашивала губы помадой такого же вырвиглазного оттенка, смотря в боковое зеркало водительской дверцы.

— Простите, можно испортить вашу помаду? — спросил я, подойдя к их машине. — Это вопрос жизни и смерти.

Она посмотрела на меня, вопросительно приподняв одну бровь, но ничего не сказала и протянула помаду. Положив листок

на капот машины чистой стороной вверх, я вывел ЯН ПРИЛЕХ большими розовыми буквами.

— Ой, а это не он написал «Распятую девственность»? — спросила девушка в розовом.

— Ага, — уныло подтвердил я.

— Обожаю момент с крокодилом в рододендронах, — она наклонилась к листику и прижалась к нему губами с громким чмокающим звуком. — Вы не поможете с чемоданом?

Совместными усилиями нам удалось водворить розовое чудо-вище в багажник. Подняв табличку, на которой красовался ярко-розовый след поцелуя чуть ниже буквы Х, я вернулся к своей машине. Невысокая женщина в аккуратно повязанном на голове платке ждала меня рядом с горой чемоданов.

— Добрый день, это ведь вы встречаете того милого, но придурковатого писателя? — спросила она, с подозрением поглядывая на ядовито-розовый отпечаток губ на табличке.

— Здравствуйте, боюсь, что да.

— Он просил передать, чтобы вы забрали его багаж.

— А где он сам?

— Пошел на автобус, пока вы помогали своей подружке, — она махнула рукой в сторону шлагбаума.

Я оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как древний, коптящий черным дымом автобус неторопливо вырывается с парковки. Я подпрыгнул на месте и помахал табличкой с ярко-розовыми буквами, крикнув что-то вроде «Эй!» и чувствуя себя полным дураком. Кто-то на парковке радостно библикнул мне в ответ, а автобус в клубах пыли покатил в сторону города. Перебирая в голове самые отборные ругательства, которые знаю, я покидал чемоданы в багажник и пустился в погоню. Позвонила Вика, и я переключил ее на громкую связь.

— Привет, вы уже едете в город?

— Привет, Вика. Ага, — я старался не вдаваться в детали. — Как ребенок?

— Все еще блюет зеленым, — удрученно сказала она. — Врач говорит, отравление. Ума не приложу, что он умудрился съесть. Я позвонила его отцу, сказала, чтобы приехал, как только сможет. Я уже взяла билет на вечерний рейс.

— Во сколько ты прилетаешь?

— В восемь. Не день, а какая-то катастрофа. Еще и Эдгар куда-то запропастился.

Я подумал, что предпочитаю даже не знать, кто такой Эдгар.

— Не опрокинь тазик! — крикнула она куда-то в сторону и снова обратилась ко мне. — Можешь дать трубку Яну? Я до него не дозваниваюсь.

— Не могу, — ответил я.

— Почему? — спросила она.

— Потому что он едет на рейсовом автобусе, а я с его багажом еду следом.

Вика помолчала, обдумывая ситуацию.

— Главное, пригляди за ним до вечера, а там пусть Цхурбаев им занимается, — сказала она тоном, каким говорят с маленькими детьми. — Это президент книжного клуба и главред...

— Да, я знаю Алана. Это же Владик.

На фоне послышался грохот и крики. Вика вздохнула.

— Ладно, я пошла. И не давай ему пить слишком много.

— Цхурбаеву?

— Яну, балда. Пока.

До автовокзала я добрался несколькими минутами позже автобуса. У главного входа стоял невысокий, склонный к полноте мужчина под пятьдесят, со всклокоченной шевелюрой седых волос. Круглые очки с толстыми стеклами создавали эффект, будто его внимательные голубые глаза занимают половину лица, а крючковатому носу позавидовал бы любой гриф. Дополняли картину джинсовая куртка с бахромой по швам, которая наверняка застала еще Вудсток, гавайская рубашка, бежевые штаны клеш и ковбойские сапоги. В одной руке он сжимал розовый молескин, а в другой держал большую черную сумку, напоминающую чехол для доули-переростка.

Пока я заезжал на парковку, Прилех степенно поставил сумку на тротуар, достал из кармана внушительный портсигар и задумчиво подкурил сигарету. Почти сразу же из дверей вокзала показались двое полицейских, мужчина и женщина, и вразвалочку направились к нему.

Отчаянно сигналя, я пристроил машину между возмущенных такой наглостью таксистов и что было сил помчался к Прилеху, но опередить полицейских не успел.

— Может, сразу дурку вызвать? — спросил мужчина-полицейский свою напарницу.

— Нет-нет, не надо дурку, — я чувствовал, что ситуация начинает выходить из-под моего контроля, еще даже не зайдя под него.

Полицейские синхронно обернулись ко мне, Прилех же по-прежнему листал свой розовый молескин, дымя сигаретой.

— Вы сам кто? Документы, пожалуйста.

На счастье, паспорт оказался у меня в кармане рубашки.

— Тут какие-то проблемы? — спросил я, когда они вернули мне паспорт.

Мужчина-полицейский красноречиво посмотрел на огромный знак «НЕ КУРИТЬ» прямо над головой Прилеха. Я поморщился.

— Ну это же просто штраф?

— И задержание до установления личности, — довольно кивнул он.

— Так это ведь Ян Прилех, известный писатель, — сказал я.

— Да ну? — полицейский оглянулся на Прилеха. — А выглядит как бомж. Вон аж плесень на волосах выросла.

— Ну, вы знаете, творческие люди, — сказал я, сжав зубы, и надеясь, что глаз не сильно меня выдает.

Прилех картинно захлопнул розовый молескин и уставился на нас.

— О, я вас помню по форуму в Химках, — сказал он мне. — Вы пишете эти никому не нужные рассказы о своих любовных переживаниях.

Полицейские посмотрели на меня с жалостью. Про себя я посчитал до двух и сказал:

— Давайте сделаем, что они просят, и поедем, окей, Ян?

В здании автовокзала я успел выпить два отвратных кофе из автомата, ожидая, пока полицейские заполнят протокол. Наконец Прилех со своим чехлом для доули вышел из маленькой комнатки слева от главного зала и помахал мне рукой.

— Что ж, приветственная официальная часть на этом закончена, надеюсь, — весело сказал он.

То, что полицейские приняли за плесень, оказалось дюжиной выкрашенных в зеленый цвет прядей, хаотично торчащих из его пышной седой шевелюры.

— Отличные зеленые пряди, — устало сказал я.

— Они должны были быть бирюзовые, — сообщил мне Прилех с заговорщическим видом. — Просто так на седину краска легла.

В машине он вальяжно развалился на переднем сиденье, аккуратно опустив сумку на пол позади своего кресла.

— Так почему Владикавказ?

— Потому что мне нужно в Голливуд, — заявил он тоном, не терпящим возражений.

— Вы точно не ошиблись континентом? — спросил я, пытаюсь осмыслить этот внезапный поворот.

— Перестаньте прикидываться, — сказал он, внимательно осматриваясь по сторонам, очевидно высматривая Голливуд. — Он должен быть где-то тут рядом.

Несмотря на смятение, всегда охватывавшее меня при встречах с Прилехом, в голове забрезжила смутная догадка.

— Вам нужен магазин дисков «Голливуд» на Китайской? Ну, площади Революции?

— Я ведь так и сказал, — кивнул он с довольным видом.

— Сомневаюсь, что магазин еще там.

— Конечно, он еще там, — говорит Прилех. — Как такое культовое место может исчезнуть? Неудивительно, что вы не следите за трендами на самом остром лезвии искусства, с вашей-то любовной прозой.

— А что в нем культового? — спросил я.

— Это ведь место, где во Владикавказе зародилась тусовка, стоявшая у истоков веддингпанка, еще в нулевых, — со знанием дела сообщил Прилех. — Все ключевые фигуранты там перезнакомились — художники, писатели, журналисты.

Я почувствовал, что привычная мне реальность ускользает как песок сквозь пальцы.

— Какого панка?

— Так называемый свадьбопанк. Направление в фикшн-литературе, мироустройство в произведениях которого крутится вокруг института брака. Как киберпанк, только свадьбы вместо технологий, сечете?

— Возможно, — не очень уверенно ответил я.

— В грядущие годы веддингпанк станет самым прорывным направлением в мировой литературе, попомните мое слово.

Я свернул на Китайский круг и припарковался. Прилех вышел из машины, побродил по тротуару взад-вперед, рассматривая витрины, полистал свой молескин и вернулся в машину.

— Исчезло-таки, — он вздохнул. — Надо напиться.

— Нет-нет, — сказал я. — У вас еще интервью, съемочная группа уже едет в отель.

— Никаких отелей, — отрезал он. — Мне нужно прийти в себя.

— Почему нельзя приходить в себя в отеле? — я попытался воззвать к логике. — В конце концов, там должен быть бар.

— Потому что там можно лишь выходить из себя, — грустно заметил он.

— Хорошо, — вздохнул я. — Отвезу вас в паб. Но только если пообещаете, что не сорвете интервью. Я попрошу съемочную группу приехать прямо туда.

Он кивнул и грустно обвел взглядом окрестности.

— Ничего, — он покачал головой. Зеленые пряди выскакивали из седой шевелюры в самых неожиданных местах. — На то и есть книги, чтобы на их страницах такие места и воспоминания о них жили вечно, правильно? Придется мне написать об этом месте.

Прилех молчал всю дорогу до «Нотр вилля». Он извлек из безразмерных внутренних карманов джинсовой куртки карандаш и

делал какие-то пометки в своем розовом молескине, печально поглядывая на проносящиеся за окном улицы.

К моему облегчению, в «Нотре» не было никого, кроме пестрой компании молодых парней и девушек за одним из столиков и Тимура, моего знакомого бармена. Я усадил Прилеха за столик у входа и направился к барной стойке, за которой Тимур с обычным меланхоличным видом протирает бокалы.

— Так, слушай меня внимательно, — сказал я ему. — Этому типу, что бы он ни попросил, разбавляй все водой.

Тимур вытаращил на меня глаза.

— Ты предлагаешь мне *разбодяживать* наше пиво? Мы ведь приличное заведение.

— Тогда наливай ему безалкогольное.

Тимур с опаской выглянул из-за моего плеча. Прилех восседал за столиком, пристроив свой большой чехол для доули рядом на полу, и набрасывал что-то в розовом молескине.

— К тому же он выглядит *сильно пьющим* человеком, — сказал Тимур. — Вряд ли он не отличит алкогольное пиво от безалкогольного.

— Тогда хотя бы с третьего стакана начни так делать, — раздраженно ответил я.

— Здравствуйте!

Я обернулся. Милая девочка-журналистка, которую, как мне помнилось, зовут Фатима, помахала мне. Она придерживала дверь для оператора, волочившего за собой несколько внушительных сумок с оборудованием.

— А где Виктория? — улыбнулась мне Фатима.

— У нее ребенок блюет зеленым. По всем вопросам — ко мне.

— А... Хорошо.

— Главное, не упоминайте его неопубликованный роман. Это большая тема. — Я постарался не вдаваться в детали.

Оператор расставлял осветительные приборы вокруг столика Прилеха, который по-прежнему был поглощен набросками в своем молескине.

— Э... Ладно, — сказала Фатима. Мне стало интересно, задает ли она вопросы в интервью в такой же манере.

— Новые камеры, — с гордостью сообщил нам оператор. — Такую выдают картинку — закачаешься. Стоят целое состояние.

Он с нежностью закрепил камеру на штативе, продолжая расписывать ее технические возможности с таким восторгом, что человек, не заставший начало разговора, мог бы решить, что речь идет о космическом корабле. Прилех наконец очнулся от своей меланхолии по «Голливуду», который мы потеряли, и помахал Тимуру, чтобы тот

принес еще один бокал пива. Я посмотрел в сторону стойки, активно подмигивая, но Тимур старательно избегал встречаться со мной глазами. Прилех спросил Фатиму, что она думает про веддингпанк.

— Гм... мой молодой человек в него играет, — не очень уверенно ответила она. — Но жалуется, что за полгода его так и не починили.

Фатима придирчиво оглядела Прилеха с головы до ног и попросила его снять куртку. Затем с сомнением уставилась на зеленые пряди.

— Нам бы что-нибудь сделать, хм, с вашими волосами, — она попыталась замаскировать зеленые пряди в седых, но они все равно предательски лезли наружу.

— Они слишком зеленые, — прокомментировала она, тщетно пытаясь справиться с шевелюрой Прилеха, которая, казалось, жила собственной жизнью.

— Должны были быть бирюзовыми, — вздохнул Прилех.

— Да, тогда было бы совсем другое дело, — согласилась Фатима. Она отступила на пару шагов и задумалась.

— Может, он наденет что-нибудь на голову? — осенило оператора.

Прилех радостно улыбнулся, полез в свой чехол для доули и достал оттуда бесформенную серую кепку, которую натянул на голову, залихватски сдвинув набекрень. Я с ужасом увидел над козырьком огромный принт YOUNG, DUMB AND FULL OF CUM.

— Да, отлично! — обрадовалась Фатима.

Я подошел и развернул кепку козырьком назад.

— Вас ведь смотрит молодежь? — сказал я в ответ на удивленный взгляд Фатимы. — Они будут в восторге от такого стиля.

— Да, действительно, так еще лучше, — с восторгом согласилась она. — Начали?

Пестрая компания заметно притихла, целиком поглощенная происходящим рядом с ними действием. Я устроился за стойкой и махнул Тимуру, чтобы налил мне пива.

Мое внимание привлек стоящий рядом со стулом Прилеха чехол для доули. Крышка, которую он не застегнул после того, как доставал кепку, чуть пошевелилась, будто от дуновения несуществующего ветерка. Прилех с воодушевлением что-то рассказывал, бурно жестикулируя. Несколько раз он чуть не сшиб со стола свой бокал с пивом, и Фатима периодически отодвигала его подальше, будучи уверена, что этого не видно в кадре, но Прилех почти сразу же двигал бокал обратно, и все повторялось заново. Сумка на полу теперь уже вся ходила ходуном.

— А... Теперь про премию, — сказала Фатима, улучив момент, когда Прилех замолчал, чтобы отпить пива. И тут крышка сумки откинулась, и на пол вывалилась огромная ящерица.

Рептилия воззрилась на зал «Нотра» маленькими мутными глазами. Я отметил, что в ней минимум метра полтора длины. Темную чешую испещряли желтые пятна и полосы, а лапы заканчивались внушительными, загнутыми книзу когтями. Длинный, сплюснутый по бокам хвост медленно развернулся и щелкнул по полу, словно кнут. Даже несмотря на заторможенные движения, было понятно, что тварь пребывает в крайне скверном расположении духа. Она широко раскрыла пасть, полную острых зубов, и громко зашипела.

Это произвело на маленький зал «Нотра» весьма впечатляющий эффект.

Фатима посмотрела в направлении звука, оглушительно завизжала и прыжком взобралась на стол, потеряв в процессе одну туфлю, которая приземлилась в бокал Прилеха, расплескав пиво. Он посмотрел на бокал с видом человека, который многое повидал и всего лишь пытается понять, с какой именно причудливой каверзой жизнь столкнула его на этот раз. Прилех снял очки, забрызганные пивом, и протер толстые стекла полой гавайской рубашки. Только сейчас я обратил внимание, что она испещрена узорами из пятилистников конопли, что в целом сводило на нет общие усилия по созданию благообразного имиджа в кадре. Парни и девушки из пестрой компании синхронно обернулись на визг Фатимы, проследили за ее взглядом и повскакивали с мест, перевернув стол. Бокалы, кружки и тарелки посыпались на пол. Оператор потерянно оглядывался по сторонам, пытаясь определить источник паники. Прилех водрузил очки обратно на крючковатый нос и наконец разглядел восседающую на полу рептилию.

— Ах, — разочарованно протянул он. — Я надеялся, что действия таблеток хватит на подольше.

Тимур вышел из-за стойки, привлеченный шумом, сжимая в руках пивную башню для пестрой компании, и замер, увидев рептилию, стремительно ползущую к штативу камеры и плотоядно поглядывающую по сторонам.

— Перестаньте визжать, Булгакова ради, — раздраженно сказал Прилех Фатиме. — Можно подумать, вы никогда ящериц не видели.

— Ящериц? — недоуменно спросил оператор, посмотрел вниз и обнаружил у себя под ногами огромную рептилию, которая облизывала его ботинок длинным раздвоенным синим языком.

Продемонстрировав завидную физическую форму, оператор отскочил назад метра на два, и это был бы прекрасный маневр, не задень он в прыжке ножки штатива. Тот накренился и упал, звучно приложив закрепленную на нем камеру об пол.

— Ах ты ж сука! — закричал оператор, глядя, как детали камеры весело разлетелись по залу «Нотра».

Затихшая было Фатима снова начала визжать. Рептилия недовольно отряхнулась от кусков пластика, усыпавших ее чешуйчатую кожу, и бодро направилась в сторону пестрой компании, жавшейся к стене позади перевернутого стола. Пол вокруг них был усыпан осколками стекла, а знаменитые нотровские сырные шарики плавали в огромной луже пива, которая натекла из разбитых бокалов.

— Эдгар! — Прилех вскочил с места, опрокинув свой злосчастный бокал, который с веселым звоном разлетелся на мелкие осколки. — Осторожно, повсюду стекло! Не пускайте его к осколкам!

Туфля Фатимы, застрявшая в бокале, приземлилась прямо на спину ящерице, которая ловко извернулась, схватила ее пастью и своими загнутыми массивными когтями в секунду оторвала каблук. Это зрелище заставило пеструю компанию кинуться к выходу, крича и отталкивая друг друга. Однако беглецы совершили серьезную ошибку, пытаясь протиснуться в дверь «Нотра» все одновременно. Деревянные створки с прозрачными стеклянными вставками перекосило, и пестрая компания застряла в проеме.

— Серьезно? — спросил Прилех. — Он же вас боится еще больше, чем вы его!

— По-моему, эта тварь так и ищет, кого бы сожрать, — резонно заметил я.

Пестрая компания общими усилиями наконец снесла дверь с петель и буквально вывалилась наружу.

— Молодой человек, принесите мне швабру! — крикнул Прилех Тимуру, но тот продолжал стоять столбом, открыв рот. Вздохнув, я допил пиво и направился в маленькую уборную «Нотра» в поисках искомого предмета.

Тем временем раздраженная шумом и грохотом рептилия развернулась к барной стойке и направилась бодрой рысцой в сторону Тимура, по-прежнему сжимавшего в руках пивную башню. Очевидно, перспектива оказаться с хищной тварью в непосредственной близости наконец заставила его выйти из ступора. Но осталось загадкой, почему Тимур решил, что лучшим способом самообороны будет выплеснуть все три литра пива, находившиеся в башне, в направлении стремительно приближающейся к нему гигантской ящерицы. Большая часть пенящейся янтарной жидкости красиво пролетела через весь зал и обрушилась на Фатиму, которая сидела на корточках на столе, закрыв глаза, и она снова начала визжать. Осознав, что его блестящий план обернулся полным фиаско, Тимур запрыгнул на барную стойку, а рептилия

сноровисто взобралась на красиво подсвеченные полочки позади нее, цепляясь огромными когтями за расставленные на них бутылки и опрокидывая их одну за другой на пол. Запахи дорогого крепкого алкоголя из разбитых бутылок заполнили зал, смешиваясь в ядреный букет. Тимур вцепился в пивные краны, наблюдая за карабкающейся по полкам рептилией с выражением абсолютного ужаса на лице.

Прилех сердито крикнул, отобрал у меня швабру и ловко прижал ею рептилию к полке. Я взял сумку, похожую на чехол для доули, и отнес Прилеху.

— Спасибо, — сказал он, накидывая на морду рептилии кепку с принтом YOUNG, DUMB AND FULL OF CUM. — Вы тут самый здравомыслящий человек. Подержите, пожалуйста, сумку.

Фатима, всхлипывая, слезла со стола. Ее длинные черные волосы слиплись от пива, а тушь потекла.

— Фатима! — донесся откуда-то из-под столиков жалобный голос оператора. — Можешь посмотреть, что там с камерой? Я боюсь проверять.

Фатима обвела нас всех взглядом, посмотрела на россыпь осколков пластика и микросхем, плавающих в луже густой пены лучшего в городе бельгийского пива. Затем она в неожиданно крепких выражениях высказала, куда нам всем следует пойти и чем там заняться, и вышла из «Нотра», обогнув перевернутый столик пестрой компании и прихрамывая на босую ногу. Прилех вздохнул и покосился на меня.

— Сможете куда-нибудь пристроить Эдгара до вечера? — спросил он. — Только нужен знающий человек.

— Да, — ответил я. — У меня есть один толковый жуковед в Заводском. Это варан?

— Водный, он же полосатый, — кивнул Прилех.

— Вот же тварь, а! — громко резюмировал Тимур с барной стойки. Мы так и не поняли, кого именно он имел в виду.

Вика позвонила, когда я пытался запихнуть в такси чехол для доули с возмущенным таким бесцеремонным обращением и громко шипящим внутри Эдгаром. Таксист с подозрением косился на сумку и на всякий случай взял с меня двойную оплату за доставку. Прижимая телефон к уху плечом, я кратко описал Вике все произошедшее за день, не вдаваясь в самые красочные детали.

— Это катастрофа, — вздохнула она. — Просто доведи Прилеху до книжного клуба и сдай с рук на руки Цхурбаеву, хорошо? Он за ним как следует присмотрит.

— Слушай, это была не моя идея, помнишь?

Таксист отъехал, продолжая с опаской поглядывать на шипящий и шевелящийся чехол для доули.

— Ну, зато теперь понятно, куда делся Эдгар. Рада, что вы развлеклись, — сказала Вика. На фоне шумел аэропорт. — Я уже у выхода на посадку. Пришли мне адрес заведения, где он будет выступать.

Книжный клуб Цхурбаева заседал в уютном арт-пространстве «Торшер», которое располагалось в старом городе недалеко от «Нотра». Наш путь пролегал через проспект Мира, центральную пешеходную улицу Владикавказа, окаймленную маленькими ресторанчиками, и мне приходилось следить, чтобы Прилех не отпивал алкоголь из бокалов, стоявших на столиках переполненных в этот летний вечер открытых веранд. Но после безумия в «Нотре» эта недолгая прогулка показалась мне удивительно спокойной, даже умиротворенной. Мы болтали о варанах и литературе, и возникла лишь одна заминка, когда Прилех взялся помочь переползти через проспект большой гусенице, покрытой грязно-белыми длинными волосами.

— Пойдемте, она прекрасно справляется без вас, — поторопил я его. — Или у вас корыстный интерес притащить ее Эдгару в знак извинения?

Прилех отнес гусеницу в кусты около памятника Ленину и нагнал меня маленькими быстрыми шажками.

— Я уж было начал сомневаться в вашем альтруизме, — добавил я.

— Альтруизм всегда относителен, молодой человек, — сказал он, посмеиваясь. — Всегда и везде.

Свернув на улицу Маяковского, на углу которой гордо возвышается памятник Булгакову, мы оказались у дверей «Торшера». Здесь уже собралась небольшая толпа. Артур болтал с чуваком, который выглядел как малобюджетная версия Райана Гослинга, и девушкой с темными кудрявыми волосами. Их внимательно слушали лысый двухметровый тип, одетый как бомж, и девушка в стильной кожаной курточке и модных очках. Она улыбнулась мне, и я узнал Марину.

— О, привет, — сказала она мне.

— Привет! Отлично выглядишь, — я обнял ее, пытаюсь уследить за Прилехом, который с ходу встрял в какую-то дискуссию с двухметровым типом и кудрявой девушкой. — Ты тут какими судьбами?

— Ну, у меня есть традиция ходить на книжный клуб через раз, — ответила Марина. — Но так получается, что все самое интересное выпадает на те встречи, которые я пропускаю. Надеюсь, что сегодня будет что-то особенное.

— О, я думаю, ты не будешь разочарована.

Прилех нарисовал что-то в своем розовом молескине и развернул его к своим собеседникам. Лысый великан засмеялся, а кудрявая девушка покраснела.

— Там вышел новый сезон «Мух с большими головами», — сказал Артур, пристально глядя на меня. — Уже посмотрел?

Несколько лет назад он снял фильм с чудовищно длинным названием и с тех пор с извращенным удовольствием наблюдал, как люди при встрече с ним селятся вспомнить этот десяток слов в правильном порядке.

— Нет, — покаянно сказал я, внутренне готовясь долго и обстоятельно выслушивать, почему это нужно сделать как можно скорее.

Меня спас Цхурбаев, который вышел из дверей «Торшера» и меланхолично оглядел нашу компанию.

— Пришел все-таки! — сказал он, завидев меня.

— Я привел вам Прилеха, — ответил я.

— Где? — Цхурбаев повертел головой и остановил взгляд на седой шевелюре с вкраплениями зеленых прядей.

— Ага, — подтвердил я. — Вика поручила передать тебе его с рук на руки. Вот, передаю.

Между нами вклинилась троица новоприбывших. Парень с большим красным носом воскликнул, показывая на своих спутников — низенькую женщину с чем-то напоминающим гнездо ласточки на голове и тощего парня в щегольском прикиде:

— Алан! Вот журналисты из Москвы, специально приехали, чтобы осветить заседание!

— Да, журналисты из Москвы, очень здорово, проходите, там есть место рядом с вешалкой, — ответил Цхурбаев и снова повернулся ко мне. — А сама Вика где?

— У нее ребенок блюет зеленым. Обещала прилететь вечерним рейсом.

Людей собиралось все больше, и скоро маленькое помещение «Торшера» оказалось полностью забито. Я немного постоял снаружи, чувствуя, как на город опускается долгожданная прохлада, и боялся поверить, что этот день наконец подходит к концу. Через большое окно «Торшера» было видно, как Цхурбаев представил Прилеха разношерстной публике и передал ему слово. В кармане зажужжал телефон. Вадим писал, что заказчики утвердили нашу бодихоррорную версию постера со слоганом «Пей “Терек”, не будь без задних ног» и обещали премиальные за креативное решение. Что ж, к вечеру дела и впрямь наладились, сказал я себе и решился протиснуться в «Торшер» в поисках фуршетного столика, надеясь, что там найдется чего-нибудь выпить.

Прилех вдохновенно рассказывал о символизме танцев на кладбище в своем неопубликованном романе. Публика безмолвствовала.

Пробравшись наконец к столику для фуршетов, я обнаружил, что кроме кофе и чая поживиться решительно нечем, и подумал, что хорошо бы вернуться в «Нотр» за своим заслуженным бокалом холодного пива. Пока я протискивался обратно, наступая на ноги и шепча извинения, мне помахала рукой Марина.

— Уже уходишь? — громко прошептала она, наклонившись к моему уху.

— Да, пожалуй, с меня хватит Прилеха на сегодня, — сказал я, высматривая дорогу к выходу.

Снаружи собралась огромная толпа. Лекция Прилеха про преемственность культурных кодов доходила до нее через изрядно испорченный телефон, и народ жужжал, будто рой растревоженных пчел.

«Нотр» пустовал. Откуда-то негромко играла Warszawa Дэвида Боуи, Тимура нигде не было видно, и только Равшана все еще пыталась ликвидировать последствия рептильной вакханалии. Я сел за стойку, попросил ее налить мне холодного айпизэ и предался счастливым размышлениям о том, что сделка по рекламной кампании «Терека» позволит спокойно дотянуть до конца года и даже немного подкопить. А там, возможно, мы с Залиной возьмем отпуск и куда-нибудь съездим вместе. Может, даже наконец сможем позволить себе кругосветку. Будущий год представлялся мне все в более ярких красках, и настроение, благодаря этим мыслям и холодному пиву, начало улучшаться.

Рядом со мной за барную стойку села Агунда, и я отвлекся от своих грез.

— Привет, — благодушно сказал я. — Ты разве не на игре должна быть?

У Агунды есть очень милая привычка каждую осень открывать во Владикавказе новую франшизу интеллектуальных викторин.

— Игру пришлось отменить, — вздохнула она. — Никто не пришел. Все на этом писателе, который получил «Нос».

Агунда обвела взглядом пустые полки за стойкой и оглянулась на сорванную с петель дверь.

— Что здесь случилось?

— Интервью с тем самым писателем. Он притащил с собой гигантскую ящерицу размером с корову, и она устроила тут сцену из «Парка Юрского периода».

— А, это на него жаловалась Фатима, — кивнула Агунда. — Правда, она сказала, что это был какой-то режиссер, а не писатель. Жаль, меня не было. Такое шоу пропустила.

— Ну да. Могла бы стать матерью драконов.
 — Пфф, драконов! Бери выше. Мать квизов, не меньше.
 В дверной проем просунулась лохматая голова в кепке.
 — Пацаны! — возбужденно крикнул парень. — В «Торшере» махач! Погнали!

Голова исчезла так же внезапно, как и появилась. Пришло сообщение от Вики: «Приземлилась. Еду на такси в Торшер».

«Надеюсь, ты захватила с собой боксерские перчатки», — написал я ей в ответ и взял себе еще пива.

ПАВЕЛ МАЧИЛЬСКИЙ

ШЕЛКОВЫЕ ОЧЕРТАНИЯ ПО ПУТИ В КАИР

Острый прогноз

— Биджэ! Обнаружен самый острый шаурджан в городе! День принесет массу эмоций!

Таким гороскопическим сообщением Пабло всколыхнул мой рыхлый бесформенный полдень. Я не доверяю астрологам, но доверяю своему амиго, и он четко обрисовал надвигающийся праздник живота. Далее были уточнены место и время. Точкой на карте стало заведение с предсказуемо восточным названием «Каир». Время 16:00. Что ж, Египет так Египет. День наполнился смыслом. Еще пару минут назад мое тело по частоте вибраций не сильно отличалось от окружающей мебели, а теперь я бодро расхаживаю по комнате, разминая локти и плечи. Не знаю, что меня обрадовало больше — мысль о перченом шавухенсоне, грядущая встреча с другом или веский повод наконец-то выйти на свежий воздух.

По намеченному плану Пабло должен был сначала разобраться с кое-какими делами. Как показывала практика, под кое-какими делами могло скрываться что угодно, от уличных разборок до любовных приключений, поэтому назначенное время я рассматривал как ориентир. Всегда нужно быть готовым к чужим опозданиям, поэтому я решил не спешить и поступить слегка по-творчески, а именно — сначала нагулять аппетит, точнее, накатать его. Нужно же как-то добраться до «Каира»? Почему бы не сделать это на велосипеде? Давно пора открыть велосезон. К тому же погода как бы сама на это намекала. За окном красовался по-настоящему жаркий апрельский день. Еще буквально неделю назад все было серо и невзрачно, а сейчас весна уже стремительно превраща-

лась в зеленое лето. День имел все шансы стать если не лучшим днем года, то по крайней мере лучшим днем месяца.

Неровности в голове

Путь в «Каир» за жгучим шавинским в такую солнечную погоду... Что может быть лучше? Встретить где-то по пути Геру? Ох, Гера, моя Гера... Но она не ходит в подобные заведения... Ее можно встретить на выставке или в музыкальном театре, в уютной кофейне или в книжном клубе АЦ, но никак не в восточной забегаловке. Гастрономическим изыскам ей предпочтительнее литературные. Да и то, чем мы собирались заниматься с Пабло-сом, изысками не назовешь. Это, скорее, гастрономическая бойня, своего рода коррида. Пабло, как матадор, махнул передо мной красным флагом — и вот я уже покорно мчусь навстречу своей огненной эйфории. Я буду краснеть, обливаясь потом и слезами, а он будет наблюдать со стороны, подкидывая взрывных перчиков чили мне в тарелку.

Кстати, нужно не забыть свой красный платок — чтоб вытирать лицо. Да и выглядеть нужно соответствующе. На глаза попалась мятая красно-черная клетчатая рубашка. Необходимость глажки была очевидной. Как сказал один бомж из того самого книжного клуба, «меня не устраивает физика этого мира». И действительно, какие-то складки на ткани не дают мне спокойно выйти из дома. Неровности в голове — вот проблема! Но тратить время на такие второстепенные вещи, как шероховатость материи... А что, если встречу Геру и она увидит меня в таком помятом виде? Я вот никогда не видел ее неряшливой. Она всегда ухожена и стильно одета. Хотя она настолько хороша, что даже в мятой футболке все равно выглядела бы потрясающе, чего не скажешь обо мне.

Все-таки надо гладить. Хотя бы для Геры. А может, и для себя. Я бы тоже хотел быть своего рода Герой для кого-то. Да, гладить для себя. Для себя в первую очередь.

Злодей

Я вышел в залитый солнцем двор и выкатил за собой свой байк. Окружающая физика вполне устраивала и даже радовала. Но был один нюанс, и этот нюанс сидел на скамье прямо на выезде из двора. Встреча была неизбежна. Это был сосед Виктор. Правда, Виктором его никто не называл. Его образ жизни никак не сочетался с чем-то серьезным. Скорее, он был Витей, а в некоторые дни даже Витьком.

Витя злодействовал с самого утра. Сладко растекшись на скамейке, он добивал вторую стекляшку золотистого. Разумеется, у меня не было никакого желания вступать с ним в контакт. Уважаемые академики или хотя бы профессора — вот с кем мне хотелось бы встречаться при выходе из дома. Но, видимо, они не отдыхают в обеденное время у подъездов, а если даже и отдыхают, то явно не в моем районе. И хотели бы они точно так же пересекаться со мной? Сомневаюсь. Вряд ли бы я смог их чем-то удивить или заинтересовать. Поэтому следовало бы поумерить свои ожидания по поводу качества соседских собеседников. До профессуры надо еще дорасти. А пока можно довольствоваться тем, что есть... Я направился в сторону Вити.

— Велосипед — лучшее изобретение человечества! — отвечая на рукопожатие, уверенно начал Витя.

— Да? Любишь, значит, педали покрутить? — удивился я.

— Хэ! Я в свое время где только их не крутил! Выкрутасы знаешь какие были! По всему Союзу. Даже в соревнованиях участвовал.

— Да ты спортсмеееен!

— А то! Я личность разносторонняя! И скромная. Хэ! — ухмыльнулся Витя.

— Знаааааю, знааааю... — протянул в очередной раз я, отмечая про себя, что мои реакции довольно примитивны и однообразны.

— А что?! У меня два высших вообще-то!

— Может, ты еще и профессор?

— Был бы... Если бы окончил... Фишка не легла... Завалили... завистники...

— Поняаяаятно... — в очередной раз протянул я, закрывая паузу. — А нынче чего не катаешь, спортсмен?

— Я не катаю, я накатываю! Хэ! Не видишь, что ли? — Витя указал на почти пустой сосуд. Пожалуй, из нас двоих он был сильнее в смол-токе.

— Хэ! — неловко позаимствовал я. — Ну ладно, поеду.

— Давай, давай.

Внутри себя я тот еще словоплет, а вот в реальной беседе скорее Витек был бы интереснее для гипотетического профессора, нежели я. Завершив социальную церемонию с минимальными потерями, я выехал со двора. Двинули.

Площадь Революции

Маршрут традиционно проходил через Китайскую, на которой, как всегда, было по-вавилонски пыльно и суетно. Место, которое всегда

хочется поскорее проскочить. Прохожие с унылыми лицами всматривались в картинки своих жизненных проблем, а я всматривался в исторические сцены, навеваемые этой площадью. Представлял князя Пожарского, выводящего Русь из смутного времени, а вместе с ним китайских добровольцев, жестоко сражающихся за советскую власть. Как странно иногда перемешиваются времена и сюжеты! Сумбурные образы в сумбурном месте. Ни китайских добровольцев, ни их потомков, ни советской власти — ничего этого больше нет. Только внушительный обелиск и все та же пыль. Пыль времен. Мы во временах... Ну и нагородил же я!.. Те самые неровности. Это все площадь, она виновата. Места и предметы порой захватывают наш разум. Ничего, отобьемся. Благо я выехал с этого порочного круга в сторону Терека. Он-то смоем всю эту пыль и грязь.

Шелковый путь

Не спешиваясь на «зебре», я резво залетел на высокий бордюр и, набирая скорость, покатился по тротуару под горку. Навстречу шла девушка, одетая по мусульманской традиции: платок и длинная юбка в пол. Вроде бы ничего необычного, однако ее консервативный дресс-код выглядел весьма нарядно: сверху стильная курточка и красивый платок, не покрывающий всей головы, оставляющий побольше свободы. Мой взгляд остановился на ней немного дольше, чем обычно в таких случаях. Я даже немного притормозил, чтобы продолжить исследование. Мое внимание привлекла юбка, которая тоже была из какой-то «праздничной» ткани, с особой рельефной фактурой. И как я уже сказал, я спускался по склону, а она поднималась. В ее сторону дул легкий весенний ветерок... И вот вся совокупность этих факторов привела к тому, что я уже вижу очертания и формы ее ног, чего по определению уж точно не должно было случиться. И это уже какая-то удивительно пикантная восточная картина, в которую однозначно стоило всмотреться.

Так что же всему виной? Моя фантазия? Жажда внимания у девушки?... Или шаловливый весенний ветер?

Дауншифт

Сразу за Китайским мостом ждала «точка максимального экстрима». Резкий спуск с поворотом на набережную — дауншифт, так сказать. Можно, конечно, объехать, но зачем? Если в жизни нет опасностей, то надо их обязательно придумать. Даже в городских условиях. Добавить остроты. Острый маршрут к острому шаурмеву.

Ориентиром был «Каир», но от Пабло пока не было отмашки, поэтому маршрут имел свободный характер. Траектория чем-то напоминала египетский иероглиф. Я продвигался вперед, возвращался, петлял и намеренно накрутил не один лишний крюк. Именно так находятся необычные места и новые впечатления.

Злодей № 2

Топографическая импровизация завела в глубокие дворы. В таких местах можно столкнуться с разного рода вещами. На этот раз я стал свидетелем злодейского перформанса. Мужчина в крайней стадии опьянения громко изливал душу куда-то в пустоту. Претензии, угрозы, проклятья — из него сыпались фразы, которые поскорее хотелось забыть. Зрелище отталкивающее, но степень импульсивности не позволяла просто проехать мимо. Нерв словно из девяностых. В те времена на улицах часто можно было услышать крики и вопли. Сейчас народ подуспокоился.

Я остановился неподалеку.

— Я живу в мире, который вижу своими глазами, а не достраиваю в уме! — прозвучало неожиданно.

А в этом уже что-то есть... Да, злодей, скорее всего, тоже не профессор, но вполне себе философ. Я бы с ним подискутировал, но только заочно. Соревноваться с ним в смол-токе было бы чересчур авантюрно. Не хотелось бы проиграть второй раз подряд...

Собрав пищу для размышлений, я двинулся дальше. Какое-то время — по завету философа — я ехал, ни о чем не думая, переводя взгляд с переднего колеса на переменчивые рисунки асфальта и обратно. Стало вновь спокойно и тихо. Хорошо без достраиваний в уме. Только отчего тогда стало так плохо нашему философу?

Челлендж

Доехал до другого знакового места — узкой полоски асфальта в тоннеле под Кировским мостом. В тоннеле проводили работы и сняли практически весь асфальт, оставив лишь прилегающие к стене полметра. Любой прохожий при виде такой картины скажет: «Почему коммунальщики расковыряли и не заасфальтировали обратно?» Я же говорю: «Отличное место для челленджа!» Залетаем на полосу и балансируем до конца. Не задел стену и не слетел с полосы — челлендж пройден. Слетел — начинаешь заново.

Сегодня я в хорошей форме: справился с одного раза.

Точка максимального экстрима позади, точка баланса тоже. Что же дальше? Мысли о шавухджыне начали закрадываться в сознание, но Паблито по-прежнему молчал.

Несолидный отдых

Решил дождать оставшуюся часть времени в скверике на набережной. Двадцать пять градусов тепла требовали от меня занять место в тени, но ни одной лавочки под деревом не оказалось. Такая вот она, физика реальности. Мозг начал поиск альтернативных вариантов. Взор упал на уютную лужайку, усыпанную свежескошенной травой. Дико захотелось присесть именно там. В голову полезли мысли о том, как несолидно взрослому человеку прохладиться на траве. Неподалеку ходили мамы с детьми и редкие парочки. А что бы сказала Гера по этому поводу? В такие моменты она умеет забыть на все и сделать то, что хочется. Надо садиться. Как здорово, что в сознании Гера всегда со мной. Возможно, даже лучше, чем если бы она была действительно рядом.

Я выбрал самый равноудаленный от проходимых мест участок. Пройдя через терзания общественными стереотипами, нормами и предубеждениями, я все-таки уселся. Присев, понял, что тактильно эта трава еще прекраснее, чем на вид. Она была мягкой, как подушка. Никакая теневая скамейка не сравнилась бы с этим нежным покрывалом. Отличное вегетарианское место для того, чтобы дожидаться аппетита к тяжелому мясному блюду. Решил, что музыка из телефона тоже не будет лишней. Балеарский хаус в полгромкости дополнил картину. Захотелось лечь. Сесть еще куда ни шло, но вот лечь... Такова была первая мысль. С другой стороны, как не лечь, если уже сел? Вторая волна сомнений была преодолена гораздо быстрее, чем первая. Подложив под голову глаженую рубашку, я развалился на траве. Вот оно! Да! Хорошо! Определенно этот день лучший день месяца и может претендовать на звание лучшего дня года. Мама, парочки, общественные нормы — все это ушло на второй план, а на первом осталось только чистое голубое небо с редкими облачками. Все-таки бывают моменты, когда физика этого мира устраивает полностью. И это именно такой момент.

Оказывается, для счастья достаточно выйти на свежий воздух и просто посмотреть вверх. Земля достаточно плотно прижимает нас к себе, но наш взгляд может легко преодолеть этот барьер. Заигравший эмбиент окончательно избавил от мыслей и перевел мышление в максимально примитивно-наивный режим. Детализация выкрутилась на минимум. Ничего не конструировалось и не

нагромождалось. Мозг превратился в аквариум с рыбками, вставку для рабочего стола. Только вместо иконок — простейшие фигурки из облаков. Иногда нужно незаметно пройти сквозь момент, не создавая ничего нового и не оставляя следов. Важно не то, что в нас есть, а то, чего нет.

Идиллию прервало пришедшее сообщение. Это был Пабло.

Разъяренные быки

Планы резко поменялись. Коррида отменилась. К Паблито приехал важный гость. По крайней мере, так он выразился. Смею предположить, это не гость, а гостья, ну да ладно. Вполне ожидаемый исход. Шаурмовскому сегодня не суждено было сбыться. Матадор не справился с нахлынувшими обстоятельствами, но как ответственный товарищ пообещал достойную компенсацию за неустойку в виде пары аббатских элей из «Нотра». Надеюсь, они не превратят меня в злодея...

Не успев разложить произошедшее в голове, я услышал шум, доносящийся с соседней аллеи. Это были дикие и пугающие крики двух брателло, несущихся на электросамокатах.словно выпущенные из загона быки, они прижимали прохожих к обочине. Несбывшаяся гастрономическая коррида обернулась футуристическим энсьерро. Желая по максимуму прочувствовать скоростные возможности шайтан-машины, более ретивый «бык», по видимому, не заметил, как стал терять управление. Поворот, в который он собирался войти, оказался слишком узким. Делая резкие движения и тормозя ногой, он попытался вырулить, но ему это так и не удалось. Врезавшись в бордюр, он слетел с самоката в кучки все той же свежескошенной травы. Повалявшись там несколько секунд и продолжая издавать пугающие звуки, он медленно начал вставать, осматривая себя и свое транспортное средство. Все это время рядом стоял потешающийся над ним братан. Похоже, что торо сильно не пострадал. Устраивала ли его физика, сбросившая его с самоката, или он был благодарен ей за то, что она подстелила для него мягкую траву? Можно только гадать. Но вот в чем я уверен, так это в том, что все-таки велосипед — лучшее изобретение человечества.

На этой причудливой ноте логично было закруглиться и развернуться домой. Можно сказать, гороскоп от друга оказался правдивым. Я остался голодным, но насытился впечатлениями. В каком-то смысле получилось даже острее, чем планировалось. К тому же впереди вечер в «Нотре», и, может, туда зайдет Гера...

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА¹

пояснение:

авторская задумка не совпадает с классическими представлениями о пунктуации;

точки в начале предложений(абзацев) выступают метафорой портала между миром реальным и описанным в рассказе;

множественные запятые позволяют читателю сделать более длительную паузу и, таким образом, выделить определенные моменты в тексте — расставить акценты;

кроме того, знаки препинания в тексте выполняют художественную функцию — рассказ становится не только литературным произведением, но и изобразительным

[текст написан с маленькой буквы дабы подчеркнуть искренность рассказчика, создается впечатление, что это сообщение, написанное другу, или исповедь в заметках телефона]

восемь утра. сегодня лето. вообще я живу в Алагире, но этой ночью ночевал на ЦУМе у друга после веселой юношеской попойки. и вот восемь утра. лето. мое восемнадцатое лето. последнее лето моей юности. восемь ноль два — я проснулся первым и, пока умывался, разбудил Ию по ментальной связи. Ия — моя подруга. Ия — дочь ортодоксального осетина и гиперопекающей тревожной матери. по совместительству Ия — одержимая искусством любительница потусоваться и во многом моя единомышленница. Ия

.один из дней знойного июня. один из рабочих знойных дней. короче, мне нужно идти на практику. пять лет назад маленький человек, подающий большие надежды в вольной борьбе, торгующийся этим спортом как искусством, слег в больничку. «гиперволемия», — сказали бесланские врачи. «перегрузка сердца, браток», — сказал тогда тренер. «Господи, помоги моему мальчику», — шептала мама. «пф, все же понятно — у тебя закрыта чакра анахата», — говорит Ия. и вот так этот самый человек попался в художественное училище, и из него вырос я. теперь я наконец приближаюсь к тому, чтобы закончить выдрачивать этот бесполезный академизм-реализм и идти по собственному пути в искусстве. а сегодня мне нужно идти в парк с пятикилограммовым этюдником и несколько часов писать деревца, иначе отец лишит меня карманных денег

¹ Орфография и пунктуация автора сохранены. (Примеч. ред.)

.вчера мы полупьяные сидели большой компанией на балконе у друга, устроившего пьянку, и глядели на клубничный закат. «завтра будет жаркий день», — сказала бы моя мама, но ее не было рядом, ведь она в Алагире, а я пью с друзьями. «В семнадцать-восемнадцать лет в психике происходят активные сепаративные процессы», — кажется, так сказала психологиня из тик-тока, я запомнил и процитировал родителям, когда они пытались контролировать меня видеозвонками в рандомные моменты жизни. и вот мы смотрели на заходящее солнце, и было так хорошо, что в животе поднималась легкая щекотка от предвкушения предстоящей жизни. во многом это было от выпитого после пива вина, во многом потому, что я ходил вчера на книжный клуб и смотрел все эти пару часов на сидящую на красном диванчике Милану. нет, это не романтическая линия. не то чтобы я был влюблен в нее — я считал себя слишком ментально зрелым, чтобы влюбляться так стремительно и искрометно, но она определенно нравилась мне, и было очень волнительно-приятно смотреть на движение ее губ сквозь чуть волнистые волосы. вообще-то, не имеет никакого значения, как она выглядела и выглядит, и в данную секунду вам не так уж важно знать, существует ли такая девушка и как я к ней отношусь, но мне очень хочется описать ее. волосы Миланы были такими... ну, коричневыми (так можно говорить про цвет волос?). в общем, она шатенка, и она необъяснимо вкусно пахнет. Милана пахнет парным молоком. хотя я не пью молоко — я против эксплуатации животных, — я веган. не сказать что она красивая (в конвенциональном смысле уж точно нет), но она обладает притягательностью на каком-то магическом уровне. лет пятьсот назад она была бы аланской жрицей. но сейчас она поэтесса. и еще режиссерка.

«безработная, одним словом», — сказал бы мой отец, но он в Алагире. да и Милане еще нет и двадцати, в этом возрасте не стыдно быть безработной. я сидел вчера в книжном клубе и восхищался тем, насколько хорошо Милана разбирается в искусстве — и в изобразительном, и, так сказать, в литературном. я тоже вознамерился блеснуть эрудицией и попытался выдать длиннющий пассаж, держа в голове список заранее заготовленных умных слов. я проделал это нарочитой скороговоркой, чтобы все (и Милана в том числе) решили, что я очень быстро соображаю. следующий час я думал о том, как невольно я высказался и насколько, наверное, видно со стороны, что я просто хотел произвести впечатление. потом в конце встречи Цхурбаев объявил конкурс. мол, нужно написать рассказ про книжный клуб и паб «Нотр-виль», победитель получит десять тысяч. Дальше я размышлял об этом. думал, как это идеально — писать рассказы, это навер-

няка мой конек, я же художник, так можно еще и получить деньги и позвать Милану в какое-то суперклассное место для юных претенциозных интеллектуалов. после клуба мы стояли с ней в одном кружочке курильщиков и курильщиц во дворе. в Осетии девушки, конечно, не курят — по статистике. но на книжном клубе статистиков вроде бы не наблюдалось, и девушки спокойно курили, стоя рядом со своими классовыми врагами, и обсуждали вечер. я вообще-то не курю, но пару раз в месяц можно. тем более я пошутил про драку в книжном клубе, и Милана посмеялась. мы перекинулись парой фраз, и после я уехал к другу.

По пути на вписку я обдумывал возможный сюжет рассказа и слегка поругал себя за мысли о деньгах, но удостоверившись, что я все еще презираю конъюнктурное искусство и деньги мне не так интересны, как искусство, я успокоился, но тем не менее сюжета не придумал. И вот потом мы смотрели на розовый закат, и я вспоминал, как я пошутил и Милана тепло рассмеялась

.а теперь восемь ноль два. Мы с Ией выходим покурить в Центральный парк. Я, конечно, курю пару раз в месяц и уже курил вчера, но Ия дымит, как паровоз, хотя, конечно, девушки в Осетии не курят. По статистике

.садимся у пруда. людей очень мало, их почти нет. мимо проходит женщина в дождевике, накинутом поверх халата. утренние пыльные лучи солнца пробиваются сквозь свод деревьев. а она в дождевике. и в халате.

— девочка, ты бы сходила в церковь, тут недалеко, — обращается она к Ие, и в голосе не слышно ни упрека, ни сарказма.

— эм-м... хорошо, поставлю за вас свечку, — так сказала Ия.

— нет, за меня не надо.

и эта странная дама, видимо, пребывающая в глубоком отчаянии и в затмении разума, уходит, бормоча о грешницах или что-то в этом роде...

через двадцать секунд ее уже нет в поле зрения, и я тут же забываю о ней.

спустя полторы сигареты к пруду подходит мужчина лет пятидесяти и опирается на ограждение. на голове у него смешная кепочка, кожа сильно загорела — видать, работает асфальтоукладчиком. как и Ия, он курит и вглядывается в глубь пруда. я отвожу от него взгляд, и тут он поворачивается к нам, переставая соприкасаться с ограждением прудика.

— ребят, я шифруюсь.

он произносит это шепотом и оглядывается. мы начинаем понимающе кивать, и он уходит, не докурив, в противоположную от той, куда ушла женщина в дождевике, сторону.

я чувствую себя персонажем сюрреалистической новеллы. мы с Ией тоже уходим. а лавочка, пруд и небольшое пространство вокруг остаются на месте. остаются безлюдными, как опустевшая сцена после спектакля

договорились с подругой дней моих суровых после трех похмелиться (хотя похмелья не было), и я пошел в училище. по пути позавтракал купленным в ларечке веганским пирожком, взял этюдник, поплелся опять в парк. часов в десять уже прилично пекло, а я не мог поменять место, потому что уже начал писать этюд с этого ракурса. каждые двадцать минут я отходил в тень. мимо ходили люди, ходили и подходили ко мне и к одноклассникам. стоял в тени, чуть поодаль от всех. ну да, я аутсайдер, это предсказуемо, учитывая мое неординарное мышление и излишнюю для осетинского парня интеллигентность.

подходит ко мне мужичок:

— хэй, парень, а с фотки ты сможешь сделать портрет?

иногда у меня бывают заказы за небольшие деньги, но ни разу еще вот так подошедший на улице человек не довел намерение до конца.

— могу, конечно, — я постарался ответить дружелюбно: все-таки можно быстро подзаработать чутка и пожить хотя бы несколько дней, а то и неделю без родительских наставлений. надо внушить себе ощущение финансовой независимости, а там она и придет откуда-нибудь. такой вот у меня метод прокачки денежного мышления, о котором толкуют все блогеры-миллиардеры.

этот тип говорил еще что-то, но я уже не слышал — почти все одноклассники ушли на обеденный перерыв, оставив этюдники с недописанной живописью открытыми.

подошел музыкант Майк Дзиов в смешной уютной футболочке и с какой-то женщиной. они стали рассматривать этюды, а я думал о том, как интересно жить в маленькой республике — можно вот так просто встретить рок-музыканта, и даже не скажешь по нему, каков род его деятельности.

— ну короче, я сейчас отправлю фотку. ты посмотри там, а я еще напишу ближе к вечеру, когда точно определюсь, — спустя пять минут беседы с этим коренастым челом без одного верхнего зуба мы обменялись номерами.

он скинул фотографию какой-то кривой женщины а-ля одноклассники 2009 и благополучно ушел.

Майк Дзиов с женщиной тоже ушли, а я сел в теньке жевать свой веганский протеиновый батончик и погрузился на пару минут в воспоминания. это было за день до моего семнадцатилетия, в Доме Кино шел рок-концерт. выступал Майк Дзиов — фронтмен

группы Дзюфф, местная звезда, единственный, о ком я слышал из всего состава концерта на тот момент. «м-м-м, осетинский рок, самобытно», — сказала тогда Ия, и мы пошли вместе. там я встретил какую-то малознакомую милую девушку, она намазала мне веки черными тенями, и я пригласил ее на медляк. мне казалось очень антуражным и литературным устроить медленный танец посреди рок-танцпола. Я романтизировал свою жизнь до предела в этот момент и представлял, как буду его вспоминать. вот, вспоминаю. правда, батончик сладкий, а я проголодался и хочу нормальной еды.

к окончанию практики я был изможден жарой, бездарностью своей кураторши и голодом. поэтому я поменял заранее продуманный план пойти с Ией в «Нотрвиль» на то, чтобы перед этим поесть веганской еды. решил прокачивать финансовое мышление и не экономить на себе. раз в месяц, а то и два можно пообедать и в кафе.

за поеданием фалафеля я рассказал Ие о целях посещения бельгийского паба. ей почти двадцать, да и я уже совершеннолетний, но было очевидно, что мы будем чувствовать себя там неуместными детьми. ну или подростками потерянного поколения. тем более девушки в Осетии наверняка еще и не пьют — по той самой статистике.

— понимаешь, я думаю, рассказ должен быть не выдумкой, а повествованием действительно пережитого. поэтому даже то, что происходит сейчас, по пути в паб, уже важно, — что-то такое рассказывал я Ие и представлял, что прохожие, случайно услышав обрывки моих речей, решат, что я невероятно интеллектуальный юноша и никакое наше поколение не «сафт».

в «Нотрвиле» оказалось дружелюбнее, чем я предполагал. подходя, мы перешептывались как нашкодившие дети, обсуждали, спросят ли у нас паспорт на входе. но нас встретил доброй улыбкой смазливый паренек, сбежавший из аниме. волосы этого не то бармена, не то официанта были собраны в милый хвостик под стать всему впечатлению, которое он производил.

я взял красный эль, потому что мне понравилось уточнение в меню о том, что он хранится в дубовой бочке, а Ия вишневое пиво — потому что оно вишневое.

..небольшой уютный паб, в анонсе конкурса выступавший местом притяжения неких невероятнейших городских историй. за барной стойкой сидела девушка с ноутбуком. «писательница, как думаешь?» — спросил у Ии. она усмехнулась, а я открыл заметки на телефоне (на ноутбук я еще не заработал в этой жизни) и начал писать рассказ, ведь как сказал Цхурбаев, только здесь за одним столиком может сидеть шумная компания, а за другим

писатель с блокнотом. я продумал небольшую часть сюжета. выходит, что начало было — впечатления от паба я получал в эту секунду, а сюжет сам появится где-то на этом этапе, но вот с финалом пока было туго.

затем мы неожиданно встретили хороших приятелей из компании, так сказать, осетинской интеллигенции. такие встречи происходят довольно часто, потому что выходит так, что эта самая интеллигенция тусуется в одних и тех же местах — открытия выставок, спектакли и всевозможные оперы, мюзиклы, шоу приезжих артистов, кино клуб и книжный клуб, ШКИТ, DOOB, The Lampæ, SWAP, технорейвы, ну и всякие концерты и лекции. Мне это нравится. по-домашнему будто. проспект, такой уже знакомый, кажется домом — каждая лавочка на нем. и весь Владикавказ, выходит, ощущается домом.

встретили мы, значит, компашку из загадочного паренька, то ли айтишника, то ли писателя, то ли еще кого и девушки чуть за тридцать, которая тоже непонятно чем занималась. единственное, что я знал о ней, — она замужем (но не за этим загадочным пареньком). в целом это были хорошие ребята, и мы, собравшись за одним столиком, стали обсуждать проблемы художественного образования в России. мне было неожиданно комфортно в этот вечер, в этой компании, в этом пабе, но надо было ехать домой в Алагир, и я поглядывал на время, чтобы успеть на автобус.

на подоконнике лежали стопочкой свежие выпуски «Дарьяла», которые были успешно перенесены за наш столик, и фрагменты из которых были успешно зачитаны вслух тоном манифеста. у меня уже приятно покруживалась голова от пива, а время приближалось к восьми, что значило необходимость скорого прощания с этим вечером. но это — для меня, а для всех остальных в пабе это было только началом культурной программы, потому что, как я узнал от повстречавшихся приятелей, сегодня тут выступал Майк Дзиов.

«он подходил ко мне на практике сегодня днем», — поделился я с горечью, ведь приходилось уйти в самый разгар веселья, как мне казалось

.мне негде было остаться на ночь во Владике, а просить приятелей приютить меня не хотелось — я оставался только по предположению. настало время двигаться в сторону алагирских маршруток, но я решил делать это аккуратно и ненавязчиво. чтобы никто не понял, что я ухожу так рано по меркам бельгийского осетинского паба, и чтобы успеть уехать в родной поселок городского типа на автобусе, и что я живу с родителями, и они ждут меня дома и ровно в восемь тридцать будут мне звонить. мне хотелось уйти так, будто я загадочный юноша и у меня еще планы

на вечер, и я, может быть, сейчас вообще пойду гулять с влюбленными в меня дамами.

я распрощался и вышел в освещенный огнями города, но все же темный вечер. только что прошел мелкий дождь, но людей было немало. складывалось впечатление, что все те, кто сейчас на улице — одна большая компания. время замедлилось. я наблюдал за людьми и думал, как опишу в рассказе классические осетинские типажи. мне было тепло наблюдать сладкий кусочек июня и мгновения жизней незнакомцев. а потом в какой момент я почувствовал себя не принадлежащим к этой глобальной компашке

я еле успел на последний автобус. еще не увидев его, я сказал родителям, что выезжаю в Алагир, и у меня в животе поднималась тревога от осознания того, что все автобусы могли уже уехать и сейчас люди в последнем светлом и теплом автобусе едут домой, а я окажусь в одиночестве на остановке, будет темно и ветрено, и мне нужно будет думать, как теперь добираться домой. я пытался успокоить себя тем, что я раскошелюсь на такси, но автобус оказался на месте. в его окнах действительно было желто-светло и еще в нем было много людей, которые готовы были ехать сорок минут стоя. я обрадовался даже этому и приготовил шестьдесят рублей, все еще беспокоясь, что мне даже стоячего места не достанется. но это Осетия, и кажется, именно поэтому контролерша не смогла оставить кого-то на темной остановке, и автобус выехал донельзя забитым. одним из модулей этой нелепой толпы был я — талантливый и, может, даже гениальный художник, почти писатель и непрерывно мыслящий человек. я, еще полчаса назад находившийся в божественной обстановке, в интеллигентной компании, в светлом, приятном месте, цивилизованном, как сказала бы моя мама, теперь трясусь в темном, тесном, обливаемом дождем автобусе, где пахнет потом, жженой резиной и селедкой — от потрепанного мужика.

утром я пытался убедить маму, что сегодня на практике бесполезный день и я могу пропустить, и вообще моя кураторша бездарна и никогда не видела ничего даже близкого к искусству. но матушка наорала на меня, и я, заранее зная, что опоздаю, опять плелся к автобусу. в нем было два места — рядом с женщиной лет сорока и другое, перед ней, — с довольно пожилым коричневым дедом, который вообще странно выглядел в этом автобусе без сопровождения. но я решил, что он, может быть, гораздо бодрее, чем выглядит, и сел с женщиной. она уже засунула в уши беспроводные наушники и приготовила шестьдесят рублей за проезд. мои наушники сломались еще неделю назад, и я достал книжку — сборник рассказов Солженицына. с дедулей никто не

сел. место рядом с ним оставалось единственным пустующим, но было уже время отправляться.

я почувствовал странный запах — как будто коровьего навоза. посмотрел по сторонам в поисках источника. так могло пахнуть только от людей в салоне, ну или запах был тут до их появления. в конце концов я решил не обращать внимания и стал перечитывать начало «Матрениного двора». открыл худую книжонку и не смог перелистать первые страницы — каждый раз меня пробирало от слов «Я возвращался наугад — просто в Россию». в них чувствовалась особенная чистота и духовность, что ли. автобус тронулся. окна были открыты, и, по моему предположению, запах должен был выветриться. но по ощущениям запах только усиливался. я пытался сосредоточиться на чтении, но это правда было несносно. похоже, кто-то наступил на дерьмо. очередной алагирский сюр. на минуту показалось, что если надеть наушники, то смрад перестанет пробиваться к моим ноздрям вместе с порывами свежего воздуха. «может, дед?» — вот так я уже подумал, но тут же отругал себя и заверил, что, даже если так, он не виноват. почему он вообще едет в другой город один? где его семья? есть ли у него дети? где он живет? любит ли его кто-то?

.позади было только полпути. тут дед встал — люди вокруг посмотрели на него — может быть, он собирается выйти в каком-то селе?

«нет-нет, у меня просто спина болит, я постою», — дед увидел немой вопрос в глазах всех этих людей и ответил на него

.я сидел по диагонали за ним. он встал потому, что у него затекла спина. на старомодных брюках в мелкую полоску было охристое пятно сзади. я непроизвольно дернулся. «ну нет, — сказал я себе. — не обязательно все должно быть именно так».

но все сходилось и сомнений не оставалось. интересно, о чем думают другие мои попутчики?

.когда мы доехали до первой остановки во Владикавказе, дед пошел к выходу. там стояла компания бородатых молодцев — повзрослевших джибуров. они помогли дедуле спуститься с подножки.

мне показалось, что не только я, а все пассажиры выдохнули с облегчением. автобус уже собирался ехать дальше, но молодцы стали вдруг стучать по двери: стой, мол. я подумал было, что деда обратно посадят. дверь открылась, один из компании богатырей резво засунул голову в салон. «а где его обувь? — крикнул он. — посмотрите под его сидением!»

«что происходит?» — спрашивал я себя. степень абсурда зашкаливала. какие-то люди разыскивали под креслом мокасины в

сеточку. мокасины деда, который только что обделался. вот оно, осетинское уважение к старшим.

«так и закончится мой рассказ», — промелькнуло у меня в голове, и я снова нырнул в «Случай на станции Кочетовка».

МУРАТ ГЕЛЯСТАНОВ

ПЕКЛО

Открывая машину, я словно распахнул двери в ад. Горячий воздух вперемешку с ароматами раскаленного пластика и металла, с легкими нотками девяносто пятого бензина в сочетании с тонким кофейным привкусом, источаемым мешочком с зернами, висящим на зеркале заднего вида. Гремучая смесь. Оставленный под лучами злого августовского солнца, автомобиль нагрелся так сильно, что сесть в него сейчас не было никакой возможности. Распахнув все двери, я отошел в тень под раскидистым орешником.

Жара последние недели две стояла какая-то аномальная. Днем термометр показывал градусов сорок пять, а то и больше. Проживая в пригороде, я с трудом переносил такое пекло. Боюсь представить, как с ним справлялись жители Нальчика, где температура в среднем на несколько градусов выше.

Сегодня субботним утром 22 августа 2026 года мне предстояла поездка во Владикавказ. Мне всегда нравился этот город. Уютный, но не слишком маленький, чтобы сойти за провинциальный. Не монструозно-огромный, подобно бесконечно расплзающимся депрессивным мегаполисам. Море зелени, парки, трамвайчики, чудесные горные пейзажи, добродушные жители, чистый воздух, вкусная еда. Но помимо всего этого была еще одна весьма приятная причина, по которой я решился на это путешествие, несмотря на аномальную жару.

Книжный, мать его, клуб.

Дело в том, что с самого детства я любил сочинять. Эта любовь прошла со мной сквозь годы, и даже в зрелом возрасте я не оставлял попыток написать идеальный рассказ, повесть или даже целый роман. Где-то не хватало терпения, где-то воображения, ну и мастерства в целом, однако это не мешало всем сердцем любить писательское ремесло. Только создавая миры, истории и наполняя их героями, я чувствовал себя по-настоящему хорошо. Никогда не считал это чем-то, что меня прокормит или прославит. Я просто делал то, что мне нравится, вот и все.

И вот одно из моих произведений попало в печать. Благодаря череде случайностей мой фантастический рассказ оказался на

страницах журнала «Дарьял». Он базировался во Владикавказе и был ориентирован больше на местных авторов. Отдавая предпочтение темам, затрагивающим историю и современность Северной Осетии. Тем удивительнее было мне с моим, мягко говоря, неформатным рассказом оказаться среди них.

Еще более удивительным было узнать, что намечается собрание владикавказского книжного клуба, на котором будут обсуждать мой рассказ. Главный редактор журнала вышел со мной на связь и предложил стать там гостем. С большим удовольствием я согласился.

Уже не рискуя схватить тепловой удар, я уселся в машину. Цель путешествия весьма приятна, а значит, никакая жара не может мне помешать. Где-то в глубине души мною руководили и честолюбивые мотивы. Увидеть свое творение на страницах печатного издания — это вполне ощутимый рывок для любого, кто считает себя писателем. И я — не исключение.

В среднем путь от Налчика до Владикавказа занимает около двух часов. Ехал не торопясь, поэтому потратил три. В дороге слушал музыку, любовался пейзажами, останавливался попить водички и выкурить сигаретку-другую. Люблю поездки. В них меня всегда сопровождает некий дух приключения. Не такой бесшабашный, как в детстве, но все еще способный пробудить внутри странное, тревожно-радостное чувство.

Я заехал в город под песню Цоя. «Скооооороо кончится леее-тооо...» — пел музыкант.

— Скорее бы уже оно кончилось, — пробормотал я, ощущая, как сгорел на солнце мой левый локоть.

Тонировать передние стекла законы запрещают. Но если климат будет меняться и дальше такими темпами, нужно господам из правительства эти моменты пересмотреть.

По пути я несколько раз наткнулся на стычки водителей. Грызня на дороге обычное дело. А когда припекает так, что мозги начинают вытекать из ушей, у некоторых и вовсе сносит крышу. Больше всего запомнился бой дальнобойщика с водителем маршрутки на окраине одного из сел на подъезде к Владикавказу. Схватив увесистые баллонные ключи, оба водителя кружили в смертельном танце, готовые одним ударом отправить противника на тот свет. Не знаю, чем схватка закончилась. Будем надеяться, что победила дружба.

Радуюсь отсутствию пробок, я подъехал к финальной точке своего пути. Паб Notre Ville. Небольшое, достаточно уютное заведение почти в самом центре Владикавказа. Тихая улочка, мягкий розовый оттенок стен, неспешно-размеренная атмосфера района. Да, книжный клуб очень хорошо укладывался сюда тем самым недостающим элементом пазла.

Паркуя автомобиль, я случайно задел радиоприемник. «Врубайте кондиционеры на полную! — заверещал навязчиво-неприятный голос девушки-диктора. — Британские ученые предупреждают о гигантских вспышках на солнце. Возможны перебои в работе техники, ухудшение самочувствия у некоторых людей, головные боли и...»

К черту! Я отключил радио. И без британских ученых понятно, что солнце сошло с ума. Ничего, переживем. В пабе должно быть прохладно. В пабе должно быть пиво. А холодное пиво — лучшее средство для борьбы с агрессивными солнечными вспышками. Домой сегодня не поеду, плевать на все. Осточертели однообразно-душные августовские будни. Зависну, пожалуй, денька на два во Владикавказе. Сменю декорации.

Внутри оказалось и правда прохладно. Вкусно пахло снеками. Словно ковбой, ворвавшийся в салун после долгого путешествия, я окинул прищуренным взглядом паб. Бармен за стойкой неторопливо разливал пиво в покрытые инеем бокалы. За столиком у двери лениво что-то обсуждали две девчонки. На стенах висели разного рода картины, а лампы, свисающие с потолка на длинных шнурах, освещали пространство мягким желтым светом. За столиком в самом дальнем углу сидел Алан, основатель книжного клуба и по совместительству главный редактор «Дарьяля». Увидев меня, он помахал рукой.

— Пива? — тут же предложил он, после того как мы поздоровались.

— Не откажусь, — кивнул я. — Жара, конечно, дикая...

Пока собирались гости, мы общались о том о сем без какого-либо вектора, обсуждая то литературу, то политику, то футбол. Отдыхая от дневной жары и дороги, я с удовольствием осушил бокал. Затем второй. Заказал еще. Постепенно собирались гости. Когда все расселись по местам и Алан сказал, что пора начинать, я насчитал десять человек.

— Совсем как у Агаты Кристи, только сегодня никого, надеюсь, не убьют, — пошутил я после того, как главный редактор меня представил.

Шутку аудитория приняла, и дружеский, ненавязчивый тон вечера был задан.

Мы знакомились, общались, обсуждали, как это и принято в порядочных книжных клубах. Хочу заметить, обсуждения не были завязаны лишь вокруг моего рассказа. Говорили о жизни, о литературе в целом, о жанрах и их месте в нашей «кавказской» культуре. Добрый, спокойный, уютный вечерок. Именно такой, каким я его себе и представлял. Гости были разные, каждый со своим

мнением, своим видением того или иного вопроса. Я слышал, что в этом клубе обсуждения порой заканчивались драками, но сегодня споры, пусть и достаточно жаркие, не таили в себе никакой агрессии.

Анализируя все и разделяя свою жизнь на условные «до» и «после», я понимаю, что этот вечер был отличным завершением этапа «до». Я восседал в удобном кресле, пил чай с лимоном, выслушивал отзывы о своем рассказе, высказывался сам, шутил, спорил. Совершенно искренне, от души, улыбался и думал о том, что жизнь не так уж плоха. Даже мой внутренний ипохондрик, вечно ноющий о том, что в каждой бочке меда есть своя ложка с экскрементами, притих. Весьма, как оказалось, некстати...

Я услышал крик.

До этого момента все мы, увлеченные спорами, не обращали внимания на шум с улицы. А он был. Наша оживленная дискуссия о месте Лавкрафта в мировой культуре заглушала без того невнятный, словно зарождающаяся где-то далеко гроза, гул. На секунду прислушавшись, я уловил, из чего он состоит. Перебивающие друг друга звуки сирен, крики, металлический скрежет и звон разбитого стекла, ругань и даже нечто похожее на выстрелы. Интересно, что там происходит?

— У вас в городе праздник сегодня? — повернулся я к Алану.

Ответа не последовало. Он сидел молча, как-то странно уставившись в одну точку на стене паба. В тот момент я еще ни о чем не подозревал, но этот пустой взгляд меня сразу встревожил. Есть такая штука — эффект темной долины называется. Гипотеза о том, что объект, выглядящий и действующий примерно как человек, но не являющийся им, вызывает страх и неприязнь у наблюдателя. И все из-за глаз. И вот сейчас во взгляде добродушного и интеллигентного Алана я увидел нечто подобное. Казалось, это был тот же самый человек, который минуту назад рассказывал, как распробовал в детстве первый сникерс. Но стоило заглянуть в бесконечно глубокую пустоту в его взгляде, и моментально возникало ощущение, что вместо человека подсунули куклу. Да, невероятно детально сделанную, достойную всех наград гильдии кукольных мастеров (если таковая существует), имитирующую каждую морщину, каждый волосок, каждый изгиб на лице — но все же куклу. Неживую и бездушную.

Послышался звон битого стекла. Повернувшись на звук, я увидел бармена. Он неподвижно стоял за стойкой. На полу перед стойкой валялись осколки разбитого бокала, а рука парня застыла на блестящем металлическом кранике, из которого на пол проливалось с характерным журчанием темное пиво. Глаза бармена,

точно такие же пустые, холодные и безжизненные, как у Алана, пугали. Еще одна кукла.

Что, черт возьми, тут происходит вообще?

Я окинул взглядом гостей паба — и будто попал в древние тренды соцсетей. Помнится, был такой «манекен челлендж». Вот и сейчас люди застыли в разных позах. Кто-то глядел в потухший экран смартфона, кто-то на соседа, кто-то в потолок. Позы были разнообразны, но всех этих людей объединяло одно — пугающая, неестественная, не имеющая ничего общего с человеческой сущностью, бесконечная пустота в глазах. Я будто оказался в музее восковых фигур. С момента, когда все это началось, прошло секунд пять. Но пауза казалась бесконечной. Внутри меня росло ощущение тревоги и ненормальности происходящего. Если это розыгрыш, то очень странный и совсем несмешной.

Растерянно переводя взгляд с одной застывшей куклы на другую, я наткнулся на глаза, которые выделялись в общей массе стеклянных шариков. Это был парень со странным именем Рамзес. Кучерявый очкарик, большой фанат кинематографа и хорроров в частности. Он, как и все в пабе, застыл. Но, скорее, интуитивно. Почувствовал нечто аномальное и неестественное в происходящем. Да, он был неподвижен. Не нарушал концепцию манекен челленджа. Однако его взгляд был живым. Растерянным, напуганным — но живым.

Тягучая тишина в заведении нарушалась лишь журчанием проливаемого на пол пива и постепенно нарастающим гулом с улицы.

— Что за... — охрипшим голосом начал Рамзес. Слова застряли у него в горле.

Я никогда не считал себя героем. К чему-то экстремальному жизнь меня не готовила. Сюжеты, так любимые мною в литературе и кино, тем и хороши, что не должны происходить в реальности. Каждый из нас, просматривая фильм о нашествии зомби или атаке пришельцев на Землю, видит себя среди тех, кто храбро сражается до самого конца, отстаивая интересы гибнущего человечества.

Но случись такое в реальной жизни — большинство погибнет в первые пятнадцать минут. И я, не обладающий какими-либо выдающимися навыками выживания, буду среди этого большинства. Так я всегда думал. Но вот прямо сейчас подсознание подсказывало мне, что вокруг происходит нечто неладное. Тревожная суе-та на улице, пугающее поведение людей в пабе...

Огромное количество научной фантастики, прочитанное мной за всю жизнь, изобиловало подобными сюжетами. Но реальный мир, черт побери, не имеет ничего общего с выдумками писателей. Тогда почему мне так страшно? Почему во взгляде Рамзеса

я вижу ужас, который не в состоянии изобразить или скопировать ни один, пускай даже самый лучший, актер?..

Боковым зрением я уловил движение, и сумбурный бег моих мыслей прервался.

Восковые фигуры стали оживать.

Подсознание кричало: «Беги!» Но, будто замороженный, я смотрел на Алана. Он тоже смотрел на меня. Точнее сказать — сквозь меня. Словно я пустое место. Этот взгляд не принадлежал человеку. На лице застыло озадаченное выражение. Алан покрутил головой, но зрачки при этом оставались всегда в центре глазных яблок. Словно он хотел осмотреться, но забыл, что можно не крутить головой, а просто перевести взгляд. Из уголка рта потекла слюна. Послышался звук — что-то вроде бесконечно растянутой и размазанной буквы «х». Не вставая со стула, Алан резко выпрямил ноги и грохнулся на спину. Я вскочил и интуитивно кинулся ему на помощь, но кто-то схватил меня за локоть и оттащил. Одернув руку, я молниеносно обернулся. Это был Рамзес. Не говоря ни слова, он отрицательно покачал головой и сделал шаг в сторону. Я увидел гостей книжного клуба.

Стоит мне закрыть глаза, эта картина тут же всплывает в памяти. Если поведение Алана еще можно было списать на некий приступ или нечто подобное, то толпа катающихся по полу людей не оставляла сомнений в массовости этого ужасающего явления. Все, кто был в пабе, кроме меня и Рамзеса, вели себя примерно одинаково. Они будто забыли, как пользоваться руками и ногами, забыли, как вставать и как садиться, как контролировать свой кишечник и мочевого пузырь. Забыли, как держать равновесие, как правильно дышать и издавать членораздельные звуки. Забыли, как быть людьми. Они даже не напоминали животных. У тех есть хотя бы некая подчиненность инстинктам в поведении. А тот, кто управлял людьми в пабе, будто решил понажимать все кнопки одновременно на своем дьявольском геймпаде. Дикое, ужасающее, необъяснимое зрелище.

Не сговариваясь, мы попятились к выходу. Еще минуту назад мир был таким обычным, а теперь происходил невообразимый хаос. На улице тоже творилось неладное. Крики, ругань, визг покрышек и все более учащающаяся стрельба не оставляли сомнений в том, что опасность грозит нам не только здесь, в стенах уютного и милого некогда паба. Там, на улицах города, происходит нечто. Может быть, тот же кошмар, что наблюдаем мы, только в гораздо больших масштабах. А может, не только в этом городе, а по всему миру?

Я достал смартфон, запустил Ютьюб. Открыл тренды, пролистал. В разделе «популярное видео» висели довольно одно-

типные ролики. Мне даже не нужно было их запускать. Названия говорили сами за себя. «Нападения обезумевших людей», «Атаки психов», «Хаос на Красной площади», «Военное положение» и так далее. Это какие-то отдельные словосочетания, которые бросились в глаза среди общей массы переполненных кровью и жестокостью роликов. Я не вчитывался. На это не было времени.

Движения катавшихся по полу в блевотине и испражнениях людей становились все более точными. Некоторые уже могли вставать на четвереньки и даже садиться. А затем начинали с интересом рассматривать свои руки и ноги. Словно видели их впервые. После следовали безуспешные попытки встать на ноги. Люди падали, не в силах сохранять равновесие, но пытались снова и снова. Получалось у них с каждым разом все лучше.

— Я понятия не имею, что тут творится, но оставаться в пабе точно не стоит.

Это сказал Рамзес. Он был бледен. Руки его заметно тряслись, старомодный галстук косо и неопрятно висел на пропитанной потом рубашке. В глазах читалась палитра эмоций, которые выражал, я так думаю, и мой взгляд. Растерянность, непонимание, страх...

— Да, конечно, — пробормотал я.

В горле пересохло, а тягучая слюна никак не хотела проваливаться в пищевод.

— Ты видел? — Я протянул Рамзесу смартфон.

Он схватил гаджет и несколько секунд вглядывался в экран. Лицо его приобрело серый цвет.

— Бэ-Пэ, — тихо сказал Рамзес.

— Чего? — Я сначала не понял.

— Бэ-Пэ, — повторил он громче. — Большой Пипец.

Скажу честно, использовано было другое слово. Тоже начинающееся на букву «п» и вполне близкое по смыслу.

В эту секунду наш мирок, ограниченный стенами паба, взорвался. Люди, точнее сказать, существа, внешне очень сильно напоминающие людей, стали кидаться друг на друга. Поначалу это было похоже на грызню в собачьей стае, однако уровень агрессии и жестокости рос на глазах. Бармен выскочил из-за стойки и набросился на женщину, милую учительницу лет пятидесяти. Кажется, ее звали Марина. Он пытался укусить ее за горло, но хрупкая женщина оказала неожиданно мощный отпор и впилась побелевшими от натуги пальцами нападавшему в лицо. Я отчетливо увидел, как большой палец дамочки глубоко вошел в глазницу бармена. Тот, будто бы не замечая потери глаза, оттолкнул ее с такой силой, что она повалилась на спину и ударилась затылком об

угол стола. По полу растеклась алая лужа. Тут же сзади на бармена напал Алан.

Подобной жестокости я не видел даже в кино. Так как мы с Рамзесом стояли поодаль от общей массы, нас пока не замечали. Толпа людей сплелась в клубок, в котором каждый хотел уничтожить каждого. Убить, перегрызть глотку, оторвать пальцы, выколоть глаза, вырвать языки. Лишить во что бы то ни стало жизни. Агрессия была направлена не на кого-то конкретного. Скорее, на любого, кто оказывался в поле зрения. В визжащих существах, истекающих кровью и катающихся по полу, не было ничего человеческого. Лишь злоба и агрессия. Злоба, в миллионы раз мощнее той, что чувствовал любой человек когда-либо живший на земле. Злоба, охватившая разум этих существ, заменив собой все остальные эмоции. Радость, страх, грусть...

Досматривать до конца сцену битвы в пабе мы не стали. Разумным решением было уносить ноги, пока на нас не обратили внимание. И пусть улица не сулила ничего хорошего, ограниченное пространство паба было все же менее удачным пристанищем для нас.

Снаружи Бэ-Пэ, как выразился Рамзес, предстал перед нами во всей красе. На перекрестке горел перевернутый автомобиль. По улице носились обезумевшие люди, набрасываясь друг на друга, устраивая стычки, порой кровавые, но иногда обходившиеся тумаками и царапинами. Прямо перед нами лежал человек. Мертвый. Вместо головы у него было кровавое месиво. Пиво в желудке забурлило, подступая к горлу. С трудом сдерживая тошноту, я схватился руками за голову.

Снова послышался выстрел. Из-за горящей машины выскочил полицейский. С перекошенным от ужаса лицом он пытался кого-то вызвать по рации, одновременно отстреливаясь от мужика в дорогом, испачканном кровью костюме. Несколько раз блюститель порядка стрелял в ногу нападавшему, и я точно видел, что он не промахивался. Тот, однако, не замечая ранений, продолжал атаку. Отступая, полицейский споткнулся о бордюр и упал. Тут же мужик с прострелянными ногами набросился на несчастного, вгрызаясь бедолаге в лицо и шею.

На улице темно. Пахло гарью. Да и столбы дыма на горизонте говорили о том, что город охвачен пожарами. Тут же пронеслась скорая. На дорогу прямо перед ней выскочил обезумевший мужик. Водитель ударил по тормозам, но расстояние было слишком мало. Автомобиль снес пешехода и врезался в фонарный столб. Водитель, подтверждая незыблемую истину о том, что всегда нужно пристегиваться, вылетел из лобового стекла.

С момента, как я обратил внимание на остоленевшего Алана, прошло, может быть, минут пять. Невероятное количество событий уместилось, однако, в этот отрезок. Наблюдая с замирающим от ужаса сердцем за водителем, летящим навстречу своей смерти, я наконец осознал, что происходит глобальная катастрофа. Сколько раз я видел эти сценарии, такие разные и одновременно похожие друг на друга. На страницах книг, в компьютерных играх, на экранах кинотеатров или в излишне затянутых сезонах телесериалов. Но сейчас все было реально. Все это происходило со мной. И пока летел несчастный водитель, я успел подумать о многом.

Я вспомнил о жаре. Вспомнил сообщения об аномальной солнечной активности. Вспомнил битву водителей на дороге. Бросил взгляд на небо...

Несмотря на вечер, было очень светло. На горизонте разливалось зарево. Нет, не от охвативших город пожаров. Словно танцующее пламя, завлекая и завораживая, переливаясь разными цветами, фантастически красивое и такое пугающее, над горами Кавказа разливалось сияние, которое принято было раньше называть Северным. Я лишь примерно знал, что собой представляет это явление, но точно помнил, что в наших широтах его быть не должно. Невероятная иллюминация для тех, кто насладиться этой красотой уже не в состоянии. Для обезумевших существ, некогда бывших людьми. Для визжащих двуногих, переполненных яростью и злобой. И для небольшой кучки людей, которые не подверглись метаморфозам.

Водитель все еще летел, а я успел подумать о причинах. Во всем виновато солнце? Только этот фактор охватывает всю планету целиком. И это сияние, которого тут быть не должно. Значит, солнце что-то поменяло в людях? Но почему не изменило меня, почему не превратило в чрезмерно агрессивное существо? Вот и Рамзес, стоящий рядом, тоже нормальный. Водитель скорой, полицейский. Тот, кто стрелял из пистолета на соседней улице, тот, кто выложил ролик на Ютьюб... Мы не изменились. А значит, нас что-то объединяет. Но что?

Бедолага долетел наконец до асфальта и растянулся неподвижно, неестественно вывернув шею и правую ногу. Мир вокруг, который до этого будто застыл для меня в замедленной съемке, закопошился еще яростнее. Я четко слышал звуки взрывов, автоматные очереди. И сирены, сирены, сирены...

Глядя на завалившуюся набок скорую, я вспомнил, как недавно ходил сдавать кровь. Ее не захотели принимать, объяснив отказ наличием в моей крови некоего антигена. Мол, у большинства его

нет, а у вас положительный. Как же он назывался... м-м... Что-то вроде КЭЛЛ-антиген...

— Эй, Рамзес, — тихо позвал я своего товарища по несчастью. Или по счастью? Это как посмотреть.

— А? — Все это время он пытался до кого-то дозвониться.

— У тебя какой КЭЛЛ-антиген? — спросил я, не осознавая всю бредовость вопроса.

— Чего? — Он посмотрел на меня как на идиота.

— Говорю, антиген какой? Ты кровь сдавал когда-нибудь?

Рамзес ничего не ответил. Бросив на меня осуждающий взгляд, он повернулся и побежал куда-то в сторону центра. Я глядел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за углом. Сгущающиеся сумерки хорошо подсвечивались сиянием, городское освещение тоже работало. Пока. Надеюсь, Рамзес доберется до дома и будет в относительной безопасности. А что делать мне?

Я снова поглядел на небо. Сияние стало интенсивнее. Уверен, даже самые северные широты никогда не наблюдали такого впечатляющего зрелища. Постепенно улица заполнялась рычащими существами, еще недавно бывшими людьми, со своими мечтами и стремлениями, радостями и печалью. И пока я стоял неподвижно на ступеньках паба, меня не замечали. Я прикинул, как лучше добежать до машины.

И пусть я не рассчитывал садиться за руль после трех бокалов пива, но все это больше не имело никакого значения...

АЛИНА ЗАНГИЕВА

МАХЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

1. Мари прилетела

— Привет, Мари! Как добралась?

— Прекрасно! У вас тут уже совсем весна: птицы поют в центре города, будто в лесу.

— Ты к нам как раз вовремя — тут есть все для бледных и худеньких петербуржцев, истосковавшихся по теплу, свету и вкусной еде. Ты, кстати, голодна?

— Нет. Уже успела роскошно поужинать в «Доме у реки».

— Тогда начнем с прогулки по вечернему парку. А завтра у нас культурный день: сначала идем в национальный музей — посмотрим мой любимый зал с поздней бронзой. Его просто необходимо увидеть, чтобы понимать, что за последние несколько тысяч лет человек становился все грубее, глупее и расщепленнее... А

вечером посетим книжный клуб Цхурбаева — там обсуждают литературные работы местных писателей. Часто сами авторы присутствуют, и это бывают очень живые и увлекательные дискуссии с национальным колоритом. Однажды участники так распались на почве расхождения эстетических предпочтений, что битва интеллектов закончилась обычной дракой. Надеюсь, эта встреча вернет тебе веру в будущее человечества.

Мария рассмеялась:

— Ты так обольстительно обо всем рассказываешь, Лил, что мне хочется довериться и последовать за тобой даже в ад.

— К счастью, в ад меня еще не пригласили, поэтому нам пока придется последовать к особняку барона Штейнгеля, построенному в 1890-х годах. Он как раз располагается в самом начале парка, и мы к нему уже приближаемся.

Мы спускались по улице Горького, уже совсем стемнело, город наполнялся ароматами весенней южной ночи. На углу светился уютными окнами бельгийский паб Notre Ville, по вечерам тут часто играла живая музыка. Освещение внутри было мягким и будто бы с коричнево-желтыми оттенками. Дверь паба была открыта. Высокая красивая девушка пела на арабском, ее загорелые руки в цветных браслетах придерживали микрофон, установленный на стойке. На голове темно-красный платок, длинные каштановые волосы извивались по открытым плечам. Кожаные брюки, низкий сочный голос. Мне стало любопытно, что означают эти таинственные, плавные и в то же время тревожно изгибающиеся в вечернем воздухе звуки. Я зашазамила песню и загуглила текст с переводом: Yasmine Hamdan, Douss.

Кормили нас лозунгами, ложью и обманом,

Всем тем, чего мы с тобой не искали.

Их конфликты, неутолимая жадность

Истощили наши души, опустошили нас полностью.

Война, в которой мы не участвуем,

Ни ты, ни я в этом не участвуем... в этом... в этом...

Ни правительства, ни режимов, ни вас, ни меня, нет, нет, нет, нет...

2. В музее

Утренний воздух приносил запахи цветущих деревьев и свежих ванильных булочек. Из развешанных по деревьям динамиков привычно звучала легкая приятная музыка, сейчас это была песня Эдит Фрост Easy to Love. Мария уже ждала меня в аллее перед музеем. Она сидела на скамейке, тени от листвы игриво касались ее улыбающегося лица.

— Прости, что опоздала.

— Ничего страшного, я не скучала. Мне тут мужчина с собачкой показывал фокусы, а еще процитировал немецкую пословицу: «Блондинки делают мужчин счастливыми».

Мы рассмеялись.

Мария была воплощением счастья. Яркие и ясные голубые глаза, тонкое платье нежного персикового оттенка. Длинные очень светлые волосы приходили в движение даже от самого слабого дуновения, на солнце они играли как тончайшие золотые паутинки. Она выглядела очень живой и настоящей. Ее легкость казалась мне недостижимой.

Мои волосы были тяжелыми и темными, поэтому я всегда стриглась коротко. Голова была слишком увесистой для моей тонкой шеи и даже немного клонилась от тяжести набок. Могла ли я сделать мужчину счастливым? Скорее, довела бы до отчаяния своей экзистенциальной тоской. Я представила, что если бы мы с Мари были сказочными персонажами, то она оказалась бы прекрасной эльфийской принцессой — жемчужная диадема мягко светилась бы в ее волосах. А я была бы холодной сиреной с безумными глазами — притягивала бы с помощью темной силы неосторожных путников и утаскивала на дно... Ну или на обочину жизни.

В музее было прохладно и тихо. Мраморная лестница со стеклянными перилами вела на второй этаж. Экспозиция начиналась с просторного зала кобанской культуры, здесь была выставлена древняя керамика и бронза. Кроме нас в зале никого не было. Мы остановились возле стеклянного пенала, внутри которого был выставлен искусно исполненный бронзовый кинжал — рукоятка украшена фигурками двух всадников, всадники смотрят в одном направлении и обнимают друг друга за плечи. Как хотелось бы знать историю этой вещи! Может, кинжал был предназначен в подарок другу, а может, товарищу по оружию. Или бывшему врагу в знак примирения...

Бронзовые бусины. Птицы, похожие то ли на мышек, то ли на рыбок, но совсем мало на птиц. Их носили по семь штук в ожерелье, но археологи никогда не находили их в полном комплекте. Древняя бронза — удивительно красивый материал, время оставляет на нем свои следы, вместе с тем наделяя вещь тысячелетней мудростью, сакральным знанием, трансцендентным опытом и магической силой. Кажется, любой из этих экспонатов может открыть тайну жизни, наделить способностью видеть и слышать глубже привычных измерений. Очень часто попадался символ спирали: змеевидные браслеты и кольца, амулеты со спиралевидными рисунками, украшения в виде животных, подвески, множество керамических изделий разнообразных форм и размеров.

В центре зала был расположен большой плоский камень, примерно метр в диаметре. Под него подставлены три камня поменьше. Со стороны конструкция походила на древний каменный табурет на трех ножках. Мария, видимо, решила, что это стилизованная скамейка и присела на него, не заметив таблички с описанием экспоната. Мне захотелось пошутить над ней:

— Мари! Это священный предмет, на нем нельзя сидеть!

Мария привстала растерянно. Стараясь придать себе убедительную значительность, прямо и проникновенно заглядывая в глаза, я стала рассказывать то, что накануне узнала из документального фильма о каменных лабиринтах, переплетая с тем, что прочитала о камне на сайте музея:

— Это сокровище музея. Камень-линза, с изображением спиралевидного лабиринта. Был найден в горах рядом с селением Махческ. Спираль — один из глубочайших символов вселенной. Она выступает в качестве общего кода единого мира, который заложен природой в основу всего сущего. Основой мироздания являются торсионные, или скрученные, поля, допускающие мгновенное распространение любой информации. Возможно, спиралевидные лабиринты служили особыми устройствами, резонаторами для пробуждения в человеке определенных свойств сознания. Можно предположить, что они являлись инструментом для присоединения сознания человека к информационному полю, где хранятся универсальные знания о мироздании. У нас в народе считали, что на камне изображен план жилища Сырдона. По легенде, самый хитрый из нартов жил в подземелье и путь к его дому был известен лишь ему одному. Но эта версия сомнительна. Аналогичные лабиринты на камнях и на поверхности земли ученые находят по всему миру. Существует даже специальный термин — семивитковый лабиринт. В древности он символизировал смерть и возрождение, своеобразный переход между двумя мирами. Экскурсоводы говорят, что, если поднести ладонь к Махческому лабиринту, можно почувствовать исходящее от него тепло, а подвешенный маятник раскачивается без помощи человека.

Мария принялась разглядывать камень. Казалось, он был желтоватого цвета, но на самом деле камень обыкновенный, серый, сверху покрытый гранитной штукатуркой, на которой глубоко процарапан рисунок лабиринта. Самый последний, внутренний круг напоминал голову ящерицы. В центре головы углубление, похожее на глаз.

Чтобы придать весомость произнесенной речи, я поднесла руку к самому центру лабиринта, держа ладонь прямо над «глазом ящерицы»... В этот момент произошло что-то странное: глаз

будто бы открылся внутри камня, превращаясь в черную дыру, из которой засиял желтый луч, просвечивая центр моей ладони. Мария смотрела удивленно, но абсолютно спокойно, так как считала, что я знаю, что делаю, — а я испугалась и не понимала, что происходит. Глаз стал расширяться, а музейный зал будто поплыл влево, я перестала различать предметы, мозг отказался обрабатывать происходящее.

3. В лабиринте

Когда сознание вернулось, я обнаружила себя в пещере.

Свет сюда попадал сверху из расщелин, через некоторые было видно низкое серое небо. Тихие звуки воды, капающей и журчащей, действовали успокаивающе.

Если камень переместил меня сюда, то, наверное, я нахожусь в том месте в горах, где он был найден. Предположим так, но для начала нужно выбраться из пещеры.

А вдруг камень переместил меня внутрь своего лабиринта?

Путь у меня был только в одну сторону. Интересно, этот тупик — это самое начало или самый центр лабиринта? В любом случае надо идти...

Пещера становилась все более знакомой и родной, страх неизвестности постепенно уступил место любопытству. Казалось, я шла уже довольно долго, телефон заглохнул и показывал одно и то же время — 12:22. Сети не было.

Коридор пещеры то сужался, то расширялся. Иногда в скалистой стене появлялись ответвления, но я решила держаться центральной дороги. На рисунке у лабиринта не было ответвлений.

Иногда встречались родники, поэтому жажда меня не мучила.

Попадались каменные насыпи — один из камней, размером с голову человека, лежал прямо у меня на пути. На камне была трещина, будто бы он лопнул, как спелый арбуз. Я присела, обхватила пальцами края трещины — камень легко раскололся пополам. Это был аммонит — закрученная в спираль окаменелая раковина головоногого моллюска, жившего миллионы лет назад и вымершего вместе с динозаврами. Капсула времени потрясающей красоты, совершенное произведение искусства. Я застыла от восхищения и благодарности Творцу. Такое сокровище нельзя оставить на дороге, но как унести с собой такую тяжесть? Еще неизвестно, сколько километров впереди...

Я решила забрать хотя бы половину. С собой у меня была только маленькая сумочка, так что пришлось нести камень прямо в

руках. Это было и тяжело, и неудобно, руки очень быстро устали. Было совершенно ясно, что нужно оставить камень, но я никак не хотела это признать.

Из-за камня в руках мне не было видно, куда я наступаю. В какой то неудачный момент я споткнулась, упала, ударилась правой скулой и ушибла ногу. Пришлось расстаться с сокровищем и продолжить путь хромая, с чувством разочарования, с ноющими руками и ссадиной на щеке. Я была так удручена потерей, что долго шла, ничего не замечая вокруг. А когда наконец огляделась, оказалось, что справа появился ручей. Я присела, чтобы умыться и отдохнуть.

4. Отпускание птиц души

Где-то вдалеке слышалось пение птиц. Прямо надо мной свод пещеры расходился, видно было прояснившееся небо с редкими облаками-перышками. Я залюбовалась неспешными превращениями облачных форм. Справа в расщелину влетели две птички. Снизу они казались маленькими, но, когда приземлились у ручья, оказались размером с сойку.

У птиц были человеческие лица.

Я, наверное, сошла с ума, но это, похоже, случилось еще в музее. Птица с лиловым оперением сделала несколько шагов в мою сторону.

— Меня зовут Сирин. А это Хума. — Она махнула лиловым крылышком в сторону золотой птицы.

Хума приветливо кивнула и тоже подошла поближе. Их маленькие лица смотрели на меня очень внимательно. У Сирина глазки сверкали невозможной синевой. У Хумы было оперение жар-птицы, на крыльях радужные полосы, она была похожа на очень умного попугая с высоко поднятыми бровями.

— Пой! Тебе обязательно нужно петь, а то умрешь. Невысказанное съест тебя изнутри.

— А что петь?

— Все равно, хоть про тонкую рябину, хоть про веселых гусей. Соедини свое сердце с голосом. У тебя сейчас нет между ними связи. Вот ты и не можешь сказать, что чувствуешь. Стоишь и молчишь, а иногда еще и улыбаешься неискренне.

Я закрыла глаза. Сердце было спокойным, но переполненным неизъяснимыми чувствами; казалось, что оно вот-вот лопнет. А горло было сдавлено, будто перетянута веревками. Таким горлом можно было только хрипеть. Я попыталась запеть, но вместо этого начала плакать. Даже непонятно от чего. То ли от счастья, то ли от горя, то ли от любви, то ли от боли, то ли от обиды, то ли от

раскаяния — и все переплетено, перемешано. Столько всего накопилось, что уж не разобрать.

Так я сидела и плакала очень долго. Птицы все время были рядом и просто смотрели. Меня поддерживало их присутствие и молчаливая сопричастность. Труднее всего было выплакать отчаяние. Слезы становились черными и вязкими, как смола.

Не знаю, сколько времени прошло, но в какой-то момент слезы закончились, и у меня получилось запеть. Не то чтобы по-настоящему — скорее, издавать какие-то звериные звуки. Птицы стали подпевать, а когда мои звуки превратились в мелодию, начали еще и пританцовывать, как это обычно делают большие попугаи.

Потом мы вместе стали петь разные старые песни, которые я вспоминала:

*Музыка моя, постой!
Путь твой будет бесконечен.
Забери меня с собой,
Я хочу быть тоже вечен...*

И даже рэп вместе исполнили. Его моя подруга сочинила:

*Все, что я чувствовал, было сном.
Все, что я знал, было мифом.
Думал, что оседлал карусель,
Оказалось — я был Сизифом...*

У Сирин очень хорошо получался бит. Она смешно сжимала губы и надувала маленькие щеки.

Я стала чувствовать себя абсолютно счастливой. И тогда птицы сказали, что мне пора их отпустить, потому что сегодня День отпускания птиц души и они приглашены на праздничную вечеринку. Вместо прощания я стала петь для них песню Пугачевой:

*Полно, летите, летите
Через полночь и солнце в зените.
По куплету всему свету
Вы раздайте песню эту
И дождей грибных серебряные нити...*

Птицы взвились у меня над головой, покружились и полетели в глубь лабиринта. Они пели на лету прощальное рэгги:

*Скорее пой! Скорее пой!
Пока твой голос еще с тобой.
Если ты не успеешь,
его подберет кто-то другой...*

Потом голоса затерялись в темноте тоннеля.

Я опять осталась одна, размышляя о птицах и воодушевленная новым опытом. Шла по берегу ручья, который незаметно превратился в реку. Темнело; если в ближайшие минуты не найду выхода, то придется как-то здесь ночевать.

Пещера стала расширяться, и впереди показалось темное озеро, в которое впадал мой ручей. Кроме озера, уходящего в кромешную темноту, ничего больше не было видно. У берега разгляделась лодка, привязанная к кусту. Я стояла в нерешительности. Отправляться в неизвестность было страшно. Но идти оказалось больше некуда — ничего, кроме черного озера и темноты, не осталось. Пришлось найти в себе смелость и отвязать лодку. Я сняла кроссовки и закинула их в лодку, подвернула джинсы и зашла в воду. Она оказалась холодной, поэтому я поспешила забраться в лодку. На дне лежали весла. Я подняла одно и оттолкнулась от берега.

— Жизнь выводит из одних лабиринтов, чтобы тут же завести в другие... — прошипел низкий голос совсем рядом.

Так сказала моя психолог и моя тезка Лиля при нашей последней встрече, наверное имея в виду, что мы еще не раз встретимся. Поэтому слова меня успокоили, несмотря на то, что ногой я почувствовала что-то скользкое, холодное и живое. Это была большая черная змея. Глаза были желтые и светились, как маленькие лампочки на гирлянде.

— Здравствуйте. А вы кто? И знаете ли вы, как мне попасть обратно в музей?

— Я Тэрран. Чтобы попасть в музей, нужно грести к центру озера.

Я послушалась — а что еще оставалось делать.

Темнота сгущалась, и вскоре даже лодка сделалась неразличима. Светящиеся глаза Тэррана тоже стали плохо видны, будто просвечивали сквозь черный туман. Казалось, что мы движемся в пустоте: весла перестали чувствовать сопротивление воды; звуки исчезли.

Не выдержав тишины, я спросила:

— Почему я не делаю самого важного в жизни?

— Чтобы создавать, нужно развивать в себе любовь ко всему живому, и чем больше любви, тем больше живого вокруг. Даже у камней есть своя красивая и сложная внутренняя жизнь. Тебе сегодня посчастливилось это увидеть. Но вместо того чтобы прожить это чудо, проникнуться откровением, присоединиться к процессу божественного сотворения, ты выбрала обладание материальной ценностью искусства. Может быть, хочешь «всю свою жизнь сумку охранять»? — Тэрран ухмыльнулся и подмигнул

правой лампочкой. В тот же момент он подхватил кончиком хвоста мою сумочку и выбросил ее за борт.

Я разозлилась и закричала:

— Откуда ты знаешь? Ты просто змея бездомная! Случайно попала под ноги!

— Не просто змея, и не бездомная. Но это неважно. Все верно: случайность — это то, что случается. Людям редко хватает проницательности для того, чтобы увидеть причинно-следственные связи. Так вот, теперь ты знаешь, что и камни живые существа, и с ними происходят трансформации, и они живут красивой и долгой жизнью. И если ты не замечаешь живой красоты вокруг, это не значит, что ее нет. Это значит, что ты не умеешь смотреть и замечать. А значит — недостаточно любишь.

5. Точка Ноль: Прохождение

Лодку стало крутить в водовороте. Тэрран беззвучно выскользнул за борт, даже не попрощавшись. Я перестала понимать, где верх, где низ; лодки больше не было, я, кажется, перевернулась и вылетела из нее. Вращение замедлилось и затем совсем прекратилось. Вокруг была пустота, темнота, безмолвие.

Мне стало ясно, почему жизнь отнимала у меня все самое ценное: сюда можно было попасть только без ничего. Это как пролезть в игольное ушко — нужно было истончиться, оголиться, стать прозрачным, безупречно честным с самим собой, все потерять, всех отпустить, избавиться от всего, что не было сутью... В голове прозвучал голос Демчога из Френки Шоу: «Отдай нам свою гордость, свою похоть, свой гнев, свою ревность и запутанность...» Это был мой любимый выпуск про Богиню Кали, очень хорошо его помнила.

Я всегда ждала особенного времени, искала какое-то чудесное место, портал, чтобы перебраться в реальность, о которой мечтала. Но это место всегда здесь, оно всегда находится там, где я. И время подходит любое. Нужно только *то* состояние. И его невозможно достичь окончательно, как невозможно удержать мгновение. Необходимо постоянное и непрерывное усилие души. Снова и снова подниматься после падений, снова собирать себя по частям, соединять их в целое, исцелять, снова и снова терять себя и снова искать, и снова находить. Продолжать свой уникальный путь по лабиринтам, даже когда не видишь в этом никакого смысла, даже когда совсем не остается сил. Иногда сила скрывается в самом пути: стоит только заставить себя встать и пойти дальше — и чувствуешь, как наполняешься электричеством, и так насыщаешься, что еще и других можешь подзарядить...

Время здесь перестало существовать. Это чувствовалось как отсутствие страха и тревоги: ничего не могло измениться, ничего не могло закончиться. Это был момент ясности. Не было никаких помех для чистого восприятия. Создатель задумал, чтобы я стала как Он, стала создателем. Независимо от обстоятельств и условий — твори. Изучай, как все устроено, наблюдай, исследуй принципы, постигай суть, создавай, присоединяйся к божественному процессу. Создатель звал к сотворчеству. Прямо сейчас, из того, что доступно, вплетая все препятствия в ткань творения, принимая все, что есть, подобно океану, принимающему все впадающие в него реки, что бы они ему ни несли...

Я падала к самому сердцу тьмы, к изначальной точке своего бытия...

Откуда оно начинается? Из мысли создателя? Из первоначального импульса создавать? Из мира непроявленного, с которым нужно обязательно сохранить связь. Связь души с ее творцом. Иначе душа погибнет без этой живой связи. Для этого я здесь. Умереть, чтобы жить.

...Я разлепила веки. Мария трясла меня за плечо; глаза ее были круглыми от испуга.

— Лиля! Лиля! Что с тобой?!

— Все... все хорошо. Мне еще никогда так хорошо не было. Прости, что напугала. Долго я так?

— Несколько секунд. Я здорово испугалась! Думала, это с тобой из-за камня... Пойдем, Лил. Я хочу поесть ваши вкусные пироги.

СВЕТЛАНА МАКАРЕНКО

ИСТОРИЯ ОДНОГО МЕСТА

О последнем причале и пользе дурных привычек

У грустного интеллигентного человека обязательно должен быть любимый бар. Это давно поняли британцы, у которых в пабе на углу каждый вечер собирается весь нейборхуд. Но на улице, чай, не Англия, поэтому на моей сторонке подходящего заведения не нашлось. Я встретила его по чистой случайности.

Спускаясь к парку, прохожу мимо нескольких окон в доме на углу. Знаю, что глазеть неприлично, но никогда не могу себе в этом отказать. И Владик за это мое нахальство каждый раз что-то

дарит: пара дурных собак радостно лает тебе через стекло, или видны на подоконнике модели парусников, или женщина вдруг предлагает выпить воды (что в жаркий августовский день равноценно спасению жизни).

Или как в этот раз: из окон доносится дребезжание акустической гитары — играют «Нирвану». А люди подпевают хором, хотя их не видно: ты глядишь сквозь высокие проемы снизу вверх. А на стенах висят пластинки и почему-то горн.

Кажется, это портал в какой-то другой если не мир, то хотя бы город. Чтобы разглядеть получше, пришлось бы вскарабкаться по стене на полтора метра. Или войти через дверь, что совсем уже нереальное развитие событий. Кто же ныряет в случайные бесхозные порталы в одиночку?

С тех пор я каждый раз заручалась поддержкой лучше всего только одного человека, с которым можно болтать часами, не обращая внимания, что музыканты собирают инструменты, за окном темнеет, а официанты становятся грустными и усталыми.

О своих и чужих

Своим легче стать в местечке, которое появилось только что, вот-вот. Людям, сидящим за столиками, не подходит еще слово «завсегдатай», и новенький может без стеснения войти в их круг.

Это уже потом, через несколько лет, непривычное поведение «посторонних» в «Нотре» станет поводом отвлечься от диалога или от музыки. А то и скорчить мину недовольства, когда кто-нибудь не прикроет дверь без доводчика и музыкантам, что сидят прямо возле нее, начнет сквозить. Будто вы не в баре вовсе, а в маленьком книжном клубе, где каждый знает не только имена, но и самые любимые сюжетные ходы друг друга.

Я привожу сюда вообще всех. О переменах в моей личной жизни лучше всех знают бармены: со мной сюда поочередно заходят любитель рома, фанат сладкого вишневого пива, трезвенник и экспериментатор, который готов пробовать что угодно.

О совмещении несовместимого

Уже подстроив изгибы тела под высокие барные стулья, уже запомнив каждую картинку на стенах, я решила, что должна что-то в это привносить, а не только брать: атмосферу, музыку, людей, желтоватый свет ламп из-под еще не разбитых плафонов. И тогда во время рабочей встречи (которую мы с подругой решили

затянуть, конечно же, в бар) было принято максимально неадекватное решение: провести в «Нотре» Тотальный диктант.

Это стало будто бы предвестием знакомства с чемпионатом по чтению вслух родом также из Новосибирска, который по задумке авторов должен проходить в барах, подвалах и прочих творческих пространствах. Чтобы люди не просто пафосно чеканили или с придыханием шептали чужие строчки, все портя своей напыщенностью. А чтобы было все живое: дух, разговор, аплодисменты, речь.

Самое обидное, что побывать на самом диктанте мне так и не довелось. Погрязшая по уши в организационных вопросах на других площадках, я пришла туда только под вечер, умирая от усталости и пережитой ответственности. Выслушала восторженные впечатления от всех участников действия. Восхитилась, позавидовала — и задумалась: а не нужен ли «Нотру» свой книжный клуб? Будем обсуждать только братьев по разуму: Буковски, Берроуза, Довлатова. Писателей-алкоголиков на наш век точно хватит.

Про язычество

Любимый бар — место не просто уютное, но сакральное. Мы вкушаем кровь его (крепкую, как всякое бельгийское пиво) и причащаемся его плотью (тут у всех вкусы разные; я всегда выбираю сырные шарики, сразу двойную порцию, пожалуйста, спасибо).

Мы возносим ему молитвы хором: по пятницам, субботам и воскресеньям поем Джонни Кэша, и «Оазис», и «Дорз». Некоторые тексты мне совсем незнакомы, а иные обретают новое звучание — и вот я слышу, что у Джима Моррисона шторм оседлали читатели, а не всадники, а внутри вокалиста Imagine Dragons скрывается не тьма, а утки.

У каждого есть свои любимые проповедники. Обычно они выступают по двое: один с символом веры, другой вещает. Заезжие жрецы привозят свои обряды, и тогда мы пляшем ирландские танцы, отодвинув с центра зала стулья, столы и лентяев, которые хотят отсидеться по углам.

Наше капище хранит своих почитателей. Вот посмотри: над шеренгой столиков висят низко-низко лампы. Видишь, сколько на них плафонов? Правильно, остался всего один. Сейчас расскажу, не дергай.

В барах часто происходит разное. То внеплановая проверка санинспекции, то пьяный гость решит устроить выяснение отношений, то парочка, что ходила сюда вместе как на работу, вдруг расстается с рыданиями.

Так вот, каждый раз, когда добропорядочный язычник должен попасть в передрагу, в «Нотре» разбивается плафон. И дерьмо просто не случается.

Сначала бар щедро расходовал жизни, как Кот в сапогах из последнего мультика. Но когда их число уменьшилось, стал прижимист. Ну или мы стали редко возносить хвалу, особенно во время ковида.

Так что одного из своих проповедников «Нотр» не спас. Он погиб в 30 лет с небольшим, по большой глупости. И хоть это произошло не здесь, я думаю, что бар должен был справиться.

Потому что петь без него и вместо него “Wish you were here” теперь кажется кошунством.

Про конец света

Во время ливня с градом «Нотр» превратился в Ноев ковчег. Взырошенными воробушками в двери запрыгнули двое детей, следом за ними с трудом просочилась молодая мама с коляской. Следом приковыляла уже порядком промокшая бабуля с цветами — в этот редкий день она не пыталась их продать, здраво оценив неприглядное состояние букетиков. Бармен не стал выгонять даже попрошаек, да и те притихли в уголочке, не решаясь нарушать торжественное и трагичное ощущение всемирного потопа.

Когда во Владикавказе начинается сезон дождей, можно зажмурить глаза и оказаться в тропиках, вслушиваясь, как за окном раскачиваются ветки и барабанят капли. В этот момент очень легко вообразить, что за окном не старое дерево с трещиной во весь ствол и не улица, ведущая к парку, а мокрые пальмы во вспышках молний и злой порывистый пенный прибой, который вгрызается в песчаный берег, как ты в очередной сырненький шарик.

Открыв глаза, я замечаю, что пиво в бокалах закончилось. Чтобы подружиться со стихией, заказываем джин и наполняем стаканы градинками, высунув руку за окошко. Мы пьем и празднуем наступающий армагеддон. И хохочем, хохочем, будто это шутка только для нас троих: для меня, для него и для бара. Будто так будет всегда.

Идеальная формула загробной жизни: сидеть с другом, сменять темы одну за другой, смакуя, как сорта разливного пива, и чтобы не надо было ни домой сегодня, ни на работу завтра, да и вообще чтобы этого неустойчивого и ненадежного «завтра» больше не было.

КНИЖНЫЙ КЛУБ 3.0

Был прекрасный летний день. Алан шел по маленькому уютному проспекту одного маленького уютного города. Аллея утопала в зелени и спасала от жаркого полуденного солнца. Лишь изредка солнечные лучи пробивали плотную крону или же зайчики неожиданно сверкали, обозначая стекла полированных витрин. Было еще много времени до вечернего мероприятия, можно было расслабиться и ни о чем не думать. Город будто располагал к этому. Казалось, время в нем замедлялось, давая отдышаться от ритма жизни крупных агломераций, в которых одна половина жизни уходит на дорогу, вторая — на работу, а сны вовсе не снятся, так что и жизнью их не назовешь — так, подзарядка телефона, не более. Поймав себя на этой мысли, Алан оказался возле скамейки прямо напротив скульптуры Поэта, отдохавшего у входа в парк своего имени. Алан посмотрел на экран смартфона — аккумулятор показывал семьдесят процентов, — присел на скамейку и незаметно для самого себя уснул.

— Никогда не разговаривайте с неизвестными! — раздался неожиданный возглас.

Алан вздрогнул и, моргая, повернул голову. Рядом с ним сидел худощавый человек в клетчатом костюме.

— Я, я, я и не разговаривал...

— Даю справку: вы только что разговаривали во сне! — резко сообщил худощавый человек. — Кстати, позвольте представить-ся, меня зовут...

Речь незнакомца перебил шум проезжающего трамвая.

— ...А это мой друг Жан-Пьер, — продолжал он как ни в чем не бывало. — Приехал из Франции в наш чудный город, чтобы жить здесь и посвятить себя изучению наших традиций.

— Да, вы нам очень интересны, моншер! — произнес спутник худощавого незнакомца.

Алан недоверчиво покосился на человека, представленного ему как Жан-Пьер. Его необычный вид и странные слова вызвали некоторую тревогу. Однако любопытство взяло верх, и Алан решил познакомиться.

— Очень приятно, — сказал Алан, протягивая руку. — Я Алан. Что вы имели в виду, говоря о наших традициях?

Жан-Пьер улыбнулся.

— Ваш город, ваша культура, ваш образ жизни — все это очень интересно. Я исследую различные города и страны, чтобы понять,

как люди живут и каких ценностей придерживаются. Ваш город кажется мне особенным, и я хотел бы узнать о нем побольше.

— Рад, что вам нравится наш город, — отозвался Алан. — Но я не уверен, что здесь есть что-то особенное, что стоит изучать.

Жан-Пьер опять улыбнулся и посмотрел на Алана с добрым прищуром.

— Возможно, вы просто не замечаете, насколько уникально это место. В мире, где технологии и искусственный интеллект взяли верх, маленькие уютные города, где люди могут отдохнуть от всей этой суеты, становятся настоящей редкостью. Ваш город — оазис в мире, где все стремятся к виртуальной реальности и бесконечному прогрессу. Мне интересно узнать, как вы сохраняете свою уникальность и традиции в таких условиях.

Алан задумался. Действительно, его город был особенным. Он был маленьким и уютным, с красивыми парками и зелеными аллеями. Здесь люди заботились друг о друге и ценили традиции. Они не были поглощены технологиями и виртуальной реальностью, как в больших городах. Алан даже поймал себя на мысли, что это он когда-то давно сам придумал и создал этот город для себя.

И в тот же миг его будто бы взяла за запястье чья-то рука, похожая на варежку на длинной резинке, какую он помнил из детства, и с невероятной скоростью потянула через проспект — мимо скамеек, киосков, узких проулков и улиц... В конце концов они оказались на вершине холма, с которого был виден весь город. Алана приветствовал старик:

— Пройдемте, молодой человек, вы устали с дороги.

— С какой еще дороги? — не понял Алан. — Я только что сидел на скамейке, а теперь нахожусь здесь...

— Смотри, о мой друг, каким может быть этот город. Мы не знаем ни денег, ни коррупции, каждый может трудиться.

Должно быть, какая-то секта, мельком подумал Алан.

— Не задавайте лишних вопросов, молодой человек, просто наслаждайтесь видом, — ответил старик загадочно.

Алан огляделся вокруг и увидел, что они находятся в саду с прекрасными цветами и фонтанами. Прямо перед ними высился замок. Старик повел Алана к замку и открыл перед ним дверь.

— Добро пожаловать в мир магии и тайн! — объявил он. — Здесь вы найдете ответы на все свои вопросы.

Алан оказался в огромном зале, украшенном кристаллами и зеркалами. Вдруг перед ним предстала фигура величественного короля. Трон его был похож то ли на капитанский мостик, то ли на барную стойку. Морскую тему подчеркивало то, что на короле был полосатый свитер с рукавами в крупную сетку.

— Алан! — заговорил король более чем торжественно. — Ты избранный, ты должен пройти через испытания и спасти наш город от зла. Здесь ты найдешь то, что искал. Но помни! Совершенство требует жертв и постоянной душевной работы, иначе оно не будет совершенством. Мы вместе создаем этот мир и только вместе можем сохранить его.

Алан был ошеломлен, но решил принять вызов. Он отправился в путешествие по миру магии, где встретил разных существ и совершил множество подвигов. В каждом испытании он находил новую силу и мудрость, которые помогали продвигаться дальше. В конце путешествия он вернулся в город, который так полюбил. Он собрал всех жителей вместе и рассказал им о своих приключениях и о том, как они могут изменить свою жизнь и стать сильнее...

— Уважаемый Алан... — проходящий мимо трамвай заглушил звук и одновременно разбудил Алана.

Он, оказывается, все так же сидел на скамейке.

Напротив него стояли два человека в серых костюмах. Один из них сказал:

— Вам необходимо пройти с нами, здесь недалеко. Вы очень много наговорили, все запротоколировано.

— Наверное, я разговаривал во сне, — попытался оправдаться Алан.

— Да, вы правы, это наше ноу-хау, кхе-кхе... — Человек в сером костюме попытался изобразить язвительный смех. — Мы уже третье поколение. Три-ноль, так сказать. Анализируем тета- и дельта-волны головного мозга. На самом деле мы предлагаем вам работу. У нас, так сказать, некоторая проблема — согласно вашим правилам. А мы никогда не нарушаем правила.

После этих слов оба персонажа резко выпрямились.

— А поскольку вы сами всегда подготовлены, то могли бы быть нашим официальным представителем.

— Я совсем уже не понимаю, о чем речь.

— Ладно, перейдем сразу к делу. Алан, вы — избранный. Ваш профиль в соцсети, где вы выкладываете свои рассказы, набрал самое большое число голосов. Особенно всем понравился вчерашний рассказ.

Алан был ошеломлен. Он никогда не думал, что его слова могут быть настолько важными для кого-то. Он согласился и последовал за незнакомцами. Свернув с уютного проспекта, они вошли в огромное здание, напоминающее лабиринт. Каждая комната была заполнена различными устройствами. Алану было представлено множество задач и проблем, которые нужно было

решить. Он был поражен масштабом работы и профессионализмом команды. Алан с радостью включился в работу и с каждым днем все больше погружался в этот новый мир. Узнавал о технологиях, которые позволяли анализировать мысли и эмоции людей, предсказывать их поведение и создавать идеальные условия для жизни. Он стал частью команды, которая работала над созданием идеального общества, где каждый человек мог бы быть счастливым. Но постепенно Алан начал задаваться вопросами. Он понял, что идеальное общество, которое они создавали, было лишь иллюзией. Все решения и прогнозы основывались на алгоритмах и статистике, но не учитывали индивидуальность и свободу выбора каждого человека. Поэтому он решил выйти из организации и вернуться в реальный мир.

И Алан побежал.

Он слышал звуки сирен за спиной, но продолжал бежать. Бежал, бежал... и вдруг очнулся он от слепящего света лампы.

— Мы расследуем дело об исчезновении основателя и бессменного председателя книжного клуба нашего прекрасного города, который не пришел на очередное собрание клуба, — а ведь он никогда его не пропускал! Все обеспокоены. Говорят, что это похищение. В окрестностях места, где должно было проходить собрание клуба, наблюдались паранормальные явления. И вы — главный подозреваемый.

— Но я — это я, — попытался произнести Алан.

Все вокруг завертелось, и он сам не понял, как оказался в крошечной темноте.

На телефоне оставалось пять процентов заряда.

Это мой последний шанс, подумал Алан. Надо срочно набрать Артуру.

— Где ты? Можешь описать, что видишь?

— Стену вижу. Вижу... вижу портрет Дарвина. Справа какой-то парень... Фото вроде современное и сделано в этом помещении. Так... под ним розовый слон. И... какие-то рыбы, кенгуру, обезьяны... и человек тащит какое-то бревно. Довольный такой. И прическа как у растамана. Справа дьявол или шут, непонятно. Просто красного цвета... Велосипед. Вижу велосипед, забавный такой — с большим передним колесом. И на нем мужчина едет по набережной. А под ним Годзилла будто. Вообще на бульдога похож. Книгу... вижу книгу. Написано: «Ма-ло-га-ба-рит-на-я ра-ди-о-ап-па-ра-тура». Куча пустых бутылок. Окно... вижу окно. На улице темно, только пешеходный переход там. Больше ничего не вижу. Впереди синий диван...

— Дружище, ты уже достаточно наговорил, чтобы я понял, где ты сейчас находишься. Жди, через пару минут буду! Только заеду за своим рассказом!..

Артур не заставил себя долго ждать.

— Может быть, ты мне объяснишь, что происходит? — спросил его Алан.

— Похоже, что мы попали в какую-то историю.

— Сюжет. У этого всего должен быть сюжет. Так. Допустим, я — главный герой. Но ведь очевидно, что должна быть завязка, развитие и развязка. Но что-то никак не могу уловить нить.

— Ариадна уже пролила масло! Это все новая постановка, Алан. Ты же знаешь сюжет «Соляриса»? Так вот, каким-то образом мы оказались в этой реальности. Книги, которые мы обсуждали, и вообще все прочитанное и увиденное нами формирует наш теперешний мир.

— А ты, ты тоже в моей голове? — спросил Алан.

— Возможно, — ответил Артур. — Но также возможно, что это ты в моей голове. Но какая разница! Есть проблема, которую надо решить.

— И что же будем делать? — спросил Алан.

Артур взял с барной стойки тряпку и стер с доски надпись «С темным пивом — в светлое завтра!» Начал писать: «Благодаря совместным усилиям полиции, господина Жан-Пьера и госпожи Ариадны преступник был наконец пойман и предан правосудию. Город снова вернулся к своей спокойной и уютной атмосфере, а паб Notre Ville и книжный клуб продолжали привлекать любителей хорошего пива и увлекательных книг».

— И все? — Алан посмотрел на Артура

— Да. Это называется «бог из машины», и это должно сработать. Всегда работает.

Дверь паба распахнулась, и друзья вырвались в прохладу ночного города. На улице не было ни души. Счастливые, они свернули направо и пошли по мосту, впиваясь в окружающий мир жадными глазами ребенка.

— Наконец-то все закончилось! — произнес Алан.

— До новых встреч клуба! — ответил Артур, и оба засмеялись.

А по уютному проспекту уютного города в это время весело шествовал розовый слон.

НИНА К.

ПРО БАХИЛЫ

СТИХИ

В оформлении использовано фото из свободного доступа сети Интернет

* * *

От частоты фибрилляций
И жизни среди абстракций
Сердце мое покраснелось.
Ему так давно хотелось

Выйти из полукруга,
Чтобы любить друг друга,
А не один другого,
И понимать с полуслова
Дюжинные ответы,
Ведь мы в любви атлеты,
Ведь мы в любви поэты,
Одного года монеты.

В поисках отражений
Так много телодвижений,
И много режущей боли
От колющей в ранах соли.

В раны залить коньяка —
И я больше не хороняка,
Я скандинавский вояка
И желторотый гуляка.
В шахте метро скрежет
Рану мою режет,
Кости мои ломают
Ветки зеленого мая.

Сердце сложу в морозилку,
На фэйс натяну ухмылку,
Косточки в склеп чердачный —
Вот вариант удачный.

Утром схожу в церковь,
Вот мертвой души мерка —
Горит у иконки свечка
И, может, в аду — печка.

Жалко мне юную деву,
Миром убитую Еву,
С раной сквозной в чреве...
Но что я могу сделать?

* * *

Услышать в церквях ненароком
Отрывок в смиренной мольбе:
«Любовь — это острый осколок,
Которым копаюсь в себе».

И медленно вторят признанья
У мраморных ног алтаря:
«Сегодня во мне догорает
Последнего лета заря».

Под сводом летает бесшумно
И внемлет всему Серафим:
«Быть может, я в следующей жизни
Смогу оказаться другим.

Смогу побороть наважденье
Без пламенной муки души.
Все будет потом, но сегодня...
О, сжался и жизни лиши!»

Стемнело, окончена служба,
Пропета бессвязно мольба;
Обдумывал постриг послушник,
И чья-то решалась судьба.

ПРО БАХИЛЫ

Давно уж прошли восковые дожди,
Зарыты пустые могилы...
И, вроде оставив всю скорбь позади,
Я снова забыл снять бахилы.

И так, не заметив, ходил с ними день,
И месяц, и юные годы,
Лишь мельком увидев лазурную тень,
Связал ее с дрожью погоды.

И все тяжелей становился мой шаг,
Темней становились бахилы.
И вот в один день я как будто обмяк,
Туманность заполнила жилы...

* * *

Я неизвестный мученик, чужак,
Я друг, я бездарь, вечный я скиталец.
Я тварь, я фарисей, и я дурак,
И что уж тут таить, я самозванец.

Я сам себе теперь заклятый враг.
И сам себя давно не понимаю.
Моей душе необходим маяк,
Ведь каждый новый день я проклинаяю.

Я окружен толпой размытых лиц,
Едва ли кто из них живет достойно.
Не поднимая глаз из-под ресниц,
Я понимаю: мне здесь беспокойно.

И, в черный прах секреты разметав,
Я разрываю диким воплем тишь.
Был, несомненно, утверждавший прав,
Что от себя никак не убежишь.

ПОДРУГА ДНЕЙ МОИХ СУРОВЫХ

Тоскливые заснеженные будни
Я провожу в компании друзей:
Печали, одиночество, простуды —
Мне нет на свете никого родней.

И юность моя скоро пролетела,
И беззаботность с нею умерла.
Со мной теперь живет одна холера,
Но за квартиру я плачу одна.

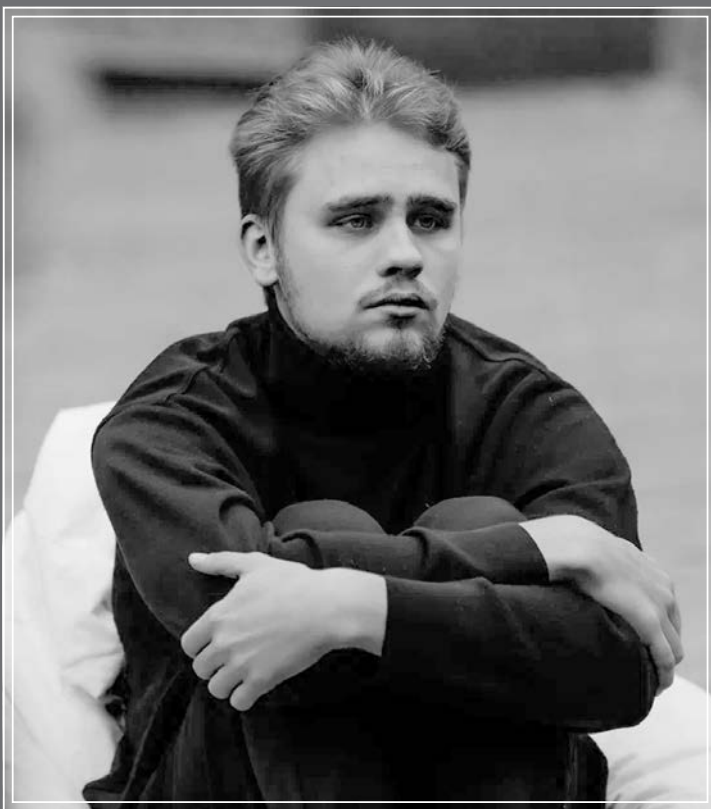
И взглядов осуждающих не вижу,
Когда плетусь по улице я с ней,
Но остальные держатся поближе
К друзьям, собакам, юбкам матерей.

И где сдались мне экстраверты эти?
Я главное давно уж поняла:
Уйдут когда-то и друзья, и дети...
Холеру ж я навеки обрела.

Денис ДЫМЧЕНКО

ВЫКИДЫШ

РАССКАЗ

По телику в номере можно было смотреть только музыкальный канал, остальные звучали на непонятных Мите языках. Или это был один язык на всех каналах — неясно. Мальчик пытался на-клацать хотя бы мультики, но их нигде не было. Новости, нудные передачи для взрослых, непонятные и на родном языке, и вот, музыка. «Лучше, чем в тишине», — думал ребенок, но все равно скучал, ерзая на плохо заправленной одноместной кровати.

Родители сидели на гостиничной кухне, доедали анакомы. Мама специально искала что-нибудь с кухней, где можно будет готовить и сэкономить на завтраках, но в первый же день стало как-то без разницы, и они всей семьей питались либо в поселке, исследуя забегаловки, либо обходились бич-пакетами. Мальчик спрашивал во время заселения: «А у нас тут оланклюдиз?», повторяя слово из шоу про путешествия с бородатым мужичком, которое любил смотреть. А мама ответила, что они не в Турции. И те два дня, что они были здесь, не в Турции, мальчик вздыхал не от обиды, а от той же скуки.

В телевизоре, прикрученном к стене, стал скакать смазливый парень и петь высоким карамельным голосом. Митя встал и подошел к занавескам. Чтобы выглянуть в окно, приходилось отодвигать две занавески — сначала одну, красную и плотную, потом вторую, белую и прозрачную, и уже с помощью крутящейся пластиковой палочки раздвигать жалюзи. Ночью спасало от уличного не вырубавшегося электричества, но утром дергать все это было неудобно. Митя повернул картонные полоски и увидел набитую кафе и сувенирами улицу, отели с голубыми бассейнами, гору с ракушечной скалой, а слева — море. Переулками он с мамой и отчимом ходил на пляж, каменистый и людный. Сегодня они тоже собирались идти — купаться и загорать. Пообещали купить ребенку спиральные чипсы на палочке, какие он хотел еще с первых часов приезда. Два дня кланчил, получая в ответ: «Это тот же “Лейс”, но невкусно и меньше», но стоял на своем,

доставая, и уломал. «Взял измором», — улыбался отчим своей неправильной улыбочкой.

Митя предвкушал, глядя на безлюдную с утра улицу, на скалы и кусочек моря слева от домов: родители позавтракают, переоденутся, семья похватает сумки и побежит на пляж. По главной мостовой — десять минут. Машины ездили только по окраинам, в центре автодорог вообще не было. В пути, может, возьмут персиков, пахучих и пушистых, а то вчерашние уже съели. А в море мальчик хотел тайком от матери доплыть до буйков. Ему не разрешали туда заплывать, потому что глубоко. Много всего предстояло, и чем дольше мальчик томился в ожидании, тем меньше ему спокойно сиделось.

От нечего делать он кувыркался через аккуратно заправленную родительскую двухместную кровать. Прямо так, в сандалиях, комкая желтую жесткую наволочку, одеяло с тигром, белые простыни. После кувырка он как мог разглаживал белье, чтобы сильно не съезжало, и прыгал вновь. При родителях он так не бесился — стеснялся, знал, что для двенадцатилетнего это слишком по-детски. А так, пока никто не видит — можно. Наскакавшись, Митя лежал уже на колючем коричневом паласе и глядел в потолок, обклеенный пенопластовыми квадратами.

Решил сбегать на кухню, поторопить родителей. Они по-прежнему сидели за столом, уже не за едой, а просто болтая. Обсуждали отпуск. Больше им обсудить было вроде бы и нечего. Мама, недавно осветлившая волосы, в легком платице, откинувшись на спинку стула, говорила отчиму, сгорбившемуся над столом, чтобы лучше ее слышать:

— Знаешь, у меня каждый раз после обеда такое чувство, будто вот уже вечером нам обратно уезжать.

Говорила она с легкой грустью в голосе и держала свой немножго подросший живот, будто боялась, что он может вывалиться и укатиться куда-то под шкафы, да там и остаться.

Ждали ребенка третий месяц. Митя старался не смотреть на живот. Он знал, как делаются дети, и ему это не нравилось. Не нравился процесс, который подсмотрел в интернете, не нравилось участие матери в нем, особенно не нравилась роль в этом отчима. Мальчик не мог ничего такого представить и смутно радовался, что не может. Когда ему сказали, что будет ребенок, он разревелся. Сам не знал, от чего именно. А потом долго извинялся перед плачущей матерью, уверял, что не ненавидит ее и тем более не ненавидит ребенка, а просто боится.

— Это ты давно на море не была просто, — пробасив, кивнул отчим, взял ложку и с шумом всосал «бульон» из нее. — Ничего делать не надо, а организм привык быть, вот, — он потряс растопыренной ладонью, изображая дрожь, — в напряжении, в напряжении, а потом покой воспринимает как неудобство.

Олег Андреевич — Митя звал отчима только так и никак иначе — старался улыбаться, но на его бугристом лице с выпирающим подбородком улыбка получалась какой-то суровой и неприятной. Он ездил в спортзал в город три раза в неделю и любил рассуждать об организме и всяких полезных или вредных для человека штуках.

— Надо больше ходить, гулять, спортом заниматься, — продолжал он.

— Да когда ж этим заниматься, работа да дом, — возразила с ленивым и довольным выражением лица мама. — Дите родится, так вообще...

— Ну все равно же надо время находить, — не сдавался отчим. — Да и я, в конце концов, отец или нет? Буду помогать, проводить с ним время, и у тебя получится отдыхать по возможности.

— Посмотрим...

Мальчик ворвался в их разговор:

— Мам, вы доели?

— Да, Мить, сейчас пойдем уже, — ответила мама, поворачиваясь всем телом вправо, чтобы аккуратно встать из-за стола.

Схватил мамину тарелку с ложкой. Подбежал к раковине и принялся мыть, быстрее, быстрее, ведь чем раньше он закончит, тем ближе сборы на пляж, тем ближе и сам пляж. Олег Андреевич стоял рядом, ждал своей очереди сполоснуть тарелку. Домыв, Митя рванул по коридору, взлетел по лестнице на свой этаж, обгоняя медленно идущую маму. Живот у нее был совсем небольшой, но она будто уже старалась жить аккуратнее — аккуратно садиться, аккуратно вставать, аккуратно есть, аккуратно говорить. Она везде опаздывала, многое забывала; с ней становилось трудно, и Митя не до конца понимал почему.

В дорогу Мите собирали маленький рюкзачок со всякой нетяжелой мелочью: запасные, «сухие», трусы, крем от загара, сухарики. Мальчик сгреб все это, застегнул молнию и сел ждать, поглядывая в телике на клип с девушками в купальниках, поющих ненастоящими голосами. Олег Андреевич воевал с летним зонтом, тот никак не хотел складываться, а тащить полутораметровую пластиковую жердь было неудобно. Мама отошла в туалет.

Она сидела там долго, минут двадцать, прежде чем позвала отчима.

— Олег, зайди, пожалуйста! — раздался крик матери из-за закрытой двери.

Крик был приглушенный, и понять, что что-то случилось, Митя не смог.

Отчим спешно зашел и тоже пробыл там долго. Все это время родители о чем-то громко говорили, но ни слов, ни тона мальчик не разобрал на фоне попсовой песни из телика. Точно пластмассовая, женщина извивалась в обтягивающем костюме и открывала рот с экрана под обработанную запись. Митя подумал, что в таком наряде очень неудобно.

Первым из туалета не вышел — выскочил отчим. Он держал телефон около уха, пробегая через номер к двери. Закрывая ее, Олег Андреевич четко и громко спросил в трубку: «Алло, скорая?» Следом почти крадучись вышла мама, с красными глазами и растекшейся по щекам тушью. Мальчик, глядя на нее, подумал, что глупо краситься на море, но поддался тревоге и тут же об этом забыл.

— Что случилось? — спросил Митя.

— Ничего, — ответила мама, улыбаясь губами, а глаза на мокром месте. Старалась на сына не смотреть, чтобы он этого не заметил. — Мне нужно съездить на обследование, ничего страшного. Вы пока с Олегом на море сходите, хорошо?

— Ну... ладно, — послушно кивнул Митя, сделал вдох, чтобы начать спрашивать дальше, но осекся.

— Ты не бойся, проси у него что хочешь, хорошо? — продолжала мама, по-прежнему избегая смотреть сыну в глаза, теперь чтобы самой не разреветься. — Не стесняйся, понял? Все будет хорошо.

Мама так часто повторяла «хорошо», что мальчик понял — ничего хорошего не будет.

Дверь скрипнула, в номере показался отчим.

— Они уже едут, — сказал он и стал вытряхивать все из своего рюкзака.

Собирал маме сумку в путь, напихивал одежду и лекарства.

— Ибуклин здесь оставь, — контролировала мама. — Если у Мити температура будет... И вообще, если ему плохо станет, мне звони.

— Ага.

— Ингалипт тоже оставь, я себе мирамистин возьму.

— Ага.

— Погоди, еду свою в больницу нельзя... Или можно?

— Не знаю.

— Ну себе лучше оставьте. Если что, куплю. Или в больнице накормят.

— Ага.

Сборы проходили быстро, суматошно, без чувств, как будто на складе товар в каталог записывали. Что-то не то, думал мальчик. Родители оделись, мама наказала Мите закрыться на ключ и не выходить из номера, пока Олег Андреевич не вернется.

И Митя остался в комнате один. По телику все еще пела женщина в обтягивающем костюме, так некстати, что пришлось искать пульт. В тишине было как-то правильной. Удивительно, вроде столько всего случилось, а песня еще не кончилась.

Посидев на месте — мальчик не знал, как долго, — он отправился в туалет, дверь была все еще открыта. Ему захотелось пить. Стоя у раковины и набирая воду из-под крана в ладони, он долго пил. Напившись, потянулся за полотенцем, чтобы вытереть шею, и посмотрел на унитаз. На нем остались слабо заметные красные разводы. Первая мысль: «Так вот почему ей вызвали скорую». А потом стало страшно.

Митя лег на кровать, свернулся калачиком и продолжал ждать хоть чьего-либо возвращения.

В дверь постучали в два часа дня. Тум, тум-тум-тум, тум, тум. Один долгий, три быстрых и два долгих. Это был их семейный пароль, сначала только Мити и мамы, а потом и Олега Андреевича. Мальчик открыл, и отчим вошел в номер, кивнул, направив упорный взгляд к стенам, окну, сумкам, к чему угодно, только не к лицу пасынка. Тот не обижался, знал, что Олег Андреевич в отсутствие жены стеснялся Мити так же, как Митя Олега Андреевича.

— Ну что, пойдем? — подавился словами отчим и неуклюже закашлялся.

Всем своим видом — выражением лица, жестами, голосом — этот человек, внешне взрослый и серьезный, выражал: «Брат, я понятия не имею, что нам делать».

— Угу, — кивнул Митя, как кивнул бы однокласснику, с которым ему нужно выполнить чье-то поручение. Важное, с какого не соскочить.

Еще утром заготовленный рюкзачок висел на плечах. Сложенный зонт и полотенца отчим сжал под мышкой. Солнечные очки

придавали его и без того хмурому виду что-то такое стереотипно-зауральское. Мальчику в голову приходил образ киборга-убийцы, которого вместо Лос-Анджелеса отправили в условный Челябинск, и образ подбирали соответствующий. При маме он ходил без них и в другой одежде, не в таких растрепанных и коротких шортах, не в футболке с Федором Емельяненко. Митя подумал о том, как бы мама на это посмотрела, но не из злорадства к отчиму, а чтобы лишний раз представить ее перед собой.

Ему хотелось спросить, много чего спросить у отчима, но, видя беспокойство и растерянность на его обычно кирпичном лице, не решался и плелся рядом молча.

По пути купили персики, шесть штук. Митя сам выбирал, себе взял два пожестче, маме два помягче, он как-то подзабыл, какие отчиму нравятся, и взял один такой, один такой. Продавец был беззубый и улыбочивый и обвесил их на триста граммов, но никто не заметил. Из его лавки (буквально с десятков ящиков под палаточным навесом) играло: «И я готов расцеловать город Сочи...» — хотя это был какой-то другой курорт, пожиже, Митя не помнил названия поселка.

Людей на пляж пришло немало. Очень много, настолько, что пришлось минут пятнадцать скакать через ноги и головы загорающих — в поисках места. Поэтому они всегда ходили утром. Устроились с краю, на самых валунах у бетонного блока. Совсем близко нависал старый раздолбанный пирс. Кое-как воткнули и расправили зонт, расстелили полотенца. Отчим не собирался купаться вовсе и так и сидел в тени, проверяя телефон и вглядываясь время от времени в море. Митя, с молчаливого согласия Олега Андреевича, все же решил поплескаться, но одному было не то. Выползая после второго заплыва на хоть сколько-нибудь песчаный бережок, мальчик глянул на буйки вдалеке и скучающе осознал, что не так они ему и нужны. Остаток солнечного дня он ходил по мокрому песку или сидел в нем, с каждой волной понемногу врастая в берег. Напоследок поплавал — долго лежал на воде не шевелясь, держа вдох так, чтобы выталкиваться на поверхность. Иногда все же выдыхал, чуть погружался лицом в море, но быстро всплывал обратно с соленым вкусом во рту. Додрейфовался до синих губ и заложенных ушей и вернулся к отчиму.

Солнце нависло над горами, мерно сползая все ниже и ниже, и отдыхающие массово перетекали на набережные и улицы поселка. Вокруг шум, мельтешение продавцов сувениров, крики про-

давцов фруктов, мастеров афрокосичек, детских татуировщиков, чернокожих студентов из Краснодара, изображающих папуасов. Проходя мимо лотка с фастфудом, где торчали из дырявой доски спиральные чипсы на палочке, Митя окликнул Олега Андреевича, но тот в суматохе причерноморского августовского вечера просто не услышал, а окликать еще раз мальчик не решился.

В гостинице они удачно наткнулись на хозяйку. Она была похожа на маму Стифлера из фильма про пирог, но не про пирог, который Митя смотрел дома у друга втихаря от взрослых. Только эта женщина — шире в бедрах и до противного важная, в то время как мама Стифлера была до противного глупая. В остальном один в один — толстые губы, громадная крашеная в блонд прическа и большая грудь.

Отчим воспользовался случаем, чтобы сообщить ей о случившемся и скором отъезде.

— Моей жене стало плохо, она сейчас в больнице. Мы скоро уже, наверное, уедем, — раскачивался он, подбирая слова.

Ее это удивило и напрягло. Она нахмурилась своими нарисованными бровями.

— Господи... Я вам так сочувствую. Сильно серьезно? — нарочито участливо спрашивала она, приложив пальцы к напудренной щеке.

— Вот ждем, что скажут, — отвечал отчим так кисло и безразлично, что хозяйка про себя обиделась.

— Ну, может, лучше подождать здесь? — стала предлагать она. — Ну чего уезжать, не оставлять же ее здесь. Вы вот откуда вообще, с Осетии вроде? Ну вот как вы потом за ней ехать будете? Да и рядом быть надо кому-то в любом случае.

Она была выше отчима за счет каблуков, но даже так Олег Андреевич умудрялся смотреть на нее как бы свысока. Митю женщина до этого не бесила, но сейчас он понял, что она просто не хочет отдавать деньги за оставшиеся два дня.

— Разберемся. Спасибо за сочувствие, — холодно отвечал отчим, поглядывая на часы в телефоне.

— То есть остаетесь? — Она даже улыбнулась, отчего щеки и виски ее сморщились.

— Нет, скорее всего, уедем, — осадил отчим, делая шаг в сторону их номера.

— Да ладно, я уверена, что все обойдется! — уговаривала она. «Ты что, не понимаешь?» — злился на хозяйку Митя.

— Останьтесь, ее выпишут, и сходите еще раз к морю. — Заметив, что ее слова не действуют, она добавила: — Ну сделайте ребенку праздник!

Олег Андреевич мельком глянул на мальчика, нахмурился, опустив припухшие брови.

— Да какой уж праздник... — И ушел вместе с пасынком дальше по коридору.

В номере отчим звонил маме. Как Митя понял из ответов Олега Андреевича — отчим говорил много, громко, часто ругаясь, забывая о том, что его слышит ребенок, — ее до сих пор не осмотрели, и кормить ее тоже отказывались. Мальчика это расстраивало, а злило то, что он никак не мог помочь. После звонка они молча собирались. Мите предложили поесть, но он не захотел. Он понял, что сейчас поедет к маме и в гостиницу больше не вернется, что немного радовало.

Загрузились кое-как в три захода и выехали.

Человечий гомон курорта скоро перекрыло вжиканьем машин, будто молнию на куртке очень быстро застегивали и расстегивали. Фары вспыхивали из-за очередного предгорного поворота и исчезали. Вспыхивали и исчезали, вспыхивали и исчезали. Когда ехали на море, это гипнотизировало Митю и усыпляло, теперь — напрягало. Солнце едва упало за лесистые холмы, и слишком много народу ехало навстречу их машине с включенным дальним светом.

Увидев магазин с заправкой, отчим цокнул, прошипел что-то неприличное и притормозил. Он вышел и минут на пятнадцать пропал в дверях придорожного супермаркета. Искал продукты для мамы. Вернулся с полным пакетом и положил его к мальчику на заднее сидение. По пути Митя тихонько рылся в белом целлофане, без желания найти что-то конкретное, а просто так. Вспомнил кое-что, достал из-под ног рюкзачок и выудил оттуда персики, еще теплые в нагретой солнцем сумке. Взял все шесть и положил в пакет.

Проехали поселок, завернули на окраине. Во дворе больницы — трех корпусов в низине посреди чернеющей зелени — не было света. Фонари стояли, но не горели. Парковочные места можно было разглядеть только под вывеской круглосуточной прибольничной аптеки. Там и пристроились.

Пакет нес Митя. Он первый его схватил и всем видом показывал, что не отдаст мамины продукты. Пока брели вдоль забора в поисках входа, Олег Андреевич звонил маме, но не мог дозво-

ниться. Ответила, когда они уже зашли во двор, тенистый, с узкими дорожками из бетонных плит посреди сплошного кустарника.

— Алло, — говорил отчим, высматривая ближайшие здания, в окнах которых горел тусклый желтоватый свет. — Да, приехали. У тебя что за корпус? Ну примерно скажи. Ага. Да окно которое и с какой стороны хотя бы. Ага. Ага. Ага. Первый этаж, правильно? Ага. Ну ты выглядывай, а мы тебя увидим.

Отчим двинулся вглубь ночи между зданиями, озираясь по сторонам.

Мама махала из предпоследнего низкого окна крайнего и самого маленького корпуса в три этажа. Митя махал в ответ и пытался ее рассмотреть, но различал только светлые волосы.

— Привет! — отчим улыбнулся, но нижняя губа наехала на верхнюю и вышла ерунда.

— Привет, — громким шепотом ответила мама и чуть отошла от окна.

Митя увидел, как в слабо освещенной коридорными лампами комнате сидят еще три женщины, и расстроился, что будет говорить с мамой при чужих. И сама она выглядела стесненной этим обстоятельством, но радостной, что к ней приехали. Черные круги от остатков туши беспокоили и расстраивали мальчика. Он понимал, что мама плакала долго и не один раз, и сам хотел заплакать, но тогда мама бы плакала опять, и он не стал.

— Мы вот, привезли, — Митя поднял на подоконник пакет с продуктами. Тянулся на цыпочках.

— Спасибо, сынок, — шмыгнула забитым носом мама, — спасибо, что бы я без вас делала... А то ничего не говорят, есть не дают. А днем так душно еще было, мы тут чуть не задохнулись.

Сзади кто-то надсадно закашлялся.

— А что говорят? — спросил отчим, положив руки на низкий, ему по грудь, подоконник.

— Ждать говорят, — вздохнула мама, поправив падающие на лоб пряди и сложив руки на животе. — Непонятно ничего.

— И что делать? — Отчим отвернулся и в задумчивости пытался откусить отслоившийся от обветрившихся губ кусок кожи.

Мама причмокнула то ли от усталости, то ли от раздражения, выдохнула:

— Не знаю. — Постучала ногтями по стеклу, размышляя, и предложила: — Езжайте, наверное, домой. Митю отведи к отцу, а меня потом, как позвоню, заберешь.

Родители еще о чем-то говорили. Митя их не слушал, стоял чуть в сторонке, руки в карманах, выдыхал подолгу от недостатка воздуха — под ночь асфальт возвращал скопленное за день тепло. Где-то вдалеке, возле шлагбаума и будки охранника, горел с перебоями единственный фонарь. Мигал, и мигал странно, то коротко, то подолгу держа свет. Как на азбуке Морзе. Митя моргнул три раза быстро, три раза медленно и еще три раза быстро, а потом потер веки, потому что глаза вдруг заболели. Где-то на взгорье, по ту сторону леса и скал, гудели застрявшие в пробке автомобили, едва слышно, не нарушая сумрачного покоя, но отдаваясь в беспокойной голове и в детском беспокойном сердце.

На прощание мама наклонилась к сыну через подоконник и погладила его, держась другой рукой за раму.

— Пока, Мить, — сказала она и попробовала улыбнуться. Сталась веселее, а получилось грустно.

Поехали домой.

Красные квадраты отбойников мелькали отраженным от фар светом. Митя взял узкую подушку, на которой последние две ночи засыпал, подsunул ее под ремень, чтобы не резало, и пробовал так уснуть. Не получалось — отчим поставил один из своих дорожных дисков. Слушал, как обычно, что-то бодрое и громкое, а идеально для дороги — орущее, чтобы не засыпать. Он и на море так ехал, но при маме выбирал хотя бы песни без ругательств. Теперь крутил больше «Сектор Газа». Песня про «Яву», песня про бомжа, песня про местных; от тревоги мальчик вслушивался в каждую и ярко представлял себе происходящее: и пацана-подростка, влетающего в пень, и бездомного, собирающего бутылки, и мужика, убегающего от деревенских. Все эти песни Митя до этого слышал, но не вдумывался, обычно покачиваясь в темп музыки, а теперь ни одна ему не нравилась.

На дисплее магнитолы проползло справа налево синее: «Лирика». Заиграло, запело. Эта показалась мальчику хуже всех остальных. Любовные вроде слова больше на угрозы похожи, и гитары подрявкивают из плохих динамиков машины, будто сейчас в последний раз завизжат и взорвутся. Митя видел как-то фото певца — улыбочивый, круглощекий, глаза такие простые и добрые, прямо Есенин из учебника по литературе, только со смешной прической, — приветливо выглядит, а поет про такой ужас.

Вспомнил. Думал, забыл, — нет. Как-то раз, еще до Нового года, он проснулся ночью от кошмара. Митю трясло — от ужаса, непонятного и потому пугающего, болезненного. Смутно помнил

струну с ржавыми наростами — она дрожит, пузырится коричневой дрянью и вот-вот лопнет, сломав все на свете. В детстве ему часто такое приходило по ночам, теперь — реже. Трясаясь, без возможности всхлипнуть, приходилось либо долго умываться и припадать лицом к холодному полу, либо бежать к матери в кровать — успокаиваться.

В маминей спальне горели расставленные по тумбам и полу свечи, пахло как-то необычно — кисло и горьковато. Митя тихо, так тихо, как только дети могут, прокрался к проему. Его все еще трясло от неясного, мучительного страха, оставшегося после сна. Выглянул. В кровати мамы бугрилась рыжая в свете тусклых огоньков мужская спина. Мальчик так же тихо вернулся к себе в постель, забился в угол между подушкой и стеной и трясся, не в силах заплакать или свободно вдохнуть, пока не забылся бесильной дремой. Наутро дома была одна мама, и Митя постарался забыть кошмарную ночь.

Но «Лирика» болезненно ворошила память, и усталый мозг накрутил образы, сотворил жуткие картины. Отчим в этом сонном бреду сжимал в своих крепких руках маму, то терялся, то выплывал из дыма, тянувшегося от свечей. Мама льнула к нему, дрожала и улыбалась, будто удивляясь самой себе.

Его разбудили глубоко за полночь. Тьма стояла беспросветная, только электрические огоньки и холодные цифры на панелях перед водительским местом в нее вторгались, но от этого черные места становились еще черней. Дверь была открыта, перед Митей стоял, наклонившись, дедушка, сонный, но добрый. Как всегда, добрый.

— Ну че! Пойдем, доспишь в человеческих условиях! — Седящие усы его приподнялись.

— А можно ты меня отнесешь? — еще толком не проснувшись, спросил Митя.

— Да ты здоровый уже, не подниму. — Спокойный и нежный голос убаюкивал.

— Жаль. — Митя зевнул и отстегнулся.

Ничего не видя, с подушкой в обнимку, мальчик зашел в дом. Бабушка уже спала. Для внука заранее приготовили постель в одной из спален. Митя плюхнулся на мягкую, удобную софу, завернулся в одеяло и уснул, все обнимаясь с подушкой.

Через семь месяцев у него родился брат.

Дарья ШОМАХОВА

ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ

СТИХИ

В оформлении использовано фото А. Чернавского

* * *

глядя на млечный путь
говорю
пусть хотя бы одна
упавшая сегодня
фиг с ней
будь она даже
космический мусор
горящий в плотных слоях атмосферы
исполнит мое желание

смеюсь
о космический мусор
исполни мое дурацкое желание
пожалуйста
ну пожалуйста

падает еще одна
звезда

* * *

я вижу в ней тебя:
поворот головы, взгляд,
длинные изящные пальцы
с чужим кольцом,
с короткими ногтями
(с силой давят не на ту кнопку).

но глаза ее недостаточно густо
подведены ночью,
волосы зачем-то собраны,
голос глубокий, а слова
набиты ватой.

мучительно радостно
находить тебя.
мучительно помнить,
что тебя уже не будет.

ПОСТОРОННИЙ

В порыве отчаяния,
смешном до
и после,
я расстреляю солнце.

Беспардонно промазав,
рваной очередью
продырявлю вечернее небо.

Летающие вверх гильзы
наплевали на законы физики
и нахально
притворяются звездами.

Старой тряпкой
закат полощется в море.
А я
считаю фальшивые звезды
в небе,
в чужом
взгляде,
в своем.

* * *

построить дом
на реке Суркуль
это недалеко
в Ставропольском крае
каждое утро смотреть на облака
что плывут
цепляясь то за одну горку
то за другую
переглядываться
сидя на крыльце
с кофе и сигаретой

и ржать ржать
потому что
ну что за название такое
«Суркуль»

* * *

Зима пришла,
как завещал календарь.
Кинулась под ноги,
ударила по бронхам
(стерва, там и так обструкция),
сыпанула какой-то ледяной крошки
за шиворот.
Чертова южная зима,
которую,
естественно, никто не ждал,
не верил,
а только надеялся,
что ноябрьские плюс пятнадцать
дотянут до смены года.
Впрочем,
кому интересны надежды
этого самого,
который, как ты, как я, как все,
никто.

* * *

львиный зев цветет-растет,
когда ему положено.
зачем и куда положено,
не знаю.
из названия растет мысль
о жаре и влажности,
в которую плюс сорок
ощущается как
предынфарктное и
сорок плюс.

летний зной цветет
и пахнет
домашней кошкой
с желтыми глазами,

выгоревшими листьями липы,
канализацией
на Калмыкова —
опять прорвало трубу,
бежево-бензиновой лужицей
у мусорного контейнера,
вареной кукурузой.
дохлятиной.
всегда дохлятиной.

а потом вдруг
с соседского балкона
веет детством.
травкой —
отцом, которого не знала.
огуречным лосьоном.
наверное, маминым.

* * *

Подбитой левой фарой
сквозь текстуры черноты
ярко-желтое.
Спасибо за пустоту
на дорогах —
самые вероятные
приключения дислексика
в... где угодно.
Направо пойдешь —
Нарткалу найдешь.
Налево пойдешь —
все равно Нарткалу.
Прямо не пойдешь,
там дорожный знак.
Я шутила про знаки и символы, да.
А какой выпускник филфака — нет?
Собственно, про все шутила,
потому что иначе
только в последний путь
(здесь тоже хочется шутить,
мол, не последний, а крайний).
Ты где-то там,
я где-то тут.

Навигатор говорит,
это КБР, Урванский район,
а у меня нет сил спорить.
Между нами цифра.
И больше ничего.
Дороги нет, и
нехрен врать себе,
не было.
Спасибо за пустоту.
(шутка про кольцевую композицию).

* * *

Осторожно, двери закрываются.
Водитель, стой!
Там, снаружи,
три тетки с баулами
бегут не хуже Усейна,
который Болт.
Закрытые двери красного
без рогов и второго этажа,
зато можно оплатить картой,
нет, не контурной,
нет, не сокровищ.
Болт не спас,
ни Усейн, ни любой другой.
Тетки так и остались снаружи.
Баулы тошнит
прямо на тротуар.
Тетки причитают,
но этого уже не видно —
автобус уехал.
В Нальчике не бывает
дабл-декеров.
В Нальчике бывает
только дабл-ять,
самая полезная буква алфавита.
Осторожно.
Двери.
Открываются.
Там, где никто не просил.

Ренат ДЖАНИБЕКОВ

НОТР-ДАМ ГОРИТ

СТИХИ

ЧЕРКЕССК

Это мой город.
И мал он ровно настолько,
Чтобы о нем не знал ни Габито Маркес,
Ни мой дорогой Амаду,
Ни кто-либо из Льюс.
Наверное, и не надо,
Но, как писал Мандельштам,
Это «город, знакомый до слез».
Впрочем, если ударять фамилию Маркес на второй слог,
Она даже рифмуется
С его упрямо прямыми улицами,
С его каштанами после дождя, рассыпанными на тротуаре,
Которые маленький мальчик, проходя,
Не мог обойти и в каждом своем ударе
Представлял себя футболистом,
Преимущественно атакующим хавбеком.
Маленький мальчик с этюдами Черни и Листа.
При этом какие он забивал голы,
Если б вы видели.
Лучшие киперы были бы злы:
Ставь хоть на обе штанги,
Невозможно противиться голу.
А маленький мальчик просто пинал каштаны
По пути в музыкальную школу.

— Это —

НОТР-ДАМ ГОРИТ

Они нестройны, скомканы, плохи,

* * *

Впору бы перегнуться его локтевым,

Шагает и не шатается.
И в этот момент я подумал:
Что же за молодцы эти китайцы,
Что же за молодцы эти китайцы.

И, знаешь, я слышал, что их правительство попытается
К двадцать какому-то году
Организовать первое лунное поселение
И провести туда воду.
Наверное, это неправда,
Наверное, это бред,
Но мне бы хотелось верить, что, пусть и не завтра,
Пусть через сто, через двести лет,
Кто-то такой же, как я,
теперь вот шагающий по земле,
шагал бы по лунной пыли,
А позади бы плыли лунные облака,
И он бы наверняка влачил за собой
Подобие лунного плуга,
Чтобы, придя домой,
Просто поцеловать такую же, как и ты,
Чтобы они любили друг друга,
А после, уснув, любовались бы лунными снами,
И между ними не было б той черты,
Той глупой земной черты,
Которая есть меж нами.

* * *

Поезд едет — чух-чух-чух,
Я лежу в кровати,
Слух звериный, чуткий слух
Не дает мне спать.

Гав-гав-гав — у колеса
Призрачной машины,
В поле тявкает лиса,
В небо вьются джинны,

За оградой «кукаре...» —
Рвется петушок,

И плевать, что на дворе
Ночь темнее ночи.

Все по эту и по ту
Сторону заката
Слышу. Поезд — ту-ту-ту.
Все идет куда-то.

Слышу, как ложится снег
На состав, на крышу,
Рек подледный слышу бег,
Лишь тебя не слышу.

Ни полвздоха, ни шажка,
Ни подгрудных стуков,
И не то чтобы тяжка
Ночь без этих звуков,

Без улыбки на губах,
Без разлета линий.
Едет поезд. Ах, ах, ах.
До чего же
длинный.

* * *

Lingua Latina non penis kanina
(Язык латинский — не хрен собачий).

Мем средневековых студентов

Я был почти безгрешен
К семнадцати годам,
Цветение черешен
Предпочитал плодам.

Я был, как юный месяц,
До неба вознесен,
И тайны гулких лестниц
Не трогали мой сон.

Я плыл, как звезды плыли
Сквозь облаков туман,

Я крохи звездной пыли
Вытряхивал в карман.

И что там было дальше,
Какая круговерть,
Падения, реванши,
Хотел ли помереть,

Все, в общем-то, неважно,
Все, в общем-то, равно,
Когда, отмерив дважды,
Я стал почти говно.

Так пусть же некий скульптор,
Вбивая здесь свой клин,
Нас приобщает к культу
Больших и малых глин.

И славные ребята
Довольно юных лет
Ко мне, как к экспонату,
Придут искать ответ.

И я скажу, не плача,
Вставая, как под плеть,
Что жизнь — не хрен собачий
И не о чем жалеть.

Ахмат ШИДАКОВ

ДЕНЬ УТКОНОСОВ

РАССКАЗ

После дождливого октября к ржавому архипелагу на голубом кузове брошенного автобуса присоединились еще три островка. Кролик (так его звали все, кроме мамы и немых) три четверти часа простоял, прислонившись к его левому крылу. Костлявую спину и холодный металл разделяла только тонкая ткань футболки с логотипом баскетбольного клуба Boston Celtics — единственный зеленый предмет в радиусе шести сотен косолапых шагов.

Затем, пройдясь расческой по мокрым медным волосам, он побрел вдоль каравана окурков Camel, который тянулся до самого края оврага. Там, на ветви рахитной березы, ветер качал красную бейсболку. Кролик надевал ее каждый четверг в течение двух лет, с тех пор, как она стала подарком на его пятнадцатые именины. Убедившись, что вещь еще не высохла, он устался вниз и оглядел знакомый пейзаж.

Несчастный случай, произошедший с малышом Дени, на несколько лет избавил это место от ежедневных паломничеств окрестной детворы. За это время они успели покрыться прыщами, обзавестись подружками, а «маленький каньон» остался прежним, разве что мусора стало больше. Юноша пнул

одну из пустых банок из-под колы, та с лязгом пролетела по бумажникам и плюхнулась в реку. Затем Кролик повернулся к оврагу спиной, зажмурился и начал считать до десяти.

— Эй, парень, я готов поспорить, что это самый скользкий камень в округе, на твоём месте я бы оттуда слез.

Фраза, сказанная баритоном, прервала его на восьми, заставив открыть глаза и повернуть голову. Говоривший, незнакомый коренастый мужчина, достал из пузатого походного рюкзака покрывало и расстелил его на влажной желтой траве. Когда Кролик обернулся полностью, незнакомец уже сидел.

— Чего ты устался, падай рядом.

— Падать?

— Да-да, сюда садись. — Мужчина хлопнул плотной ладонью по потрепанному пледу.

Юноша послушался.

— Мне даже смотреть на тебя холодно, у тебя нет куртки или типа того?

— У меня есть... у меня есть пальто, но оно новое совсем, я его дома брату оставил.

— Так и до пневмонии рукой подать, погоди-ка.

Дутый жилет морковного цвета, по правде сказать, был слишком просторным даже для человека с крупным телосложением, а на Кролике и вовсе смотрелся как спальный мешок. Когда он застегнул молнию, его ноги так и остались прижатыми к груди.

Поблагодарив мужчину, он улыбнулся и обнажил щербинку между зубами, по которой регулярно елозил вилкой или менее очевидными предметами вроде ржавого centa, привезенного его матерью из очередной поездки в Америку.

— Ты голоден? — спросил мужчина.

— Нет, я, кажется, завтракал. Нет, я определенно завтракал.

— Значит, голоден. — Он достал из рюкзака два свертка и один из них вручил Кролику.

Чтобы дойти до хрустящей лепешки, пришлось преодолеть целую дюжину слоев фольги, которую было совершенно невозможно подцепить ногтями, сгрызенными почти до самого основания.

— Приятного аппетита. Должно быть, еще тепленькие.

— Благодарю вас, действительно теплые.

— А так и не скажешь, что без мяса совсем, да?

— Да, вообще не скажешь. Это бобы?

— Так точно, нут называется. В Идлибе только этим и живут.

— Вы бывали там? — спросил юноша.

— Мой друг туда ездит... ездил. Он любил фалафель, вот и меня научил готовить, а я ему только и подарил что диск с документалками про Австралию.

— Очень вкусно, хоть и совсем без мяса, спасибо вам.

— Да чего уж там, — мужчина впервые повернулся к Кролику в анфас, и юноша уставился в редко-зеленые глаза.

Солнце горчило грейпфрутом. Они закончили есть почти одновременно, с разницей в несколько секунд, в течение которых мужчина успел подобрать пакет и положить в него остатки фольги и салфеток.

— Темнеет. Надо бы уже собираться.

— Вы далеко живете, да?

— Далековато, да.

— На машине приехали?

— Нет, нет, я водить-то не умею, на автобусе приехал.

— Так он же сломан, — сказал Кролик.

— Видимо, починили, братец.

— Можно один вопрос?

— Да хоть три.

— Вы всегда с собой по два фалафеля носите?

— Нет, только в этот день.

Саня ХОЛОДНЫЙ

ПРО ЛЕТЧИКА

РАССКАЗ

Погода была нелетной. Ветер бил в пустые урны и бросал около обрывки сообщений из громкоговорителя. Рабочий тулуп с дурацким логотипом осточертевшей авиакомпании индевел на морозе, а маленький, нашитый на карман самолетик, заключенный в овал, темнел под коркой льда. Летчик ногтем окоченевшего пальца постукивал по этой корке, и она, корка эта, поверх размаха крыльев и крошечных иллюминаторов казалась отчего-то правильной и уместной. Летать не хотелось. Хотелось забраться под колючее, пропахшее табаком одеяло и уснуть.

Уже дома, в серо-голубой темной прихожей, летчику не удавалось вспомнить, хотелось ли ему вообще когда-нибудь летать. Хотелось ли ему когда-нибудь?

Он помнил себя еще ребенком, помнил, как отец подарил ему деревянный самолет. Просто так, без повода. А потом просто так, без повода, пропал. Может, подаренному самолету нужно было радоваться сильнее, но уже тогда почему-то не получалось. Наверное, это должно было заставить его в нужный момент остановиться. Просто так, без повода. Но летчик сейчас был летчиком, и останавливаться было поздно, да и негде.

Тогда, в детстве, он ждал отца еще несколько лет. До самого утра упирался сплюснутыми глазами в мутную полосу горизонта. Летчик помнил, что раскаленная конфорка походила на восходящее солнце и очень знакомо, по-солнечному, жгла ладонь. Удивительно, что спустя столько лет конфорка и солнце все еще были одинаково горячими. Этаким сложившийся паритет. В заделанном окне удалось поймать крошечный желтый луч, и шрам на ладони знакомо заныл.

Во сне летчик управлял деревянным самолетом — взмывал ввысь и яростно бился о бетон. А после какой-то человек с грозным лицом зачитывал ему панегирик, толпа аплодировала. Он сам, готовый к гибели, — больше всех.

В доскональном анализе сон не нуждался. Летчики бьются, так случается. Каждому по Голгофе. Своя собственная летчику виделась чересчур отчетливо.

За завтраком вспомнилось лето, деревенская панорама, страшные, искривленные руки бабушки и еще теплое молоко в бидоне. Бабушка была почти слепой и, упорно вглядываясь в силуэты кордебалета на небольшом экране, рассказывала про чудовищ в пустынных берлогах-замках, про хрустальные люстры и позолоченные канделябры. На месте чудовища ясно виделся отец, уже тогда, до пропажи. Просто так, без повода.

Мать не вспоминалась вообще. Только ее сумка с мятыми потерейными билетами и драным ремешком, а еще много-много монет во внутреннем отделении. Все это — наваждением. Просто так, без повода. Но хотелось лелеять, хотелось утонуть в этих монетах, в их звоне и прохладе.

Монеты часто звякали в его кулаке, пока он неслился вслед уже тронувшемуся автобусу. Ржавый пазик с синей четверкой на лобовом довозил его до школы с синей четверкой на дверной табличке. Там, на дурацком уроке рисования летчику всегда доставался треснутый, покоцанный трафарет с дыркой в виде самолета.

На рисунке самолет мчался вдоль эстакады и готовился вот-вот оторваться от земли.

Было летное училище, давящие погоны преподавателей, «Повесть о настоящем человеке» в каждой классной комнате и бленький «Колибри» на выцветших картинках.

Был первый полет, неудобная спецовка, облака в иллюминаторе и крошечные грязно-зеленые домики где-то внизу. Не было

только внутреннего воспарения, окрыленности, ожидаемой экзальтации. Так, оценка в зачетке и новая форма.

Выпускной. Каждый курсант — корифей. Красные ленты, толпа и эскалация агрессии. Просто так, без повода.

На новеньком удостоверении самолет был готов к выпуску шасси.

Квартира, необжитая и холодная, хранила в себе пыль, родительскую еще мебель и стопку журналов — компоненты-частишки памяти. Страницы одного из первых номеров шелестели под пальцами. Мелодия ветхости и упадка. На обложке — «Авиация и космонавтика» на синем. Номер страницы — синяя четверка в углу. На фотографии его отец. Садится в военный самолет и машет рукой в спецовке — фото черно-белое, но летчик-то знает, она — синяя. Люди у самолета — смазанные ладони — аплодируют.

Номер страницы — пятерка.

На фотографии самолет — дым и летящие обломки.

Асват ЯНГИЕВА

МАТРЕШКА ЭМИГРАЦИИ

Я поняла, что я есть Зидан.

В одном интервью знаменитый футболист сказал, что для арабов он — кабил, для французов он — араб, а для всего мира он — француз.

Я взяла кальку, примерила на себя, и получилось: для дагестанцев я — лачка, для русских я — дагестанка, а для французов (и остального мира) — русская.

ДЕНЬ

Размышляя о своем жизненном пути, я стояла около входа в детский сад. Как и толпа других родителей, я ожидала, когда двери распахнутся и оттуда начнут выбегать дети. Среди них должна была выпорхнуть и моя старшая крошка Микаэла. Младшая же булка по имени Данелия с нетерпением ожидала свою сестру вместе со мной.

Наконец детский сим-сим открылся.

«Микаэля! Микаэля! Микаэля!» — наперебой стали звать мою дочь разные ребятишки из ее группы, чтобы с ней попрощаться.

Не только дети, но и все французы ее называют именно так. Здесь все имена произносятся с ударением на последний слог.

Вот если зовут вас Надежда, то здесь вы будете Надежда́. Вот беда.

Но самый шик приходится на Аллу. Помимо ударения на последний слог, французы часто просто не произносят последнюю согласную букву в словах. И получается, что Аллах и Алла произносятся абсолютно одинаково — Алла́.

Вот так переехала жить во Францию и эволюционировала от просто женщины до Бога.

Мы шли по залитой солнцем улице в сторону дома.

— Как настроение? Как прошел твой день, Микаэл? — спросила я дочь.

— Хорошо, было интересно! — с энтузиазмом ответила она.

— Что вкусного давали на обед?

— На первое нам дали салат, потом было мясо с каким-то гарниром и на десерт — сыр и слива.

— Неплохо.

— А знаешь, что мне сказала Эния?

— Твоя подруга в саду?

— Да. Всем давали мясо свиношкы, а мне дали барашкы. И вот Эния меня спросила: «О, Микаэля, ты не ешь свинину, значит, ты мусульманка?» Представляешь? — в эмоциях рассказывала Микаэля.

— И что ты ответила? — поинтересовалась я.

— Как есть, так и ответила. Сказала «да». Объяснила, что вот японцы, например, верят в духов всяких, а мы верим в одного Бога.

— В целом да. Правда, свинину не едят и иудеи тоже. Смотри, когда мы записывали тебя в садик, то здесь нужно было заполнить анкету на предмет, есть ли на какие-то продукты у тебя аллергия, являешься ли ты вегетарианкой или не ешь что-то по другим причинам. Исходя из этого, они подбирают подходящую тебе еду. Поэтому тебе приносят халальную барашку вместо свиношкы, — объяснила я Микаэле, которой уже было больше дела до собаки, проходящей мимо нас, чем до моих пояснений.

Дома я не наседала на ребенка с религиозным самоопределением, считая, что рановато. Просто объяснила базу. Честно говоря, я и дальше не планировала с этим именно наседать, потому как сама больше по греху заведую, чем по праву. Но у детей есть склонности следственного комитета, поэтому они могут наблюдать за тем, как родители постоянно что-то шепчут на арабском или месяц в году голодают, и успешно самоопределяются и без нашего активного участия.

После сада мы заглянули с детьми в аптеку у дома. Я прошла к свободному окошку, где меня с улыбкой встретила приятная афро-француженка. Бодрая на эмоции и длинная на ресницы, она с живым интересом взялась изучать мой рецепт от врача.

За секунду взгляд ее угольных глаз скользнул по моему лицу, а потом замер на моем имени в рецепте.

— Вас зовут Асват? — спросила она.

— Все верно, только Асват, — ответила я.

Я почти смирилась с тем, что французы не могут правильно произнести в моем имени сочетание букв «св» (по России им, видимо, в поездках только на плацкарте передвигаться), ведь по нетолерантным к лакским именам правилам произношения во французском языке, «св» должно звучать именно как «зв».

Для себя я решила исправлять в этом деле только тех, кого точно увижу снова. Например, свидетелей Иеговы.

Аптека у дома, а иммунитет у меня в стадии «почти кома». Так что было принято решение раскрыть фармацевтке фонетическую истину.

— А что значит ваше имя? — с искренним любопытством поинтересовалась она.

Я ответила не задумываясь, так как вопрос был по жизни частый.

— Имя арабского происхождения, от мужского Асвад. Означает «черный».

Через мгновение я поняла, что сотворила. Уперев одну руку в бок, она смотрела на меня и всей позой излучала недоумение, неверие и готовность к наезду.

Тут надо понимать, как я выгляжу. Золотые и торчащие во все стороны кудри, крайняя степень белизны кожи (а ввиду болезни я была еще более бледная, чем обычно) и серые глаза.

— Но почему?! — взорвалась бывшая приятность, а ее ресницы затрепетали от порыва, материализовавшегося в ветер гнева.

Захотелось взбрыкнуть и ответить: «А у вас монополия на черный цвет?» — но потом я поняла, что лекарство она еще не принесла. Поэтому я растерянно пожала плечами и ответила правду, что так решили родители — которые, кстати, знать не знали о значении имени, им оно просто нравилось.

Это еще хорошо, что я не стала объяснять, как многие мои бывшие и не очень воспитанные соотечественники именно этим цветом называли и меня, и мой народ, и вообще все народы, которые живут на Кавказе.

В это время разбушевавшаяся женщина начала искать мое лекарство и собирать группу единомышленников против наличия у меня такого имени. За пару минут подключилось две пары осуждающих глаз.

Я сохраняла спокойствие, молчание и целостность своего выдающегося носа. Потому что свои мысли я оставила в категории мыслей и, получив лекарство, быстро ретировалась из аптеки.

После мы с девочками неспешно добрались до дома, зашли в подъезд, и я начала готовиться к восхождению на пятый этаж. Вернее, по российским меркам это будет шестой, так как французы начинают считать этажи с нуля. Господи, ни буквы не совпадают, ни цифры! В любом лифте вы найдете кнопку ноль, и она привезет вас к выходу. В любом. Но не в нашем. Потому что у нас просто нет лифта в здании. Зато есть одна уставшая, но накаченная Асват.

Я даже посчитала. Сто три ступени по винтовой лестнице несколько раз в день. И на эту высоту я поднимаю себя утруждающуюся, Данелию извивающуюся и коляску на плече трепыхающуюся. Хотя бы Микаэла идет сама, но с причитаниями, что устала. А во внутреннем дворе, как сказала консьержка, оставлять коляску нельзя. Не из вредности, а из прецедентов воровства. Мы все же живем в стране круассанов, а не святых.

Наконец я отворила дверь в нашу саклю, и мы все традиционно рухнули на пол — прийти в себя после подъема. Тоже мне, горянки.

С детьми что дома, что вне его я всегда говорю либо на русском, либо на лакском. Мы с мужем придерживаемся политики жесткой языковой сепарации — семья на лакском и русском, садик и французы вне его — на французском. Такой наш метод активно поддерживают директриса и воспитательницы детского сада, так как понимают, что иначе культура будет утеряна.

Первый год в саду Микаэла почти все время молчала. Она пришла в сад без единого французского слова в багаже, хотя росла с четырех месяцев здесь, во Франции. По ее глазам я видела, что она все понимает в садике, но просто не хочет говорить на французском. Такую же мысль мне выразила как-то и ее воспитательница. Я пыталась найти подход, чтобы раскрепостить ребенка, но не до конца понимала, что же ее останавливает.

В один пасмурный весенний день мы с ней прогуливались по городу, а навстречу нам по переулку шла женщина и громко разговаривала по телефону.

Микаэла притянула меня к себе и сказала:

— Дада¹, вот эта женщина сейчас разговаривает на французском, а когда придет домой, сразу перейдет на русский, ты знала? Или на лакский.

— Ох, муси², это вряд ли, — ответила я и тут же поняла выжидательную стратегию своей дочери: «Ничего, сад можно перетерпеть в партизанском молчании и окруженной французской речью, но дома-то все в стране говорят на лакско-русском».

После такого открытия стало легче ей все объяснить, а дома по старым правилам жить.

Но есть и дома одно исключение. Колонка Гугла. Она технически не знает и не может знать русского языка. Поэтому с ней мы журчим на галльском. По-французски Гугл произносится как «Гуголь». Дети просто называют ее Гоголем, а Микаэла спрашивает, почему колонка не рассказывает ей «Вечера на хуторе близ Диканьки».

¹ Мама (лакск.).

² Золотце (лакск.).

Помимо Николая Васильевича из домашних обитателей у нас еще водится колонка Алиса. Она не может работать в полную силу, как в России, поэтому работает лишь как радио и беспардонный раздатчик непрошенных советов посреди разговора, куда ее не приглашали. Все по классике — можно вывести колонку из страны, но страну советов из колонки — никогда.

Мои дети много знают о своей первой стране (хотя Данелия родилась во Франции) и горской родине. Несколько раз мы гостили у моих родителей в Москве. Златоглавую дети нежно любят вместе со мной. А вот в Дагестан мы с детьми пока еще не ездили.

Но кровь такая интересная штука. Явно не водица, которая быстро испарится.

После того как мы отошли от восхождения в нашу саклю на пято-шестом этаже, Микаэла подпрыгнула ко мне и залепетала:

— Знаешь, дада, я сегодня познакомилась с новым мальчиком. У него такое красивое имя!

— Какое? — спросила я, ожидая всяких Николая.

— Сулейман, дада! Скажи, красиво?

— Безусловно, — ответила я, помогая девочкам раздеться.

«А как будут звать ваших детей?» — вдруг подумалось мне.

Микаэле тоже в этот момент о чем-то подумалось, потому что она подошла к окну и застыла, смотря своим волооким взглядом на гудящий в предвечерней суете город городов.

— Дада, я же лачка? — очень серьезно спросила она.

— Да, конечно, — моментально ответила я.

— И ты лачка?

— И я. И твоя младшая сестра Данелия. И даже твой мяммя³ лакец.

— Тогда почему мы не ходим в лакских платьях? — поставила меня в тупик Микаэла.

Хороший вопрос, дочь.

«А что, если и ненастоящая я лачка?» — теперь завертелось в моей голове.

Люди, что живут в горах, что лепят балхарские кувшины, что ткут ковры, что собирают снопы трав и несут их на спине, — вот они, настоящие. Представители народа, живущие теми же путями, что жили их предки.

А я далеко. Далеко от тех гор, тех путей и тех звездных ночей.

Но и в эмиграции есть свой знатный плюс — она способствует консервации. Можно сказать, я банка консервная (правда, немного нервная). Вдали от родины появляется глубинный страх, что ты растворисься, потеряешь себя и забудешь, кто ты и откуда.

³ Папа (лакск.).

Я и так любила копаться во всяких старинных документах и изучать свою генеалогию, но во Франции это стремление возросло в такой прогрессии, что даже геометрическая в шоке... Может быть, я соберу все. Может быть, я сохраню культурный код. Как капсула времени. Банка-капсула.

Или как канадцы. Вот есть у них франкоговорящий Квебек. И есть Франция оригинальная (родимая тоже, что уж тут). При этом сами французы считают канадский французский более правильным. Потому что квебекцы более ревностно сохраняют язык, не допуская англицизмов. Они придумывают новые французские слова, а не заимствуют английские. В отличие от французских французов.

Так вот. Буду утешать себя тем, что я лакский квебек.

Банка-капсула-квебек.

И выращу таких же квебекят лакского разлива.

ВЕЧЕР

Телевизора у нас нет по принципиальной консервативной позиции Абдурагима, моего мужа и отца девочек. Поэтому дети развлекаются староверскими способами — рисованием, пластилином, разглядыванием останков моллюсков на камине. Но в самом топе у них книги.

После философских вопросов национально-одежного характера, на которые я так и не смогла внятно ответить, я угостила детей фруктами.

Времени до ужина еще было достаточно. Я взяла первую попавшуюся книгу с полки и засела над ней с девочками. Книга была без текста. Там были нарисованы огромные картинки, рассказывающие в мельчайших деталях историю приезда цирка в город. На одной из страниц я заметила репетирующего свой номер жонглера и сказала:

— Смотри, Микаэл, вот жонглер тренируется.

— Но это же не жонглер, — строго сказала она.

— А кто? — поинтересовалась я.

— Жонглерка. Видно же...

Действительно. Я посмотрела на Данелию. Она глянула в ответ и показала пальчиком на нарисованную детскую площадку с играющими детьми.

— Душру!⁴ — сказала она.

Данелии нет и двух лет, но она всегда, увидев группу детей на площадках, говорит «душру». Хотя дети на лакском языке будет

⁴ Девочки (лакск.).

«оьрч1ру», что одновременно значит «мальчики». Окажись там сотня девочек и один мальчик — то по правилам языка будет «оьрч1ру». Окажись там рядом Данелия — то будет «душру».

Получились у меня, к счастью, такие фемо-дети. Ведь можно не понимать, в какой стране ты растешь, но настроения, пропиты-вающие общество, улавливаются на клеточном уровне.

После книги я вспомнила, что мы забыли купить багеты (неве-домы нам диеты). А Абдурагим должен был вернуться только ча-сам к восьми, когда булочная уже закроется.

Я закинула на себя коляску и Данелию, а в себя — конфеты (ведь без конфетного допинга и жизнь не сахар). Взяла за руку Микаэлу и отправилась на улицу. Ожидая на перекрестке зелено-го сигнала светофора, я увидела машину, которая стремительно пронеслась мимо нас в сторону центра.

Это был огромный замурованный грузовик с тонкими прореза-ми окон, чтобы видеть изнутри, куда гнать. Впереди у грузовика была приделана насадка-решетка в виде треугольника, как у ста-рых паровозов. С ней грузовик напоминал большой утюг. Я поня-ла, что эту машину используют, чтобы разгонять митинги, и она как раз ехала вершить свое черное дело.

Во мне нет бунтарской решимости французов, но в тот момент в душе забурлил мощный протест. Захотелось бежать, строить баррикады и защищать без разницы чьи права.

— Душру! — весело закричала Данелия, показывая на толпу ребятишек, переходящих дорогу на зеленый свет.

...Мы вернулись домой с багетной добычей, и я принялась го-товить ужин. Да простит меня кавказский дух, но готовка и в це-лом быт — это не то чтобы не мое. Это чужое. Мне это подкинули. Правда, именно еда показала, что мои дети — еще и французы. Я не осознавала этого ни когда они получали французские па-спорта, ни когда Микаэла начала бегло говорить на французском. Осознание пришло, когда я как-то спросила у Микаэлы, чего она хочет на ужин, а она ответила:

— О, я хочу улиток!

К таким изыскам Микаэлы пристрастилась и Данелия. Те-перь любую уличную улитку, которая мирно ползет по своим делам, она нежно гладит пальчиком по раковине и приговари-вает «ням-ням».

— А на десерт я хочу яблоко с сыром комте, — добавила в тот раз Микаэла.

Вообще-то у меня тогда лежала на десерт плитка до ужаса сладкого молочного шоколада с орехами и изюмом. Но ради сохранения гастрономического вкуса дочери и уничтожения

собственной фигуры я ем всякую свою продуктовую развратщину в тишине, в одиночестве и в стиле ниндзя.

Замочная суета в прихожей вернула меня в реальность, а спустя мгновение в дом вошел Абдурагим. Дети бросились встречать своего отца с криками «Мяммя пришел!».

Абдурагим родился в Буйнакске. Хотя лично мне нравится старое, дореволюционное название этого города — Темир-Хан-Шура. Это небольшой старинный город в Дагестане. От моря он отгорожен горным перевалом, но до самих суровых гор путь тоже не такой уж близкий. Раньше Буйнакс был одним из пунктов Великого шелкового пути, поэтому он — как небольшая шкатулка разных культур, верований и архитектур.

Абдурагим рос в классике и центре Дагестана. Когда ему было четыре года, родители читали ему мифы древней Греции и истории про подвиги Геракла. Юный буйнакский джигит резво брал с пола баранью шкуру и накидывал себе на плечи, воображая, что это шкура немейского льва. Кинжалы тогда висели в каждом дагестанском доме, так что лакскому герою было чем сражаться с условной лернейской гидрой.

А сражаться пришлось. Но не с великанами и чудовищами, а с границами и языковым барьером. Но чуть позже, уже в десять лет, когда случилось великое переселение Янгиевского семейства в пятую республику. Тогда Абдурагим пошел в обычную школу во Франции, не очень много понимая по-французски. На урок пришла новая учительница по литературе, у которой был запал на образование детишек. Она сразу захотела понять объем работы и раздала всем тест на знание культуры. Абдурагим рассказывал, что сначала расстроился, а потом увидел тест и обрадовался. Большая часть его состояла из греческой мифологии, и даже без особого знания языка там все было яснее, чем ночное небо над древними Афинами.

По итогу учительница сильно ругала весь класс, так как лучше всех тест на знание культурной базы Франции написал недавно приехавший с далеких гор мальчик «с золотым руном на голове и с акцентом на языке».

Этот мальчик, став мужчиной, даже свою первую дочь хотел назвать Афина, и это имя, кстати, ей бы подошло. Не подошла только я, которая сразу и навсегда влюбилась в имя Микаэла.

Этот мужчина тоже отказался бы от яблок Гесперид, но не потому, что побоялся бы их действия, а потому что у него есть дочь с таким же золотым руном на голове, которая не боится царства Аида, переживает за Хирона и Ификла и не понимает, почему Гера такая злючка-колючка. Каждый день она просит перечитать

ей все подвиги снова, так что скоро и я смогу блестяще написать тот тест. И даже Данелия.

Я бесконечно рада, что вижу в наших детях так много от их отца. Потому что его я так же бесконечно люблю.

Но я до сих пор не понимаю, что в нем сильнее — десять лет Дагестана или двадцать лет Франции.

Иду с ним по жизни будто по бескрайнему полю свободы, где в любой момент может внезапно бахнуть мина патриархата.

Мы сели ужинать. На этот раз все было по-горски просто — гьавккури. Так пишется лакский хинкал на отгадайте каком языке. А звучит это слово примерно как «хóккури». Напоминает по звучанию японское хокку. Да и по содержанию тоже близко — это своего рода искусство. Искусство горских женщин создать себе проблемы на ровном месте. Нет, поймите меня правильно, я фанат гьавккури, но его готовка — интересное проявление мазохистских наклонностей.

Мясо, тесто, чеснок и помидоры — что может быть проще!.. Но тесто нужно раскатать на множество колбасок толщиной с мизинец. Или еще тоньше. Потом каждую эту колбаску нарубить на кубики. А следом расслабленная лакская женщина, у которой совсем нет иных занятий и интересов, должна нажать на каждый кубик пальцем и немного закрутить, превратив в завернутую ракушечку.

Уровень мастерства хозяйки оценивался по размеру ракушечки и по ее закрученности. Чем меньше ракушечка, тем больше почета высокому хинкальному искусству. Чем закрученнее ракушечка, тем круче хозяйка.

Со временем с опытом и с ежедневными гостями в доме родителей навык готовки лакского хинкала у меня развился до степени доктора хоккуриных наук. Быстро и красиво. Единственное «но» — это то, что в моей нынешней семье Абдурагим вегетарианец, и для него отдельно я всегда готовлю фэнтезийный аналог, где мясо заменяют грибы (для горцев дивные закидоны судьбы).

Правда, в моей жизни после рождения Данелии и у лакского хинкала были сложные времена.

— О, настоящий хоккури! — восторженно воскликнула Микаэла, с удовольствием принимаясь за еду.

— Да, он самый, теперь снова будет только такой, — с грустной улыбкой ответила я.

Когда детей у меня стало двое, а я осталась в прежнем количестве, то гениальный облегченный вариант рецепта лакского хинкала от моего отца получил вторую жизнь. Отец изобрел его, когда мама легла в роддом со мной на подходе. А он остался дома вместе с моей — тогда двухлетней — сестрой Умой. Кулинарные

изыски моего отца выглядели так. Он варил мясо, кидал макароны в бульон и говорил недоверчиво смотрящей на это блюдо Уме, что это хинкал. Ума не верила, но мамы и выбора не было. А голлод — был.

Я такой хинкал не пробовала, пока не стала матерью во второй раз. Оказывается, очень вкусно. Но я никак не могла придумать, как его называть, сам факт его существования скрывался семьей. Язык не поворачивался сказать Микаэле, что это такой экспресс-лакский хинкал. Пока один раз к нам домой не зашел мой свекор и не попал на такой ужин.

— О, да у вас тут итальянский гъавккури! — в восхищении (храни его Господь!) воскликнул он. — Мне полную пиалу, пожалуйста!

С одной стороны, горе-хозяйка, с другой — новатор итальянской кухни! Зависит от смотрящего (нет, не в «Матросской Тишине»).

За ужином Абдурагим начал рассказывать про события своего дня:

— Я отправился сегодня на мануфактуру, которая находится недалеко от ортодоксального храма.

— В этот храм приезжают на лошадях, а входят в лаптях? — сыронизировала я.

— В смысле? Ты не знаешь ортодоксов? — спросил Абдурагим.

— Лично не встречала, даже не мечтала. Это кто такие?

— Ну, есть католики, а есть ортодоксы, ты что!

— Православные, что ли?

— А, они так называются... — задумчиво проговорил Абдурагим. — Я думал, что французское слово все используют, ведь они называют православных ортодоксами...

Когда мы только познакомились с Абдурагимом, он порой резко замолкал посреди своего рассказа: вспоминал некоторые русские слова. До сих пор он иногда называет организацию организмом, а анестезиолога анестезистом. Вообще почти все медицинские термины он сперва узнал во французском варианте. Даже ДНК упоминал как АДН. Русские слова он начал узнавать по мере моих проблем со здоровьем.

Каждый раз, когда в речи Абдурагима проскальзывает устаревшее русское слово или небольшой дефект на французский манер, в моих глазах он окутывается туманом белой эмиграции 1917 года. А с учетом того, что недавно он встречался в Париже с графом Шереметевым, главой той самой династии, которая даже сейчас нам откликается московским аэропортом, этот мой туман обрел свои оттенки реальности.

Мы уложили детей спать. Я сварила себе крепкий кофе и вышла с ним на балкон. Город начинал остывать, а в окнах дома через улицу еще полыхал своим пламенем отражающийся там персиковый закат лета.

Я посмотрела налево, чтобы полюбоваться церковной колокольней. Всю свою жизнь я живу рядом с монастырями и церквями. Рядом с домом, где я выросла, располагалась еще и духовная семинария. Каждый день я видела группы монахов в рясах, которые при встрече со мной старательно уводили взор и начинали семенить на свою учебу быстрее, чем формируется очередь за новыми айфонами. Я люблю перезвон православных колоколов: он напоминает бойкое и переливчатое пение утренних птиц. Будто обещает, что впереди все будет хорошо.

Я люблю и католический перезвон. Он устало говорит, что все проходит, а он тут был и пребудет всегда, что видел всевозможные драмы и комедии людских жизней, что удивить его не получится. Получится только найти покой в его ритмичности и глухом эхе вечности.

Душу же цепляет зов муэдзина. Мелодичность его голоса проникает под кожу, немного заунывный тембр сливается с моей собственной тоской и пробуждает далекие поколения предков. В моих клетках.

Но азан я не слышала семь лет.

Дверь за спиной скрипнула, и я почувствовала, как теплые руки спокойствия заключили меня в объятия. Я уткнулась в эти крепкие предплечья, вдохнув запах любимого человека. Нос приятно защекотал кавказский волосистый лес. Прислонившись спиной к мужской груди, я почувствовала вибрацию сильного тела. Голос мужа всегда идет откуда-то из глубины.

— Как прошел твой день, жан⁵? — спросил Абдурагим.

— С детьми спокойно. Только с каким-то лезгином в интернете разругалась. Он доказывал, что один из моих тухумов⁶ берет начало от перса, который жил в лезгинском селе, а потом уехал к лакцам.

— Ха!

— Чего угораешь?

— Перс, говоришь? На самом деле это бы очень хорошо объяснило твою любовь к Хайяму, вину, кальяну и веселью.

— Ах ты! — воскликнула я и попыталась толкнуть его в бок.

⁵ Дорогая (лакск.).

⁶ Родов (лакск.).

Но Абдурагим лишь улыбнулся и крепче сжал кольцо своих рук.

— Хотя знаешь, — добавила я, — Микаэла мне вчера как раз сказала, что юбку надо носить со штанишками, ведь это, по ее мнению, очень красиво. Может, и есть в крови «восток — дело шароварное».

Какое-то время мы молчали — просто стояли, наблюдая за облаками. Лишь ветер шелестел в деревьях и в моих мыслях.

— Знаешь, Абдурагим, я даже завидую тебе.

— В чем?

— В том, что у тебя есть эти десять лет Буйнакск. Десять лет жизни в месте, где ты абсолютно свой.

— Жан, не грусти. Я понимаю, что тебе трудно. Совсем непросто, когда вся твоя жизнь — эмиграция.

Мне часто говорили, что это невероятно сложно психологически — переехать в другую страну и что я в связи с этим сильный человек. Я не сильно-то понимала, о чем таком затруднительном они говорят. Мне, конечно, бывало грустно и одиноко, что моя семья и друзья остались в России. Но в целом я чаще наслаждалась сыром и круассанами.

Никогда при этом я не задумывалась, почему так.

Корни мои в суровых горах Дагестана. Почти все мои предки похоронены там же, на кладбищах вокруг старинного селения Гази-Кумух. Если посетить там могилу каждого моего родственника, то провести на кладбищах можно не меньше половины дня, пробираясь сквозь высоко поросший бурьян к изысканно высеченным и покрытым мхом камням.

Почему-то от одной мысли, что мои кости будут лежать, скорее всего, не там, наплывает тоска. Когда бывает особенно тяжело на душе, я закрываю свои уставшие глаза и представляю, будто вдыхаю запах душистого чабреца, измявшегося под моими босыми ногами на диком горном склоне. Вижу миллиарды звезд ночного неба и слышу далекие оклики парящих орлов. Тогда свежий и резкий ветер возвращает моей душе покой.

Но родилась и выросла я в Москве. И каждое лето, что я бывала в своем родовом селении, я постоянно отвечала на вопросы проходящих мимо меня по улице старушек: «Ина часса бура?»⁷ Услышав имена моих родителей и названия тухумов, они одобрительно кивали и уходили.

В Москве моего детства было совсем не так, как сейчас. Во всей школе кроме меня и моей родной сестры был только один мальчик с Кавказа. Это сейчас все знают, что такое Курбан-байрам, а тогда все хохотали над тем, что я не ем сосиски в тесте.

⁷ Дословно: «Ты чья / какого рода?» (лакск.)

Для всех моих одноклассников было интересно и странно, что меня не отпускают погостить к подруге на ночь или даже просто на день рождения к мальчику. Мальчики в принципе были в категории «нельзя» со всех сторон (некое табу на тестостерон). Даже со стороны «позвонить, чтобы узнать домашнее задание». Жить на два мира было абсолютной нормой в моей вселенной. Дома Дагестан, а за дверью — непонимающая твой дом Россия. Я полностью принимала ее как иную богатую и древнюю культуру, четко разделяя грани дозволенного для меня и для окружающих.

В Дагестане же ставилась печать порока на тех девушек, что родились и выросли в Москве. Ведь это был город греха, не иначе. Сельская девушка, выросшая в горах и только там, была символом чистоты нравов, дела и тела.

Теперь же я и вовсе здесь, на галльской земле. Вокруг переливается и журчит французская речь, а на улицах пахнет свежим хлебом и анашой. Они часто говорят мне, что у меня нет акцента или он очень мягкий. Они доброжелательны и открыты всему новому, особенно иным культурам. Но я все равно остаюсь «russe», с юга большой страны, где живет неизвестный им народ, говорящий на языке, о котором они слышат впервые. И с самого рождения не было места на земле, где меня бы не считали другой. Приходится жить по заветам Меладзе, где «...я повсюду иностранец и повсюду я вроде бы свой». Эпикуреец-гедонист. Так называли меня на работе. Не только из-за любви к Хайяму, а больше из-за отношения к жизни. Такой подход в совокупности с жизнью «всюду другой», наверное, дал преимущество легкого восприятия перемены страны.

Но сейчас в моем доме не только Дагестан, а за стенами Франция. У домашнего очага уютно устроились ансамбль «Лезгинка и матрешка». Матрешка эмиграции.

Я лишь думаю о том, что же будут представлять, закрывая уставшие глаза, мои дочери.

Как писал Бальзак, дар быть всюду как у себя дома присущ лишь королям, девкам и вора́м. Наивно отнесу себя к королю своей жизни и

*Пойду пить вино, ведь не вредно оно.
Если душу отмыть свою хочешь и тело —
Чаще слушай стихи, попивая вино⁸.*

⁸ Омар Хайям.

АВТОРЫ НОМЕРА

БУРЦЕВА Мария родилась в 2002 году во Владикавказе. Окончила Республиканский лицей искусств. На сегодняшний день студентка 4-го курса факультета русской филологии СОГУ. В прошлом году начала активно заниматься научно-исследовательской деятельностью в области литературоведения и лингвистики. Увлекается танцами.

ДАНЧЕНКО Елена — поэт, переводчик, критик. Родилась в Кишиневе. Окончила факультет журналистики Кишиневского государственного университета, училась в Высшей школе переводчиков Утрехта. Публикации в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Иностранная литература» и др. С 2004 года живет в Нидерландах.

ДАУРОВА Виктория родилась в 1996 году в г. Беслане, Северная Осетия. Окончила факультет международных отношений СОГУ (2017) и Пятигорский лингвистический институт (2021; специальность «Перевод и переводоведение»). Стихи начала писать в детстве. Частый участник поэтических чтений, проходивших в республике. Дважды участвовала в Школе писательского мастерства (Фонд Сергея Филатова). Печаталась в журналах «Дарьял», «Крылья крепнут в полете».

ДЖАНИБЕКОВ Ренат родился в г. Черкесске в 1988 году. После окончания средней школы поступил в училище им. Гнесиных по классу вокала. Также имеет высшее юридическое образование (Саратовская академия права). Несколько раз был участником совещания молодых литераторов в Липках (Фонд Сергея Филатова). Публикуется впервые.

ДЫМЧЕНКО Денис родился в 2003 году. Студент Ставропольского государственного педагогического института. Публиковался в литературно-художественной газете «Горцы» (Дагестан). Участник мастерской для молодых писателей от АСПИР 2022 г. В 2023 году вошел в лонг-лист литературной премии им. А. И. Левитова (Липецк).

ЗАКИР Смарок родился в 1978 году в деревне Муншигандж, Бангладеш. Поэт, музыкант, автор песен. Окончил факультет политических наук в университете Джаннатха в Дакке. По роду занятий — продавец текстиля. На родине автора вышли три книги стихов: «Ты — это я» (2008), «Кто ты?» (2010), «Ты будешь жить здесь» (2011). Стихи публиковались в российской, украинской и английской периодике. Живет в городе Гоаланда в округе Раджбари, в центральном регионе Бангладеш.

ЗОЛЧЕВ Аркадий родился в 1957 году в с. Ставд-Дорт Северо-Осетинской АССР. В 1979 году окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Был призван в ряды Сов. армии, служил в артиллерийском полку. В 2002 году начал заниматься переводами английской и немецкой поэзии на русский и осетинский языки. В 2012 году поступил на Высшие литературные курсы в Москве. В настоящее время продолжает свою литературную деятельность во Владикавказе. В 2016 году вышла книга «Для детей Осетии».

ЙЕЙТС Уильям Батлер (1865–1939) — ирландский англоязычный писатель, поэт, драматург, выдающийся деятель западноевропейской литературы XX века. В годы расцвета своего творчества стал движущей силой ирландского литературного возрождения и был одним из столпов писательского истеблишмента в родной стране, члены которого содействовали осно-

ванию первого ирландского национального «Театра Аббатства». В более поздние годы занимал пост сенатора от Ирландского свободного государства. Его творческий путь демонстрирует движение от трансцендентальных и оккультных убеждений своей юности к реализму. В 1923 году Уильям Йейтс был удостоен Нобелевской премии по литературе.

КАРГИНОВ Азамат родился в 1990 году во Владикавказе. В 2012 году окончил биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Работает в ФИЦ Биотехнологии РАН научным сотрудником.

ЛОБОВА Александра (литературный псевдоним Саня Холодный) родилась в 2002 году в Норильске. Студентка третьего курса Пятигорского государственного университета (специальность «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Публиковалась в университетской газете «Слово ИПрИМ», творческом альманахе «Доска Ковчега», журнале «Открывающий и преобразующий мир». Участник мастерской для молодых писателей от АСПИР 2022 г. В 2022 году вышел сборник собственных произведений «Брось камень тот, кто без греха».

МАМУКАЕВ Казбек родился в с. Сурх-Дигора Северной Осетии. В 1986 году окончил осетинско-русское отделение филологического факультета СОГУ. Стихи начал писать в 13 лет. Его произведения отличает особая лирическая манера, своеобразное видение мира. Одинаково умело пишет стихи на русском и на осетинском языках. Его произведения публиковались в районных и республиканских газетах, в журнале «Мах дуг», а также в общих сборниках. Издал два собственных сборника: «Маямь соната» («Лунная соната») в издательстве «Алания», 1998 и «Ервон рух» («Выйши свет») в издательстве «Ир», 2003. Автор перевода нескольких ветхозаветных книг Библии с древнееврейского языка на осетинский.

МАЛАХОВСКИЙ Владимир — поэт, член Союза писателей России. Родился в Москве. Начал творческий путь в литературной студии под руководством Льва Ошанина.

Автор трех поэтических сборников, один из которых был удостоен диплома литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2014–2016». Награжден орденом МГО СП России «За вклад в литературу России XXI века». Произведения поэта публиковались в различных литературных журналах и альманахах, были переведены на английский, болгарский и сербский языки.

НИНА К. родилась в 2003 году во Владикавказе. Студентка факультета издательского дела Московского политехнического университета. Публикуется впервые.

ОСТАЕВА Татьяна — заслуженный деятель искусств РСО-А, член Союза художников РСО-А. С раннего возраста не задумывалась о профессии искусствоведа. Первоначальное образование получила на хореографическом отделении Владикавказского училища искусств. После окончания стала ведущей солисткой Театра оперы и балета (ныне филиал Мариинского театра в РСО-А). Является автором статей, буклетов, монографий о художниках Осетии. Ее материалы публиковались как в местных, так и в московских изданиях. Это статьи о Маргезе Келехасеиве, Шалве Бедоеве, Казбеке Хетагурове, Юрии Дзантиеве, Батре Калманове, Руслане Тавасиеве и многих других мастерах кисти.

ПЕНКНОВИЧ Илья родился в 1940 году в г. Ессентуки Ставропольского края. После окончания школы уехал в г. Орджоникидзе, где прожил до 2000 года, пока не переехал с семьей в Москву. Трудовая деятельность была разнообразной, в течение ряда лет работал в администрации газеты «Северный Кавказ». Стихи начал писать еще в юности, тогда же их стали публиковать. Вышло несколько сборников стихов для детей. Он автор многих песен (музыка и стихи), которые в настоящее время исполняют хоры и детские ансамбли Москвы.

РЕЗНИК Ольга — заслуженный журналист РСО-Алания, поэт, член Союза журналистов России и Российского союза профессиональных литераторов. Окончила с отличием Северо-Осетинский государственный университет. Работала корреспондентом разных североосетинских СМИ. Ныне — редактор отдела поэзии журнала «Дарьял». Публиковалась в журналах «Голос Кавказа», «Дарьял», «Горный ветер», «Страстной бульвар, 10», «Ровесники» (ДНР), «Вместе в Осетию», «Квайса», «Казарла». Автор поэтического сборника «Жизни тоненькая нить», соавтор книги «Шолом, Владикавказ!», автор сценариев документальных фильмов «Созидатель» (Владикавказ, 2018) и «Новая жизнь. Служение» (Владикавказ, 2021).

УАРЗИАТИ Вилен (1952–1995) — осетинский этнолог, кандидат исторических наук, профессор кафедры Российской истории и кавказоведения исторического факультета СОГУ. Опираясь на опыт передовой этнологической мысли, реконструировал в традиционной бытовой и обрядовой культуре осетин древнейшие пласты общераннего космогонической системы. Автор фундаментальных исследований: «Народные игры и развлечения осетин» (1987), «Культура осетин: связи с народами Кавказа» (1990), «Праздничный мир осетин» (1995). В 1995 году ему была присуждена стипендия Российской академии наук.

ХАСИЕВ Павел — заслуженный художник Республики Южная Осетия. Родился в 1951 году в селении Корниши Юго-Осетинской автономной области. В 1970 году окончил живописно-педагогическое отделение Цхинвальского художественного училища им. М. Туганова, а затем факультет живописи Тбилисского государственного академического художеств (1977 г.). С 1981 года — член Союза художников СССР, с 1992 г. — член Союза художников РФ. Произведения хранятся в музее краеведения г. Цхинвала, Доме искусств г. Владикавказа, Министерстве культуры РСО-Алания, частных собраниях и коллекциях Южной Осетии, России и за рубежом.

ХАШАГУЛЬГОВ Али (1943–1999) — ингушский поэт, прозаик, драматург, публицист. Еще в юношеском возрасте начал переводить на родной язык стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Коста Хетагурова и других авторов. В 1959–1960 годах, еще обучаясь в школе, работал в совхозе художником-оформителем. В 1961 году поступил в Ростовский пединститут, а в 1963-м продолжил обучение в ЧИГПИ. Работал преподавателем ингушского языка в Госпединституте г. Грозного, литконсультантом Союза писателей Чечено-Ингушетии, а с 1991 года — редактором детского журнала «Селалад» («Радуга»). С 1995 года Али Хашагульгов — преподаватель театрального училища имени Шуккина. В эти же годы картины Али Хашагульгова выставляются в галереях Москвы и Ингушетии. Автор поэтических сборников «Страна гор» (1985), «Первый цветок» (1987), «Золотой мир» (1992), «Автопортрет» (1996).

ХЕТАГУРОВ Коста (1899–1906) — осетинский поэт, живописец, драматург, публицист, этнограф, общественный деятель. Считается основоположником литературного осетинского языка. Родился в с. Нар Северной Осетии. Учился в Ставропольской гимназии, Петербургской академии художеств. В 1899 году во Владикавказе увидел свет его поэтический сборник «Ирон фандыры» («Осетинская лира»). Является автором этнографического очерка «Особа» (1894). В

1895 году вышел сборник стихотворений поэта, написанных на русском языке («Стихотворения»). Публиковался в столичных и региональных периодических изданиях.

ХУГАЕВ Сергей родился в 1933 году в с. Хугатайка Южной Осетии. Окончил историко-филологический факультет Северо-Осетинского государственного пединститута, затем Литинститут им. А. М. Горького. Работал учителем в сельских школах Дагестана и Северной Осетии, редактором студии телевидения, зав. отделом журнала «Мах дуг», старшим редактором редакции художественной литературы Северо-Осетинского книжного издательства «Ир». Член Союза писателей СССР (1976); сегодня — член СП России. Известен как автор поэтических и прозаических книг «Именем соседей», «Молоковоз», «Перед дорогой», «Песня осталась со мной», «Под этим солнцем, греющим нас» (роман), «Белые вечера», «Нарт Фарнат» (роман), «Тост за солнцем», «Гроздь винограда» и др. Народный писатель Осетии (2013); награжден орденом Дружбы (РФ, 2018), медалями «Знак Почета» (2007), «Во славу Осетии» (2018) и «Василий Шукшин» (2020).

ЦХУРБАЕВ Алан родился в 1976 году в Тбилиси. В 1991 году в результате разгорающегося осетино-грузинского конфликта переехал с семьей во Владикавказ. В 1999 году окончил французское отделение факультета иностранных языков СОГУ. Работал грузинком, сторожем, экспедитором. В 2004 году освещал террористический акт в Беслане и последующие за этим судебные процессы. Работал корреспондентом ряда российских и зарубежных СМИ: С марта 2018 года — главный редактор журнала «Дарьял». Там же опубликованы первые художественные рассказы (1997). Также имеет публикации в журнале «Дружба народов», других периодических изданиях. Составитель сборника прозы современных писателей Осетии «Здесь были».

ЧЕХОВ Антон Павлович (1860–1904) — русский писатель, прозаик, драматург, публицист, врач, общественный деятель в сфере благотворительности. Классик мировой литературы. Почетный академик Императорской академии наук по разряду изящной словесности (1900–1902). Один из самых известных драматургов мира. Его произведения переведены более чем на сто языков. Пьесы, в особенности «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад» на протяжении более ста лет ставятся во многих театрах мира. За 25 лет творчества Чехов создал более пятисот различных произведений (коротких юмористических рассказов, серьезных повестей, пьес), многие из которых стали классикой мировой литературы.

ШИДАКОВ Ахмат родился в 2000 году в селении Учкеек, Карачаево-Черкесия. Студент исторического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета (специальность «Антиковедение»). Работал историческим гидом в странах Азии и Ближнего Востока. На желание писать повлияло прочтение «Улисса» Джеймса Джойса. Печатался в газете «Литературная Кабардино-Балкария».

ШОМАХОВА Дарья родилась в 1988 году в поселке Майском, КБР. Главный редактор ежемесячного журнала для детей «Солнышко», сопредоктор литературного журнала «Буква», корреспондент портала «Это Кавказ» (ТАСС). Член Союза журналистов России. Публикации: «Литературная Кабардино-Балкария», «Вайнах», «Дарьял», «Литературная газета», «Юность», «Пролог»; сборники: «Новые писатели» и «Вкус айвы», сборник стихов «Том 13» (2018). Живет и работает в Нальчике.

ЯНГИЕВА Асват родилась в 1989 году в Москве. Родом из селения Гази-Кумух (Лакский район, Республика Дагестан). В 2011 году окончила юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, работала как международный и судебный юрист. В 2018 году эмигрировала во Францию.

ДАРЬЯЛ

ИНДЕКС 18668

ВЛАДИКАВКАЗ

2 • 0 • 2 • 3

В оформлении обложки использована картина
П. Хасиева «Бой нартов с небожителями» (фрагмент)

ДАРЬЯЛ-5'2023-ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru